

Sweetest Taboo

a novel

*'...this story forces us to
readjust our own judgments in
the name of love and fate.'*

Eva Márquez

Изабель Круз было пятнадцать, когда она встретила Тома Стивенса. Ей было 15, когда они начали встречаться, а в 16 она лишилась девственности с ним. К тому времени когда ей исполнилось 18 и она пошла в колледж, все изменилось. Это была необычная любовь. Не любовь между двумя близкими друзьями или даже не школьная влюбленность. Это больше была запретная любовь: отношения между студентом и учителем. Изабель была обычной школьницей, но завав на Тома Стивенса, стала его преследовать- безрассудно- очаровательно. Когда он наконец подошел к ней и сказал что разделяет ее чувства, начались запретные и опасные отношения... Следи за тем, как Изабель проходит сквозь путь своей темной любви, скрываясь от учителей, обманывая родителей и бросая вызов властям, пытаясь быть со своей любовью. Смотри как она входит в чудесный мир любви и романтики, ужасного предательства друзей. Плачь вместе с ней, когда она узнает горькую правду жизни. Сладкий запрет вдохновлен истинной и трагичной историей учеников, влюбленных в своих учителей и жизнью с жестокой правдой запретного романа. Эта трогательная книга ищет иной путь, показав преподавателей и учеников в нежном свете, и показать, что настоящая любовь может лежать в основе даже самых незаконных отношений...

Пролог

Дорогой читатель,

Моя история начинается в начале 90-х, когда девушка подросток только-только поступила в среднюю школу.

Ей могла быть любая девушка — молодая, впечатлительная, и новенькая в этом далеком мире

предназначенном для однообразной средней школы как ничему другому — посещение курсов,

брекеты, влюбленности, уроки фотографии, первый поцелуй.

В колледж по своему выбору, и стала бы доктором, или преподавателем, или архитектором.

Вместо этого, она влюбилась в своего тренера по плаванию, одного из самых популярных учителей в школе, и вступила с ним в романтические отношения.

Я не верю в то, что я должна рассказывать вам о том, насколько опасно это было. Она была

молодой девушкой 15-ти, 16-ти, 17-ти лет, и он был взрослым мужчиной далеко за 30, достаточно стар, чтобы быть ее отцом.

Несмотря на это, такой тип отношений мог бы быть допустимым или даже нормальным в

Средневековой Англии, современный мир осуждает такие шалости, и преследует по закону мужчин и женщин — которые пользуются подростками таким способом. Двое из них

стояли бы перед угрозой раскрытия, которая могла погубить их репутацию или даже отправить за решетку. Бросайте свои отношения в лицо обществу, если хотите, но делайте это очень тихо, чтобы избежать раскрытия.

А вы уже догадались что история, которую я вам рассказываю правдива? Догадались ли вы что

это больше чем просто риторический вопрос, больше чем идея, возникшая в моей голове однажды?

Девушка, о которой идет речь в этой истории — моя мама, Изабель Круз. Она никогда не рассказывала свою историю миру, хотя могла бы, потому что она не хотела, чтобы ее любовь и ее отношения были запятнаны осуждением общества. Это была история запрещенной — и незаконной — любви. Это была история лжи, мошенничества, и введения властей в заблуждение. Любовь моей матери к этому взрослому мужчине была запретной, и могла вызвать сильный скандал в мире в целом. Она могла потерять привилегии, возможности и даже свою семью, если бы они узнали. А он ... его будущее и сама жизнь была бы поставлена под угрозу если бы характер их отношений был раскрыт, независимо от того стремилась моя мама преследовать его или нет. Даже когда она стала старше, мама боялась что правда об их отношениях могла отразиться на человеке которого она так нежно любила. Она боролась против этого изо всех сил, с постоянным желанием сберечь его от любого риска или боли. Она никогда не переставала любить его, хотя и другим это казалось возмутительным.

Сейчас она стала старше и того мужчины уже давно нет. Когда я натолкнулась на этот момент в ее дневнике и попросила разрешения написать эту историю, она неохотно согласилась. Это было

время когда мир знал, сказала она, поэтому он мог видеть что этот тип любви — хотя и мог быть

осужден, и даже преследовался по закону — это не всегда то чем кажется. Иногда независимо

от возраста участников, это просто она. Любовь. Истинная и чистая, какая только может быть между двумя людьми, и достаточно сильная чтобы продлиться в течение многих лет. Это было время, по ее словам, для нашей семьи чтобы знать свое прошлое и свое будущее.

Я только что закрыла ее дневник, выжимая из него каждое слово, и написала свои собственные последние слова, что означает, что книга закончена и ее история рассказана. Сейчас я должна передать эту историю тебе, Читатель, и доверить тебе бережно хранить ее и держать в безопасности. Я должна надеяться, что ты увидишь любовь, которая сверкает, а не ситуации общественных нравов. Я должна надеяться, что ты не тревожишься о моей матери и ее прошлом, как я когда писала эту книгу.

Это история моей матери. Она началась когда та была совсем юной, ей было всего 15...

— Клэр Стивенс

Глава 1. Небрежный шепот

По моим подсчетам, у меня было семь минут. Я должна уйти прямо сейчас, или будет слишком поздно.

Я напрягла уши и слушала низкий голос своего брата тихо разговаривающего в холле. Он всегда заканчивал разговоры со своей девушкой словами 'спокойной ночи' и 'я тебя люблю'.

Но я не услышала ничего. Только молчание. Я нахмурилась. Я знала, что мои родители уже спят. Я больше не слышала их интимных разговоров — постоянных шорохов, которые успокаивали меня, когда я была ребенком — у нас смежные комнаты. По крайней мере, это означало, что я могла спокойно отправляться на поиски.

Я вышла из своей спальни и прокралась по пустому коридору, но не нашла своего брата. Я украдкой пробиралась по дому, отключая звонки на всех трех телефонах. Сначала я проверила кабинет мамы, потом кухню, и наконец, гостиную, где я нашла пустую подставку для беспроводного телефона. Я тихо отключила звонок и осмотрела комнату.

Телефон все еще был у Тони. Обычно он возвращал его на место после того как желал спокойной ночи Эмми. Что он делал? Может быть, он ждал другого звонка? Или он оставил телефон у себя назло? Я проглотила свое разочарование и страх. Он мог все испортить.

Или еще хуже того, он мог поймать меня и сдать. Однако я думала, что у меня все еще осталось около пяти минут, чтобы найти телефон и выбраться наружу.

Я кралась босиком по коридору, и чувствовала, как холодок пробежал у меня по спине. Дверь спальни Тони была приоткрыта, мерцающие огоньки телевизора отбрасывали косые лучи на темную прихожую из его комнаты. Я подошла к двери на цыпочках и заглянула в щель.

Я почувствовала облегчение от увиденного. Мой брат заснул с включенным телевизором и телефоном в руке. Вот идиот. Почему именно сегодня. Я сделала глубокий вдох, протянула руку, и толкнула дверь. Петля немного закрипела и я замерла. Громкие стоны нашего старого дома это последнее что мне сейчас было нужно. Я подождала пока дверь перестала двигаться, и внимательно прислушалась к другим звукам. Ничего. Все в доме спят, кроме меня.

Я затаила дыхание, распахнула дверь пошире и проскользнула в комнату.

Толстый ковер у меня под ногами приглушал мои тихие шаги, когда я все ближе подбиралась к своему спящему брату, но мои нервы накалялись с каждым шагом. Я была в ужасе от того что меня могут поймать, но этот телефон был нужен мне как воздух. Я задержала дыхание и медленно потянулась, вытаскивая телефон из руки Тони.

Тони пошевелился, что-то пробормотал и с ворчанием перевернулся.

Я не дышала пока не выбралась из комнаты и бросилась к кухне. Я взглянула на часы, как только добралась до туда и выдохнула; три минуты в запасе. Я прокралась через гостиную, крепко сжимая телефон в руке, и подальше обошла кофейный столик. Последнее что мне сейчас было нужно это врезаться во что-нибудь и разбудить весь дом. К счастью, теплые лучи полной луны светили через мини-жалюзи в гостиной, проливая свет через всю комнату.

Я легким движением повернула медную ручку кухонной двери и на цыпочках вышла во внутренний дворик. Телефон мог зазвонить в любую минуту. Я качнула дверь и почти полностью закрыла ее за собой, но оставила слегка приоткрытой; чтобы не шуметь когда я вернусь в дом. Меня окружил ночной воздух, бодрящий своим прикосновением и обещавший темные закоулки и секреты. Ветер дул сквозь мои волосы на своем пути к огромному кленовому дереву, стоявшему в дальнем конце нашего двора, где бросился к сухим листьям. Это было хорошо — шелест листьев приглушит звук моего голоса. Я села на холодный пол дворика, скрестив ноги, и нервно интересовалась, не разбудит ли жужжание беспроводного телефона кого-нибудь в доме. Такого никогда не случалось раньше, но все бывает впервые.

Это была не первая ночь, когда я босиком сидела во внутреннем дворе, с беспроводным телефоном в руке. Я сидела здесь, так как сейчас много ночей и это всегда заставляло меня чувствовать себя... живой. Даже при тусклом свете полной луны, с другой стороны нашего двора было темно. Таинственно. Полно возможностей. Конечно, я знала, что в течение дня там стояло ограждение для лошадей нашего соседа и для нашего маленького терьера.

Однако, ночью, в темноте, весь мир казался каким-то большим. Прохладный весенний ветерок забрался под мои длинные волосы, и я пожалела о том, что надела эту розовую майку вместо своей любимой фланелевой рубашки.

Я поежилась, взглядываясь в темноту нашего двора, и вдруг подумала о насильнике и убийце который держал в страхе наш район когда я была младше. Мой отец поставил специальные замки на наши двери и окна, и ни одной молодой девушке не разрешалось выходить после наступления темноты.

Я была слишком маленькой, чтобы понять, но это оставило после себя небольшой след. Как я узнаю, что за ограждением нет какого-нибудь психа, ждущего такого момента как этот, когда он сможет выскочить и напасть на семнадцатилетнюю девушку в майке и шортах?

Телефон вдруг завибрировал, и мое сердце подпрыгнуло, поразив меня моими болезненными мыслями. Я нажала зеленую кнопку приема на телефоне, комок застрял в горле.

— Том? — спросила я хриплым шепотом, в животе у меня порхали бабочки. Это все еще было немного странно, называть его по имени, даже после стольких лет. Особенно когда все остальные в Роял Окс Хай называли его мистер Стивенс.

— Изабель? — услышала я знакомый голос. — Как у тебя дела? — его голос был глубоким и ласковым.

Это мгновенно меня успокоило, точно так же, как когда мне было пятнадцать.

Однако сегодня вечером его голос звучал резко, и я почувствовала, что его что-то беспокоит.

— Что-то не так? — спросила я. Я не хотела признавать того что уже знала что было не так. Скоро я закончу среднюю школу. Это положит конец нашему нынешнему положению. Мы все еще не разговаривали о нашем будущем, но я знала, что это скоро произойдет.

После нескольких минут раздумий, Том заговорил.

— Любимая, — сказал он мне грустным голосом. — Я не могу представить свою жизнь без тебя. Я не хочу представлять свою жизнь без тебя.

В последние дни Том редко ласково обращался ко мне. В те редкие моменты, когда он это делал, когда он называл меня своей любимой — мое сердце таяло. Вся эта суматоха, бессонные ночи, длительный характер наших отношений, стали не больше чем мимолетным неудобством и весьма стоящим. Однако сегодня я знала, что слов будет недостаточно. Они придали мне храбрости, я должна была произнести те слова, которых я так боялась.

— Мой выпуск не повлияет на наши отношения, ты это знаешь-, сказала я ему. — Посмотри, через сколько всего мы прошли вместе. Если мы прошли через все это, мы можем пройти через все что угодно. Том, я хочу быть с тобой всегда, не важно, куда жизнь забросит меня после окончания школы.

Я говорила страстно, полностью веря в то что я сказала. Я была совершенно увлечена этим мужчиной. Но где-то глубоко внутри я знала, что была нечестна. Никто из нас не хотел чтобы наши отношения изменились, но было ясно что ситуация изменится и в ближайшее время. Мне только что предложили место в небольшом частном гуманитарном колледже на Восточном побережье.

Выбор был трудным, потому что хотя я и хотела быть рядом с Томом, я также хотела дальше продвигаться в своей жизни. В конце концов, я приняла предложение. Том на самом деле никак не отреагировал, когда я сказала ему. Это не повлияло на наши отношения.

Однако, теперь, трещины начали показываться.

— Я хочу в это верить, — тихо ответил Том. — Мне очень понравилось последнее письмо, которое ты мне написала. Каждый раз, когда я читаю твои письма, я чувствую будто мне снова 16. Я чувствую, как будто я вышел из глубокого сна. — Пауза, а затем, — Я не могу потерять тебя, Изабель. Ты причина, по которой я просыпаюсь по утрам; Я не могу любить никого больше чем я люблю...

Внезапно я услышала отчетливый щелчок на линии. Мое сердце рухнуло.

— Ты это слышала? — отрезал Том, его тон резко стал кратким. — Кто-то поднял трубку в твоём доме?

— Подожди минутку, я проверю внутри. — Я проскользнула внутрь и прислушалась, но в доме было абсолютно тихо. Кухонный телефон был на подставке, в кабинете моей мамы было темно, и я держала единственный другой телефон в доме.

— Кто поднял трубку? — повторил Том, в его голосе звучало беспокойство.

Щелчок возник не на моем конце линии. Я должна была почувствовать облегчение, но моя паника только возросла.

— Том, — прошептала я в трубку. — Это было не у меня, все спят...

— Я должен идти, — резко прервал меня Том. — Даниэль идет.

Раздался еще один щелчок, и связь оборвалась.

Глава 2. Дождь из мужчин, аллилуйя!

Мой первый год в старшей школе был ... открывающим возможности. Я почти сразу заметила эту долгожданную смену неловкости средней школы; мои друзья и я, мы повзрослели, мы хорошо проводили время, и — самое лучшее — это то, что парни, которые всегда привлекали меня, стали обращать на меня внимание.

Я всегда была семейной девушкой, но эта новая атмосфера принесла новую независимость, и я наслаждалась каждой ее секундой. Мне было четырнадцать, и я была готова к миру и готова к своим первым отношениям с парнями. Тот год и лето после него, были затуманены новыми мальчиками: Альфредо, Райан, Брайан, Дэвид, Чарльз, Эрик ... Мне казалось, что я провела всю свою жизнь в коробке и только сейчас нашла из нее выход.

Несмотря на это, я никогда не влюблялась, я всегда делала все, чтобы остановить некоторые вещи, прежде чем все могло пойти слишком далеко. Ничего дальше поцелуев; мои родители воспитали меня приличной девушкой, и я полностью рассчитывала на то, что выйду замуж девственницей.

Когда начался мой второй год обучения в старшей школе, все изменилось.

В первый день второго курса я медленно ходила по открытым коридорам кампуса, упиваясь ощущением возвращения в школу. Лето было замечательным, и я хорошо провела время, но школа все еще удерживала меня тем, что было для меня важно — учеба, мое будущее, и ежедневное общение. С прошлого года ничего не изменилось, кроме моего школьного статуса.

Шкафчики так и остались старыми, ржавыми и остро нуждались в ремонте, несмотря на это, сегодня они были украшены фиолетовыми и серебряными знаками приветствия, в честь первого дня учебы. Я посмеялась над плакатами; Они были беспорядочно развешаны и приклеены на серебряную ленту, и, конечно же, они были сделаны в спешке. Остальная часть школы выглядела точно также; серо-коричневые и желтовато-коричневые стены, бетонные полы, и одноэтажные здания классов.

Лучшее в этом отдельном кампусе было то, что он находился под открытым небом;

когда я была за пределами класса, я могла лежать на скамейках или на газоне, наблюдая за облаками, плывущими по небу, и мечтая о будущем.

Я прогуливалась мимо окна одного из административных офисов и подсознательно взглянула на отражение. В течение первого курса я носила шорты, футболки и джинсы, и была довольно таки похожа на сорванца. Сейчас я на втором курсе и я хотела хотя бы отчасти этому соответствовать, так что я убедила маму купить мне новый гардероб за лето: юбки, облегающие джинсы, и топы которые демонстрировали мою сформировавшуюся фигуру.

Я знала, что выросла быстрее, чем некоторые девочки из моего класса, и я намеревалась извлечь из этого максимум пользы. Также мне говорили, что я выгляжу как Натали Вуд, и сегодня утром я уложила волосы в ее фирменном стиле — собрала волосы в высокий, качающийся хвостик, который едва доставал до моих плеч.

Единственное что портило мой внешний вид это металлические брекеты на зубах, но я с этим смирилась. В течение лета я провела два полных дня перед зеркалом, я училась улыбаться так чтобы губы были слегка приоткрыты.

Я была убеждена в том, что это будет мой год.

Я в этом году бы даже присоединилась к команде по плаванию, с моими лучшими подругами Вики и Нэтэли, чтобы дополнить свое резюме и получить внеклассный опыт. Я никогда ни с кем не соревновалась в плавании, поэтому придется потрудиться, но это даст мне возможность улучшить свою форму, наслаждаться проводимым временем с друзьями, поработать над своим загаром, и ловить на себе взгляды парней, которые разгуливают вокруг бассейна, наблюдая за нами девочками в купальных костюмах.

Я застенчиво улыбнулась своему отражению в окне, затем повернулась и ушла. Хватит мечтать, отчитывала я сама себя. Если это должен был быть мой год, я должна была прийти на первый урок.

К тому времени, как наступил январь, плавание стало главным событием моего дня. Это дало мне что-то, к чему можно было стремиться, и перерыв в моей рутинной жизни. Это также была дополнительная деятельность для моего портфолио, и я четко осознавала, что колледжи будут обращать внимание на такие вещи при рассмотрении моего заявления.

Я проводила большую часть своего времени в классе, с нетерпением ожидая последнего звонка. Когда он звенел, я и члены моей команды бросались к девчачьей раздевалке — плохо освещенной всего несколькими лампами дневного света — чтобы переодеться и сделать растяжку. Я пристрастилась к запаху хлора, который никогда не покидал мой костюм и к прохладным, потрясающим погружениям в освежающую воду. Обычно в послеобеденное время было тепло, даже в январе, так что у нас всегда была толпа наблюдателей. Мне очень нравились зрители, и знание того что они приходят чтобы посмотреть наши выступления.

Конечно же, было что-то еще, что заставляло меня мчаться к бассейну каждый день. Что-то побольше и намного важнее, чем запах хлора, прохладная вода или даже внимание аудитории. Двое из наших инструкторов по плаванию были женщинами тренерами из отдела РЕ. Они управляли новичками и тренировали команду СП. Они также проводили большинство наших практик.

Тем не менее, тренер университета был причиной, по которой я так интенсивно пользовалась своими любимыми духами, каждый день, прежде чем отправиться в бассейн. Мистер Стивенс был главным тренером, тем не менее, во время тренировок он держался в тени двух помощников. Он и не тренировал нас и не исправлял наших ошибок, как это

делали две женщины. Вместо этого он сидел в тени, наблюдая, и отпускал редкие комментарии одному из помощников. Когда пришло время разделить на разные команды, он взял университетскую команду в бассейн поменьше чтобы тренировать их. Я никогда с ним лично не разговаривала, и не знала, смотрел ли он на меня когда-либо вообще.

Это, конечно же, еще больше привлекало меня к нему. Я всегда влюблялась в мужчин постарше, но Мистер Стивенс был самым привлекательным мужчиной из тех, кого я когда-либо видела. Высокий, спортивный, широкоплечий... у него были короткие светло-русые волосы и карие глаза, которые я всегда находила очень соблазнительными, сильный загар и пухлые, чувственные губы. Я никогда не замечала его раньше, пока не присоединилась к сборной по плаванию, но как только я его увидела, я уже не смогла выбросить его из своей головы.

По-быстрому наведя справки, я узнала, что он был учителем, и преподавал математику и фотографию старшеклассникам. Несколько моих старших друзей посещали его занятия, хотя они думали, что я сошла с ума, когда я сказала им что хотела с ним встретиться. Никто из моих друзей не нашел его особо привлекательным — ему было далеко за тридцать и уже появились седые волосы на висках, и он не был спортсменом средней школы. Я игнорировала их мнение, хотя, и воспринимала свою влюбленность со всей свирепостью безумной пятнадцатилетней девчонки.

Я сделала это своим жизненным предназначением, встретиться с ним и узнать о нем побольше.

— Я слышала, что Робби Херрера реально в тебя втюрился, — внезапно сказала Сара, прерывая мои мысли.

Я открыла рот и моргнула, очищая голову от фантазий, и посмотрела на нее.

— Что? — грубо спросила я. — Кто?

Сара неодобрительно поджала губы и проследила за моим взглядом к зеленому бордюру, где стоял Мистер Стивенс и разговаривал с какими-то учителями.

— Робби Херрера. — повторила она. — Ну, ты знаешь, он здесь учится? Он первокурсник, но показался мне хорошим парнем. — Она замолчала, нахмурившись. — Лучше чем влюбиться в какого-то жуткого учителя, — мрачно добавила она.

В ответ я прищурила глаза. Сара была единственной, кто так отреагировал на мою влюбленность. Я предположила, что это как-то связано с ее семейной жизнью, что было неприятно, но мне никогда не нравилось когда мне читали нотации.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, Сара, — пробормотала я.

Она фыркнула, скрестив руки на груди.

— Что с тобой случилось? — бросила она. — Мне что нужно нарисовать несколько седых волосинок на голове Робби чтобы ты дала ему шанс? Иззи, Мистер Стивенс достаточно стар, чтобы быть твоим отцом. Он женат и у него есть дети. Дочери, не намного моложе, чем мы! Что ты собираешься сделать, разрушить семью? — Она посмотрела на меня и покачала головой. — Я не знаю, почему я вообще об этом беспокоюсь. Не похоже, что ты вообще меня слушаешь. — Она повернулась и убежала прочь от зеленого возвышения, ведущего к классам.

Я вздохнула; Я не знаю, почему это так много значило для Сары, и я не знала, как ее переубедить. Она была права, хотя ее слова не имели никакого отношения к моей одержимости Мистером Стивенсом. То чего она не знала, — несмотря на то, что я была увлечена им около недели — это то, что моя влюбленность стала даже сильнее чем в

прошлый понедельник. Мистер Стивенс, наконец, начал обращать на меня внимание. Я не знаю почему это произошло, или что я сделала для того чтобы привлечь его внимание, но когда я вышла из бассейна он стоял на платформе, ждал, с моим бирюзовым пляжным полотенцем в руке.

Вот когда я узнала, что эта влюбленность не была столь односторонней, как я считала прежде.

Он не ждал никого другого. Он даже ничего не сказал никому другому из команды СП. И он, конечно, не знал, где были полотенца кого-либо другого (эта часть, возможно, была лишь предположением с моей стороны). Но он знал кто я такая, и он ждал меня.

Я уставилась на него с открытым ртом, и мой мозг перебирал все последствия. Во-первых, тот факт, что он протянул мне полотенце, а не кто-либо другой из команды, означало, что он делил эту связь со мной и только со мной. Во-вторых, тот факт, что Мистер Стивенс знал какое у меня полотенце, означало, что он наблюдал за мной.

Все это время, когда мне казалось, что он даже не смотрел в мою сторону, он наблюдал за мной. По крайней мере наблюдал достаточно долго для того чтобы знать какое я подняла полотенце. И он должно быть внимательно наблюдал за мной и знал, что я всегда ставлю свою сумку на бетонную скамью около южного конца бассейна.

Он знал, где искать мое полотенце, и это привело меня к третьему — самому важному — заключению. Он знал, где я тренировалась, и куда клала свои вещи. Это должно быть означало, что он ждал пока я выйду. Я взяла полотенце и молча, повернувшись, чувствуя, как от волнения закружилась голова. Я не знаю, как я добралась до раздевалки, не споткнувшись о саму себя.

После этого все изменилось.

Три недели спустя, у нас были наши первые сборы по плаванию. Это был первый раз, когда вся наша команда соревновалась вместе и в первый раз мы столкнулись с реальной школой в гонках. Я до смешного нервничала ночью перед соревнованиями — или нас хорошо обставят, или мы были настолько хороши как про себя думали? В течение долгого дня я обгрызла все свои ногти, но наконец, обрела себя на последнем уроке. Пловцы освободились рано, и я подошла к раздевалке, где были две девочки из моей команды. Мы собрали наше снаряжение из своих шкафчиков и направились к стоянке, чтобы подождать автобус.

Когда прибыл желтый школьный автобус, все столпились, выбирая места которые они предпочитали, пока они шли по проходу.

— Старый автобус сегодня, — пробормотала Нэтэли. — Мы думали что они, по крайней мере, предложат нам хороший автобус. Мы представляем школу, в конце концов.

Я пожалала плечами, глядя на облупившуюся краску и выцветшие надписи на автобусе.

— Я предполагаю, что они делают все что могут. У школы не так уж и много денег. — Мой взгляд блуждал по окнам пока я не нашла тренеров по плаванию. Как обычно, они сидели в первом ряду.

Мои губы растянулись в ухмылке, и я повысила голос.

— В любом случае, — продолжала я, по крайней мере, мы рано выбираемся из школы. И отправляемся в поездку.

Нэтэли повернулась ко мне, нахмурившись, затем проследила за направлением моих глаз и улыбнулась в ответ. — И что же так подняло тебе настроение, Иззи? Спросила она, дразня.

— Почему так взволнована? Это все из-за того что мы собираемся в поездку с ... Мистером Стивенсом, не так ли? — Она ткнула меня в бок и засмеялась, когда я скорчилась.

— Тихо, ты, — засмеялась я. — Никто не должен об этом знать!

Нэтэли рассмеялась, затем схватила нашу подругу Вики и поднялась по лестнице в автобус. Большая часть команды выбрали места в задней части автобуса, чтобы быть как можно дальше от тренеров насколько это возможно. Однако я и мои друзья выбрали места позади тренеров, так что мы могли заглядывать им через плечи на задания по плаванию.

Я знала, что две тренерши не любили меня — они проводили большую часть своего времени на тренировках, назначая мне дополнительные круги — но сидя за ними у нас было представление о том, кто и как будет плавать на соревнованиях. Кроме того, Нэтэли и Вики были избирательными пловцами, а также их любимчиками, так что тренеры были добры ко мне, когда они были поблизости. Как только мы сели я скользнула взглядом мимо двух женщин к другой стороне ряда, тренер Стивенс сидел один, со списком заданий перед ним.

Он выглядел одиноким, подумала я, и задалась вопросом, не был бы он против некоторой компании. Я даже покраснела от мысли о том, как близко я к нему сидела, и я наклонила лицо к окну, прежде чем кто-либо увидел, как краснеют мои щеки.

Он стал дружелюбней после случая с полотенцем и люди стали это замечать. Теперь он всегда смеялся над моими выходками, и даже шутил в мою сторону один или два раза. Я оборачивалась, чтобы ловить на себе взгляд его удивительных карих глаз, и не один раз, и научилась улыбаться в ответ, когда наши взгляды сталкивались.

Несмотря на то, что мысль о том чтобы сидеть рядом с ним в автобусе была чем-то новым, я не думала, что я была полностью готова к этому.

Нэтэли, которая сидела рядом со мной, наклонилась и тихо дышала мне в ухо.

— Почему бы тебе не пойти и не сесть рядом с твоим парнем Мистером Стивенсом. — Она засмеялась, когда я вскочила и потянулась чтобы ударить ее по руке.

— Ох, прекрати, — пробормотала она, все еще улыбаясь. Я ничего не могу поделать с тем, что у тебя все на лице написано. Я точно могу сказать то, о чем ты думаешь, каждый раз, когда смотришь на него. Ты должна научиться скрывать это получше.

Я снова пожала плечами, ухмыляясь, и повернулась к окну. Она была права. Что бы ни было между нами, я не хотела это испортить. И, конечно же, я не хотела, чтобы это закончилось. Мне пришлось научиться оставаться спокойной и просто отключить эти особенности в себе также как это делают девушки постарше. Это никогда не заставит людей подозревать что-то большее, чем на самом деле происходит — это может разрушить дела для нас обоих. Не то чтобы что-то происходило, напомнила я себе. Ничего не произошло.

По крайней мере, пока что.

Это не меняет того факта, что я хотела узнать побольше об этом человеке. Я хотела узнать его получше, и узнать, что заставляет его двигаться. Что заставляет его улыбаться, а что мечтать. Я хотела знать о нем все: его сильные стороны, его слабости, то что его расстраивает, его страхи, что приносит ему спокойствие... прежде всего, я хотела узнать все о его желаниях. И что он думал обо мне.

Я бросила еще один быстрый взгляд в его сторону и увидела, что он тоже смотрит на меня, его лицо было нечитаемым. Я покраснела и быстро опустила глаза вниз, но не раньше, чем Нэтэли снова толкнула меня в бок.

Научись контролировать свои реакции, я быстро напомнила сама себе. Не выдавай себя так легко.

Автобус прибыл к незнакомой школе, она находилась в тридцати минутах езды от нашего кампуса, прежде чем я смогла набраться смелости снова взглянуть на Мистера Стивенса. Я выглянула в окно и заметила, каким красивым был кампус; чистые тротуары, ярко-зеленые газоны, и ряд высоких зрелых деревьев.

Здания были больше чем в моей школе, и построены из красного кирпича. Это придавало всей школе официальный, классический вид, я улыбнулась про себя. На протяжении многих лет я была всего в нескольких школах, и они всегда были приятнее, чем наша. Здания были больше, деревья красивее, и трава всегда была зеленее.

Есть несколько причин таких различий — наша школа находилась в части города с низким уровнем дохода и почти все студенты были иммигрантами или меньшинствами. У нас не было много средств для ремонта или даже просто надлежащего содержания. Все же, это всегда заставляло меня задаваться вопросами. Что думали другие студенты, когда приходили в нашу школу? Они думали, что мы были хуже, чем они? Интересовались ли они тем, что мы были своего рода гетто школой? Приходило ли им когда-нибудь в голову, что мы можем быть такими же талантливыми как они — или даже лучше — но без всех этих модных украшений?

Я расправила плечи, избавляясь от этих мыслей, и сосредоточилась на предстоящем соревновании. Может быть, у нас и нет такого большого причудливого бассейна как у них, но я верила в нашу команду. У нас было оружие, которого они никогда не видели и талантливые, мотивирующие тренеры.

Я бросила последний взгляд на тренера Стивенса, который не поднял взгляд снова, потом встала и вышла из автобуса со своими друзьями. Наша работа начинается сейчас — найти раздевалки, переодеться в купальные костюмы и войти в воду, чтобы потренироваться перед соревнованием. Нэтэли и Вики были здесь прежде, и они уверенно шли к бассейну. Когда мы завернули за угол за ними, я услышала, как одна из девочек задохнулась от удивления.

Несомненно, богатая школа — на заднем дворе у них стоял собственный бассейн олимпийских размеров. Он был окружен аккуратным садом, в комплекте с лужайкой и небольшой парковой зоной для отдыха на “природе”. Это был первый раз, когда я видела такой огромный бассейн. Все же к моему удивлению я решительно закрыла рот и поклялась показать студентам этой школы, что мы тоже были достаточно хороши для их бассейна.

— Пойдемте девочки, — пробормотала я, членам своей команды, подталкивая их к ближайшим раздевалкам. Мы вошли в яркую, чистую комнату и натянули наши конкурсные купальники, чтобы пойти размяться. Это были новые костюмы, и все еще более тесные, чем наши тренировочные костюмы. — Тесные костюмы делают для меньшего торможения, — говорила мне в начале сезона Нэтэли. — Всегда заказывай настолько маленький купальник, какой ты сможешь на себя надеть, потом втягивай живот, чтобы его надевать. — Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как спандекс обтягивает мои ребра, и улыбнулась девушке стоящей рядом со мной. Костюмы были тесными, что означало, что они подходили нам как вторая кожа.

Это также давало возможность всем остальным получше нас рассмотреть.

Мистер Стивенс еще не видел меня в моем новом костюме, и я остановилась перед зеркалом в ванной. Хотя костюм и был новым он уже начал изнашиваться, но он открывал достаточную часть моего тела, чтобы я могла осознать, что Нэтэли была права — костюма уже этого я еще не носила, и он был на грани неприличного.

— Изабель, где ты? Мы уже разогреваемся! — крикнула Вики через дверь. Девушка была всего полтора метра ростом, но у нее был самый громкий голос в нашей команде. Я никак не могла понять, где она хранила весь этот звук, когда она его не использовала.

— Иду, иду, — отозвалась я. Я бросила еще один взгляд в зеркало. — Время представления, -

вердо сказала я. Задрвав подбородок, я расправила плечи, повернулась, и вышла на солнце.

Тренер Стивенс и Вики ждали меня возле раздевалки. Как только Вики увидела меня, она кивнула и побежала к бассейну, оставив меня и Мистера Стивенса в одиночестве. Это не должен был быть неловкий момент ни для одного из нас; Он был моим тренером, и я была пловцов в его команде.

Время, проведенное в одиночестве до соревнований, должно было сопровождаться мудрыми словами или словами ободрения. Возможно, мы бы обсудили гонки, в которых мне предстояло участвовать и мои шансы против другой команды. Мы также могли поговорить об уроках, которые он преподавал и буду ли я их посещать, чтобы дополнить свое портфолио в ближайшие два года.

Однако вместо этого мы ничего не сказали и те тридцать секунд, которые мы добирались до бассейна, тянулись медленно и напряженно. Я искала подходящие слова, чтобы разрушить эту тишину, но ничего не придумала. Это был шанс, которого я так ждала — Мистер Стивенс шел рядом со мной, и никого не было вокруг. Я могла бы сказать все что хотела. Но мой мозг упорно отказывался работать, и мои губы оставались плотно сжатыми.

Вместо этого я заметила уверенность в его походке, и близость его тела к моему. Он был так близко ко мне — почти достаточно близко, чтобы наши руки слегка соприкоснулись. Безусловно, ближе, чем он должен был быть. Он казался башней рядом со мной, хотя он и был всего сантиметров на пятнадцать выше меня. Такой рост успокаивал меня; В его присутствии я чувствовала себя защищено.

Он должно быть тоже чувствовал себя неловко в этой тишине, потому что он остановился и повернулся ко мне. Я тоже остановилась и посмотрела на него.

— Изабель, ты нервничаешь? — тихо спросил он.

Я была так занята своими мыслями и фантазиями что ответила не думая.

— Нет, вы не заставляете меня нервничать.

Он отшатнулся, смущенный, и я почувствовала, как мои щеки покраснели. Я неправильно поняла ситуацию и попыталась спасти разговор.

— Гм, я имею ввиду, вы пытаетесь заставить меня нервничать по поводу предстоящих соревнований? — быстро спросила я, улыбаясь. — Если это так, то у вас ничего не выходит, — Я вооружилась еще одной яркой улыбкой и наклонила голову, смотря на него сквозь свои ресницы.

Он засмеялся и положил свою руку мне на затылок, мягко прижимая свои пальцы к моей коже. Я перестала дышать, упиваясь ощущением кончиков его пальцев ласкающих меня. Он наклонился вперед, чтобы говорить ближе к моему уху.

— Тебе не о чем беспокоиться, молодая леди. И, конечно же, тебе не нужно нервничать из-за меня.

Я снова покраснела, и он отпустил меня. Он понял мое высказывание и заметил мою попытку это скрыть. Я посмотрела на него и улыбнулась, затем повернулась и пошла к бассейну. Хотя я и надела свою шапочку я повернулась, чтобы снова посмотреть на него и

поймала его улыбку, играющую на уголке рта. Мое сердце забилося о грудную клетку, и мои колени ослабли, но я заставила себя отвернуться и сосредоточиться на предстоящем соревновании.

Глава 3. Это преступление?

Через пару месяцев, я привыкла к своей роли в команде по плаванию и начала заводить больше друзей не входящих в мой обычный круг общения. Лиз, девушка, которая ходит со мной на английский и историю, стала одной из тех, кому я больше всего доверяю, и я начала думать о ней как о сестре, которой у меня никогда не было. Она не была в команде по плаванию; на самом деле, Лиз вообще не занималась никаким спортом.

Она была высокой, шумной, и немного полной Американо-Мексиканкой, и уклонялась от любых спортивных мероприятий. Несмотря на это она оставалась на тренировки по плаванию каждый день, чтобы поддержать нас и перекинуться с нами парой шуток, прежде чем отправиться домой. Когда дни тянулись медленно, она садилась на бетонные скамейки и ждала, пока закончится тренировка. Ее дом был теплее и доброжелательнее чем мой, так как у нее не было ни братьев, ни сестер которые могли бы надоедать нам, и мне нравилось ходить туда после школы и делать домашнюю работу или смотреть телевизор и есть с ее семьей. Я могла делать это только в те дни, когда она дожидалась меня. Это всегда согревало мне сердце, когда я видела, как она сидела на скамейке читала книгу и ждала, пока я закончу тренироваться.

Кроме того Мистер Стивенс наслаждался ее присутствием и иногда садился рядом с ней во время тренировок. Она была веселой, смешной девчонкой и ему нравились ее саркастические шутки и невероятные истории. К концу первого месяца купального сезона они стали друзьями, и она пользовалась этим, как только могла. Она включала меня в их разговоры, когда могла, хотя это быстро приводило к тому, что она больше не участвовала в разговоре. Я всегда стремилась найти причину поговорить с Мистером Стивенсом и он казался одинаково счастливым когда сидел с Лиз или со мной. Лиз была единственной подругой, которая не осуждала меня и не критиковала мою влюбленность в Мистера Стивенса, мужчину гораздо старше меня с золотым обручальным кольцом на пальце. Она дожидалась пока я и Мистер Стивенс начинали разговаривать, потом окидывала меня понимающим взглядом, уходила и дожидалась меня у входа в девчачью раздевалку.

Моя влюбленность в Мистера Стивенса начала управлять моим подростковым миром, и я отслеживала все наши, казалось бы, незначительные взаимодействия которыми я стала одержима. Честно говоря, на данный момент Мистер Стивенс не сделал ничего неуместного и относился ко мне с таким же уважением, какое он проявлял ко всем другим пловцам. Я верю в то, что он вставал ближе ко мне и смотрел на меня другим взглядом, но скорее всего это были лишь плоды моего воображения. В те моменты, когда я мыслила трезво, я была вынуждена признать, что мои отношения с Мистером Стивенсом существовали только в моей голове. На самом деле ничего не произошло. Но это не мешало мне чувствовать прилив нервной энергии каждый раз, когда он оказывался рядом. И этой нервной энергии было достаточно, чтобы питать мою влюбленность.

Со временем я стала смелее. Мои шутки принимали более пытливый и исследовательский характер, и он стал задерживать свои прикосновения, когда передавал мне что-то или когда возвращал мне мое полотенце. Теперь он стал держать для меня мои украшения во время тренировок. Когда тренировка заканчивалась, он доставал мое ожерелье из своего кармана, обвивал вокруг моей шеи и застегивал. Было трудно проверить, было ли

все это признаками доброго человека, который сделал бы то же самое для любого или он уделял мне особое внимание, играя в ту же игру, в которую играла я. В любом случае, эти моменты были самыми яркими событиями моих дней.

Как-то раз, мы с Лиз отправились ко мне домой после школы, чтобы сделать уроки и посплетничать. Мы пошли прямо в мою спальню, которая была теплой как в период сильной жары в начале марта и я оставила окно открытым. Легкий ветерок дул сквозь окно, чтобы освежить комнату.

Я оглянула всю комнату, чтобы убедиться, что дверь была закрыта и заметила, что ветер шевелит плакат Билла Клинтона, который висел над моим столом. Я побежала к столу, чтобы закрепить плакат.

— Закрой окно, Лиз! — закричала я. — Билли падает!

Лиз вскочила и закрыла окно. Она посмотрела на то, как я поправляла ленту на уголках плаката и потом рассмеялась.

— Ты и твой Билли, Иззи, — сказала она. — Ты такая смешная. Разве тебе не достаточно его жуткого черно-белого портрета на твоём школьном галстуке? Тебе нужно чтобы он был везде? На твоей стене больше ничего нет!

Я усмехнулась, как только села на вращающийся стул.

— Ты знаешь, что я люблю Билли, — сказала я ей. — Ты можешь забрать все что угодно, но только не моего Билли. Все мои друзья смеялись над моей одержимостью президентом нашей страны, но у них были их Люк Перри и Джейсон Пристли, а у меня был мой Билли. Я любила политику, мне нравился тот факт, что президент Буш не был переизбран, и мне нравилось, что этот относительно молодой демократ — остроумный и сообразительный седовласый хитрец из Арканзаса — выиграл на президентских выборах. Мой черно-белый плакат Билли это все чем я хотела украсить свою спальню; это было все вдохновение, которое мне было нужно.

Мы с Лиз сели, чтобы поболтать и вскоре наш разговор зашел о ее новом парне, который был намного старше ее. Я умирала от зависти, и хотела знать каждую деталь их отношений. Лиз была достаточно открыта со мной, и была не против поделиться, мы остановились на середине очень яркой истории, когда дверь в мою комнату распахнулась. Мы обе вскочили с виноватым видом, повернулись и обнаружили моего отца стоявшего в дверном проеме с его фирменным мрачным видом. Любой незнакомый с моим отцом человек подумал бы, что он злится и собирается читать нотации, но Лиз привыкла к жестокой природе моего отца. Прежде она видела его в разном настроении и понимала, так же как и я, что на самом деле он не был огорчен или расстроен. Она посмотрела на него, улыбаясь своей самой невинной улыбкой.

— Привет, пап, — спокойно сказала я. — Что случилось?

Кто-то пришел, чтобы увидеться со мной, сообщил он, мне по-испански, исчезая в коридоре. Он ушел, прежде чем я смогла спросить, кто это был. Я обменялась недоуменным взглядом с Лиз, и мы вскочили на ноги.

Мистер Стивенс стоял у входной двери, когда я до нее дошла.

— Привет, — сказал он.

Я уставилась на него не в силах скрыть своего удивления.

— Э-э, привет, — все, что я смогла сказать. Что он здесь делает? Как он узнал, где я живу? Я почувствовала знакомый трепет у себя в груди; мое сердце заколотилось, когда я двинулась вперед.

— Могу я войти? — спросил Мистер Стивенс, смотря прямо на меня. Я внезапно почувствовала себя скромно одетой в своих спортивных штанах и старой темно-синей майке. Мои волосы были сухими, но я не стала их укладывать после тренировки, так что у меня не было никакой прически. Я застенчиво положила руку себе на голову думая, что должно быть мои волосы выглядят ужасно.

— О, конечно, конечно, — ответила я, делая шаг назад, чтобы позволить ему войти.

Мистер Стивенс вошел в гостиную, обращая внимание на телевизор с большим экраном, на множество оливково-зеленых итальянских кожаных кушеток, на журналы Архитектурный Сборник аккуратно сложенные на дубовом кофейном столике. Судя по выражению его лица, я могла сказать, что он был удивлен, увидев такую дорогую мебель и приборы внутри дома в моем районе для иммигрантов.

Наша терьер метнулась от своей подушки на полу, чтобы поприветствовать незнакомца, и он наклонился, чтобы погладить ее. Она потянулась, совершая один из своих любимых трюков, и перевернулась на спину, чтобы показать свой животик.

— Какое ты очаровательное маленькое существо, — сказал он, ласково потирая ее гладкий животик.

— Она помесь терьера, — сказала я просто, чтобы заполнить пустоту. — Мне подарили ее на пятнадцатилетие.

Мистер Стивенс выпрямился и снова посмотрел на меня, пока Брауни продолжала нюхать его сандалии. Он кивнул, но не ответил.

Я сделала паузу, затем подалась вперед.

— Эм, могу я вам чем-нибудь помочь, Мистер Стивенс? — нервно спросила я. Я прогнала события всего дня у себя в голове, но не смогла найти причину этого неожиданного визита.

Он вдруг кивнул, как будто только что что-то вспомнил.

— Конечно, как грубо с моей стороны. Ты забыла свое ожерелье и часы на тренировке. — Он сунул руку в карман, чтобы их вытащить. — Я принес их тебе. Я не хотел, чтобы ты волновалась.

Он протянул руку, серебряное ожерелье и кулон свисали с его пальцев, и я поняла, что это был первый раз, когда я забыла свои украшения. Я уставилась на ожерелье и моргнула пару раз, чувствуя себя плохо из-за того что я даже не заметила что забыла свои украшения до этого момента, когда Мистер Стивенс стоял в моей гостиной держа их в руке.

— Я совсем про них забыла, — призналась я. — Спасибо большое за то, что заехали, чтобы отдать их мне.

— Нет проблем, — ответил он. — Я подвез нескольких пловцов домой, и одна из них сказала мне, что ты живешь, справа по улице, так что я подумал, почему бы и нет? Мне было по пути. Я не хотел, чтобы ты запаниковала думая, что ты их потеряла.

Пока он говорил, он мягко вложил украшения в мою руку, слегка лаская мое запястье, когда отпустил их. На мгновение наши глаза встретились, и я почувствовала жар слишком знакомого румянца появившегося у меня на лице. Должно быть, он тоже это заметил, потому что он посмотрел в сторону и добавил:

— По крайней мере, теперь ты можешь вздохнуть, спокойно зная, что ожерелье твоей бабушки благополучно вернулось к тебе.

Я нахмурилась в замешательстве, но потом вспомнила, что говорила ему, что это было ожерелье моей бабушки еще в первый раз, когда я просила его чтобы он его подержал.

— Да, я рада, что оно снова у меня, — быстро ответила я. — Это так мило с вашей стороны, что вы мне его вернули. Я очень ценю это.

Мы дошли до двери и Мистер Стивенс вышел на крыльцо. Он посмотрел на меня прежде чем уйти, остановился, затем подмигнул и пожелал спокойной ночи. Я вернулась внутрь, все еще ошеломленная, сжимая в руке ожерелье моей бабушки, и закрыла за собой дверь. На меня быстро набросилась очень взволнованная Лиз, которая видимо, подслушивала мой разговор с Мистером Стивенсом из прихожей.

— О, Боже мой! Я не могу в это поверить! Иззи, да он же в тебя втюрился! — разразилась она. — О, Боже мой. Разве ты не видишь? Он заехал к тебе, чтобы отдать украшения, когда он мог просто сделать это завтра в школе. Разве ты не понимаешь? Он хотел увидеть тебя, вот почему он заехал к тебе домой! — Она подскакивала вверх и вниз, искрясь от волнения, и мои губы изогнулись в улыбке. Я не могла поверить в то, что он приходил ко мне домой и, конечно же, я не собиралась догадываться о его намерениях, но, возможно, она была права. Прodelал ли он весь этот путь — даже придумал для этого повод — просто чтобы увидеть меня снова, за пределами школы?

Было ли это началом более частых встреч? Смела ли я надеяться на что-то подобное?

Прежде чем я успела ответить, снова появился мой отец, он стоял прямо перед нами в коридоре. Я не была обеспокоена тем, услышал ли он, как визжала Лиз, или понял ли, что она сказала — он плохо разговаривал по-английски и почти не понимал его, несмотря на то, что жил в Калифорнии более десяти лет. Ему не нужно было разговаривать по-английски на работе, и он упорно отказывался приспособливаться к культуре своей новой родины, несмотря на просьбы моей матери. Он не знал, что сказала Лиз или, что произошло между мной и Мистером Стивенсом. Хотя, его лицо и было суровым, когда он позвал меня чтобы поговорить со мной наедине, но мне было интересно, что он думает. Лиз посмотрела на меня и быстро убежала в мою спальню.

Когда Лиз ушла, мой отец прямо спросил, кто был тот человек. Я объяснила, что это был мой тренер по плаванию из школы и что он заехал, чтобы отдать мне мои украшения, которые я забыла на тренировке.

Мой отец не казался удовлетворенным объяснением.

— Он мне не нравится, — сказал он мне по-испански, его тон был предельно серьезен. — Я не хочу, чтобы ты оставалась с ним наедине. Ты меня поняла?

Мой рот приоткрылся от удивления. Я не могла поверить в то, что мой отец стал осуждать Мистера Стивенса так поспешно и по такому незначительному поводу. Он даже не был знаком с этим человеком и это был один из моих тренеров! Я начала защищать Мистера Стивенса, говоря моему отцу, что это был мой тренер по плаванию и что он хороший человек и что он просто подвез нескольких пловцов домой после тренировки. Почему мой отец был настолько неблагоприятен?

— Я знаю, о чем говорю, — последовал резкий ответ моего отца. — Будь осторожна, Изабель.

Я приостановилась, пытаясь решить что делать; в моей семье, приказ отца — закон, и его было трудно обойти. Отец принял мое молчание за согласие и ушел. Я также стояла, смотря ему вслед, мои сердце и разум пустились вскачь.

Глава 4. Зарождение чувств

К середине семестра я незаметно выслеживала Мистера Стивенса. Каждое утро я приезжала в школу, чтобы заглянуть в его класс. Если он был там и дверь была открыта, я

усаживалась в коридоре напротив, делая вид, что читаю, и наблюдала за ним сквозь ресницы. Если его там не было, я уходила в другую часть школы, где обычно все толпились.

Если я не видела его к первому или второму уроку, я делала все, чтобы выследить его в обеденный перерыв. Иногда я видела, что он стоит у своего класса и смотрит в мою сторону, когда я направляюсь к своему облупившемуся коричневому шкафчику во время перемен. Иногда я видела его в коридоре, недалеко от своего шкафчика. Иногда я видела его даже возле моего классного кабинета.

Я начала думать, что он также выслеживает меня.

Я забросила учебу, так как большую часть занятий мечтала, придумывая пространные и яркие сценарии, где мистер Стивенс так сильно меня желал, что готов был рискнуть всем, включая свою карьеру и брак, чтобы быть со мной.

Эти сценарии с каждым разом становились все ярче и свидетельствовали о развитии моих воображаемых отношений. Сегодня, я знала, что буду предаваться еще более запретным мечтам. Несколько дней назад, я воображала как мистер Стивенсон, наконец-то, признался, что его влечет ко мне. На следующий день, в моей фантазии я представила, что теряю голову от его глубокого и страстного поцелуя.

Сегодня, я знала, все останется без изменений. Я не видела его, с тех пор как приехала в школу, а ведь уже был третий урок. Я ужасно по нему скучала, поэтому не могла просто сидеть и ждать, и начала размышлять о том, чем бы мы сейчас занимались, если бы были вместе. Большую часть алгебры я представляла себе, чтобы могло последовать за поцелуем. Наверное, он бы решил, что дальше не сможет жить без меня?

После третьего урока, я пошла к своему шкафчику одна. У меня и Лиз был общий третий урок, и обычно мы вместе шли на занятия четвертого часа, но, сегодня, так как она приболела, ее не было в школе. Я быстро прошла к шкафчику, чтобы, как обычно, выложить одну и взять другую книгу и нырнула вниз к ящику за ручкой. Выпрямившись, я почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Я успокоилась, отгоняя свои чувства и поняла, что кто-то стоит прямо позади меня. Я улыбнулась. Я узнала запах его одеколona, чистый и мужской запах, и мне не нужно было поворачиваться, чтобы узнать кто это был.

Я повернулась, опустив глаза вниз, так что смогла притвориться удивленной, увидев его. Мистер Стивенс стоял как никогда близко ко мне, склонившись, как будто собираясь что-то сказать. Я выдохнула, пытаюсь совладать с собой и взглянула на него.

— Вы не меня ищете, мистер Стивенс? — скромно поинтересовалась я.

Он взглянул на меня, затем наклонился к моему шкафчику и провел большим пальцем по моим книгам. Я повернулась и уставилась на его руку, пока он обыскивал мою аккуратно разложенную стопку учебников, совершенно ничего не понимая.

— Я ищу свое письмо, — ответил он тихо, так что услышать могла только я. Его дыхание согрело мою шею, его грудь почти касалась моей спины и мое сердце пустилось вскачь. О чем он говорит? Письмо? Какое письмо? У меня в шкафчике нет никаких писем. Неужели он думает, я что-то украла у него?

— Какое письмо? — наконец спросила я, немного нервничая. — Я полагала, что в моем шкафчике лежат только мои вещи.

Как только слова сорвались с моих губ, я поняла, что именно пыталась сказать мистер Стивенс. Он хотел получить от меня письмо! Он думал, что я написала ему письмо и искал его в моем шкафчике.

Конечно, никакого письма не было, но он сказал мне, чего хочет. Он попросил меня

написать ему письмо.

Я почувствовала, как краска прилила к моим щекам и я поднесла к ним руки, пытаюсь стереть румянец, который выдавал меня. Оглядываясь по сторонам, я заметила одного мальчишку, с которым у меня были совместные уроки английского языка и который смотрел на нас, я снова уставилась вниз. Когда я посмотрела на мистера Стивенса, он улыбнулся мне. Должно быть, он заметил мое смущение, так как усмехнулся и отошел назад, глядя на меня своими красивыми карими глазами. Его глаза обрамляли густые, темные ресницы, его взгляд спустился вниз и остановился на моих ногах. В моем животе взрывался фейерверк и я не знала, как долго я смогу это вынести.

— Конечно, — слышала я себя со стороны, — Я могу сделать это.

Мистер Стивенс улыбнулся и дотронулся до моего оголенного плеча в знак благодарности, затем отступил. Он повернулся и пошел к своему классу, снова посмотрел на меня и сказал многозначительно.

— Надеюсь его получить в скором времени. — и исчез из виду, войдя в свой класс.

Я тяжело дышала, стараясь прийти в себя. Я ничего не помнила из разговора. На что я только что согласилась? И к чему это может привести?

В середине четвертого урока, я вспоминала на что именно я согласилась. Я сидела в классе, уставившись в окно, все еще пытаюсь прийти в себя от моей физической реакции на него, когда фраза, произнесенная шепотом, отдавалась эхом в моей голове. Мистер Стивенс прошептал ее мне в ухо своим низким голосом.

— Напиши мне письмо, — пробормотал он тихо. И я ответила, что напишу.

Мой мозг перебирал различные варианты. Возможно, я придавала слишком большое значение всему этому, возможно, он меня дразнил, зная что я запала на него, возможно, он пытался причинить мне неприятности. Но, возможно, говорило мое сердце, возможно... он заинтересован мною также как и я им. Возможно, он просто хотел услышать, что я заинтересована им.

Я не могла поверить, что моя фантазия воплотилась в жизнь. Эта мысль была совершенно потрясающая, и я не знала смогу ли я справиться с последствиями. Он догадывался о моих мыслях. Он точно знал, что я чувствую и о чем думаю и высказался по этому поводу. Но было ли это желанием только с моей стороны? Я задумалась над этим и нахмурилась. Действительно ли я хотела, чтобы между мной и мистером Стивенсом что-то было? Должна признаться, я никогда не думала об этом аспекте и, на самом деле, не знала ответа на этот вопрос. Это меня беспокоило; я всегда знала, чего хочу и шла к этому. В этот раз я не знала чего хочу.

Мое сердце все еще сильно билось в конце учебного дня, и я с головой ушла в тренировку по плаванию, где все было по прежнему. Девчонки как всегда шутили и смеялись, не подозревая, что весь мир изменился, по крайней мере, для меня. Я натянула на себя купальник и залезла в бассейн с другими девочками, где мы приступили к нашим ежедневным упражнениям, гадая, что принесет тренировка.

Как оказалось, никаких перемен, мы упражнялись как обычно: плавали свободным стилем, на животе, на спине, баттерфляем и под конец тренировки выполняли расслабляющие упражнения. Каждый раз, подплывая к бортику бассейна, я посматривала на тренера, но ни разу не поймала его взгляд на себе. Возможно, я все преувеличивала, подумала я. Может это было только у меня в голове.

К концу тренировки, я была слишком уставшей, чтобы вообще думать о чем-либо. Я

завершила свою последнюю дорожку и поплыла к бортику, затем, схватившись за бетонный бортик, вылезла из бассейна. Мартовское солнце было теплым и манящим, я легла на спину, свесив ноги в прохладную воду. Солнце светило ярко и согревало меня, высушивая капли воды на моей коже, я поудобнее улеглась на пол и рукой прикрыла глаза от солнца. Тепло бетона согревало мою спину и плечи, расслабляя мое утомленное тело. Я глубоко вздохнула и выкинула все мысли из головы, думая только о приятном тепле на моем теле.

Внезапно, кто-то загородил солнце, откидывая тень на мое лицо и принося прохладу тени. Я убрала руку и прищурилась одним глазом, затем широко распахнула оба. Надо мной стоял мистер Стивенс, держа полотенце. Он уронил его мне на лицо, смеясь и повернулся к Натали, чтобы поговорить с ней. Она ответила ему что-то, затем прошествовала в раздевалку. Я осталась наедине с мистером Стивенсом. Это было не впервой для меня; мы оставались вместе после тренировок, шли, разговаривая, к раздевалкам. Хотя, обычно, я шла в женскую раздевалку а он к грузовику.

Сегодня у выхода он взял меня за руку.

— Изабель, хочешь я подвезу тебя до дома? — спросил он тихо. — Если хочешь, могу высадить тебя не у твоего дома, а у дома Лиз.

Это была неплохая идея, хотя мистер Стивенс не мог знать почему. Я знала, что если мой отец увидит, как мистер Стивенс подвозит меня до дома — особенно после его строго предупреждения — то, он окончательно взбесится. Мне прочтут длительную лекцию на тему послушания и безопасности, а лекция моего отца никогда не была приятной штукой. С другой стороны, если мистер Стивенс оставит меня у дома Лиз...

— Конечно, — безразлично отозвалась я. — Лиз будет рада меня видеть, она сегодня осталась дома, так как заболела.

— Да, я знаю, — усмехнулся он. — Я догадался, потому что ее здесь нет. Я не видел вас врозь последние недели. Мне нужно переодеться, но я выйду минут через десять, так что встретимся у грузовика. Он повернулся, затем встал.

— Изабель, — тихо сказал он, — Будет лучше, если никто не увидит, как ты садишься ко мне в грузовик. Пусть это останется между нами. Хорошо?

Я молча, кивнула, раздумывая, что черт возьми это значит.

Я зашла в раздевалку и в спешке стала собираться — стянула с себя мокрый, липкий купальник, запрыгнула под душ, чтобы смыть запах хлора с волос, и с трудом натянула тугие легинсы на влажные ноги. Я задержалась на выходе и побрызгала на запястья и шею «Восклицание».

Быстрым шагом я вышла из раздевалки и направилась к парковке, надеясь, что никто меня не видит. К сожалению, удача была не на моей стороне.

— Изабель! — одна из тренеров по плаванию окликнула меня. Она направилась ко мне держа в руке листок бумаги. Она протянула его мне, немного отдышавшись. — Твое время на последнем заплыве. Хочу сказать, что я удивлена и поражена, я была на твоём выступлении. Ты так улучшила свои показатели за сезон. И мы все... гордимся тобой. — Ее голос запнулся на последней фразе, я знала что ей трудно говорить это. С самого начала обе женщины тренеры дали ясно понять, что я им не нравлюсь, но мои высокие результаты вынудили их признать то, что они не хотели признавать — мой прогресс.

По идее, я бы осталась с ней, упиваясь похвалой и расспрашивая подробности. Глубоко внутри во мне сидела темная Изабель, которой нравилось видеть смущение тренера, и я хотела воспользоваться ситуацией с выгодой для себя. Сегодня, однако, я торопилась. Я

знала, что мистер Стивенс, наверняка, уже сидит в грузовике, дожидаясь меня, и чувствовала беспокойство и волнение по поводу того, что он мне скажет. Я пробормотала короткое спасибо в ее невыразительное лицо, затем повернулась и ушла.

Впереди, я видела, что мистер Стивенс действительно был в грузовике с группой других студентов, уже занявших задние сиденья. Я испустила вздох облегчения и сожаления; я поеду с ним не одна. Я знала он сделал это, чтоб защитить мою и свою репутацию, но почувствовала легкое разочарование. Я с нетерпением ждала, когда останусь с ним наедине, хотя понятия не имела, что буду говорить или делать в этом случае. Вместо откровенного разговора, у нас будет шумная поездка в набитом грузовике. Я юркнула на переднее сиденье и придвинулась к нему, так, чтобы еще два студента могли сесть рядом со мной. Моя коленка коснулась его колена и я сглотнула. В грузовике не умолкали разговоры и смех, но я чувствовала только как его колено прижимается к моему. Я слышала только биение своего сердца.

Студенты друг за другом покидали грузовик, по мере того, как мы проезжали дома и окрестности. Гул болтовни подростков уменьшался с каждой остановкой и воздухе повисло напряжение. Наконец, мы подъехали к последнему дому, и девочка, сидевшая справа от меня, последняя из пловцов в грузовике — открыла дверь и спрыгнула.

— Спасибо, тренер! — крикнула она. Она помахала нам рукой и помчалась к дому, оставив нас одних в грузовике.

Мы ехали к дому Лиз, и до меня дошло, что он, по крайней мере, три раза свернул в другом направлении, выбирая наиболее близкое расстояние к домам других пловцов, намереваясь высадить меня последней. Я сдерживала свое волнение и нервозность и на мгновение задумалась стоит ли мне отодвинуться от мистера Стивенса, на другой конец скамейки у бокового окна. Грузовик опустел, и не было больше нужды сидеть так близко к нему. Казалось, он услышал мою мысль и сказал прежде чем я смогла отодвинуться.

Мне бы хотелось, чтоб ты сидела там, где сидишь, — пробормотал он тихо, предугадывая мой маневр. Я судорожно сглотнула и молча кивнула.

Мы ехали в тишине несколько долгих мгновений. По видимому, мистер Стивенс о чем-то размышлял; у него было напряженное выражение лица, все его внимание во время поездки к дому Лиз было направлено на дорогу. Тишина стала слишком давить на меня и я заговорила.

— Итак, — начала я, надеясь, что голос не выдаст мое волнение, — Что вы хотите, чтоб я написала в письме, о котором просите?

Я ожидала услышать хохот в ответ или по крайней мере смешок, но его лицо стало еще серьезней, он остановился на светофоре и повернулся ко мне. Его карие глаза были спокойными, но ярко блестели на лице, его губы скривились прежде чем он заговорил.

— Изабель, думаю, что ты многое хочешь сказать мне, но может быть боишься высказать это, — ответил он просто. — Напиши что ты чувствуешь. Просто откройся и будь честной со мной. Как думаешь, сможешь сделать это?

Я не была готова к такой откровенности, и это поразило меня. Ошарашенная, я отвернулась от него и стала смотреть вперед через лобовое стекло. Что это? Он хочет, чтобы я написала о своих чувствах к нему? Чтобы это значило? Что мне написать? Что я могу написать? Конечно же, неправду.

Наконец я смогла ответить.

— Да, — тихо отозвалась я. — Думаю, я справлюсь с этим. Это все?

Мистер Стивенс улыбнулся, и мне показалось, что я заметила облегчение в его глазах, словно тяжесть свалилось с его плеч. Напряжение вокруг рта и глаз немного ослабло и его плечи опустились. Загорелся зеленый свет и мы продолжили наш путь снова в тишине. Когда мы остановились у обочины возле дома Лиз, я забрала свою сумку для плавания и учебники. Я чувствовала, что мистер Стивенс следит за каждым моим движением и гадала, скажет ли он еще что-нибудь. Я выскользнула из грузовика, не сказав ни слова, но обернулась, чтобы помахать рукой. Его глаза встретились с моими и меня потрясла нежность в его глазах. Он ничего не сказал, когда я выходила из машины, но его глаза посеяли сомнения у меня в голове. В первый раз я была права — он хочет мое письмо, чтобы сказать, что чувствует сам в своем сердце.

Наши взаимоотношения не были игрой моего воображения.

Я практически подскочила к входной двери, сердце бешено колотилось в груди, и предусмотрительно постучала в окошко. Нужно просто перевести дух, до того как Лиз узнает обо всем.

Несмотря на жаркий день, Лиз уютно лежала на кровати в своей фланелевой пижаме, борясь с ангиной. Радость осветила ее лицо, когда я вошла в спальню. Волнуясь, я бросилась к ней и споткнулась о кучу одежды, валявшейся на полу. Еще не поняв что произошло, я вскочила и села на кровать, тем самым рассмешив ее.

— Тебя что, мама не заставляет убираться? — Пожаловалась я, еще не совсем справившись с раздражением. — У тебя весь пол завален барахлом. Я не могу понять какого цвета ковер!

— Никто так не помешан на чистоте как ты, Изабель, — возразила Лиз хриплым голосом. — Мы нормальные люди.

Я рассказала ей о событиях дня и поездке домой во всех подробностях, и продолжила рассказывать о своих мыслях по поводу сегодняшних событий. Мы провели большую часть дня, обсуждая письмо, которое я напишу мистеру Стивенсу и перебирая различные варианты. Я склонялась к сдержанному сближению, хотела лишь намекнуть на свои чувства и оставить дверь открытой для ответного шага со стороны мистера Стивенса. То есть, что если его намерения абсолютны невинны и он просто хочет поговорить о школе, друзьях или подростковых проблемах? Если я вылью на него всю правду о своих истинных чувствах, а он их не разделит, я умру со стыда. Лиз не считала, что его намерения не невинны.

— Учителя не просят студентов писать для них письма и рассказать о своих чувствах, — ответила она быстро.

— Если бы у тебя были проблемы, тогда конечно. Если бы ты принимала наркотики, пропускала уроки или же твои родители были в разводе, тогда может быть. Но ты отлично учишься и собираешься поступить в колледж. У тебя замечательная семья.

Какого лешего, он бы захотел чтобы ты написала ему о чем-то другом, а не о своих чувствах к нему? — Она замолчала, давая мне время подумать.

— Ты должна быть абсолютна честна с ним, — наконец закончила она. — Единственное, что ты можешь сделать, чтобы что-то получилось, это рассказать ему о своих чувствах.

Я внимательно выслушала и неохотно согласилась с ней. Лиз была права, — если я хочу, чтобы что-то произошло, так и нужно сказать ему об этом. Сам он не догадается. Однако, осознание этого факта нисколько не облегчало мне задачу.

Позже вечером, я потратила несколько часов, сочиняя письмо. Я съела два блинчика с

ветчиной и сыром, но они встали колом у меня в животе, и я почувствовала себя так, словно меня вырвет. От запаха еды в доме лучше не становилось, и постоянный страх, что отец войдет в комнату и начнет свои нравоучения в конце довели меня.

Я посмотрела на постер с Биллом Клинтонем и тихо попросила о помощи.

Это было самым важным письмом в моей жизни и я хотела, чтобы оно было написано правильно. Я должна объяснить свои чувства так, чтоб не показаться назойливой или незрелой. Мне нужно показать глубину эмоций без всяких соплей. Самое важное, оно должно звучать так, как если бы его написал кто-то серьезный — я хорошо знала мистера Стивенса, и полагала, что он никогда бы не связался со мной, будь я незрелой. Наконец я нашла стиль, который мне понравился и начала писать, вооружившись тяжелым, в толстой обложке, томом Словаря Вебстера — на языке, который звучал замысловато и по-умному. Но к моменту, когда я сложила письмо и положила его в конверт, мою руку свело судорогой и голова разболелась от умственного перенапряжения. Дело было сделано и я знала, что все делаю правильно. Я в точности описала, что я чувствую, и была полностью честна. С завтрашнего дня, к лучшему или худшему, мистер Стивен узнает, что в моем сердце.

Утром я встретила как обычно с Лиз у нашего общего шкафчика, одарив ее усталой улыбкой. Постеры в конце коридора объявляли о выпускном бале, который должен состояться в июне. Постеры были своего рода рекламой бала и призывали нас прийти на него, но на самом деле, подумала я, просто насмехались над теми у кого не было пары.

— Похоже, я не хочу туда идти. — сказала я Лиз, указывая на сорванный постер. Весенние дожди размочили бумагу, на которой остались следы от потекших чернил.

— Старомодный вечер танцев, которому уделяют слишком много внимания. Зная эту школу его проведут в спортзале, а не в каком-нибудь интересном месте.

Лиз бросила на меня смущенный взгляд и нахмурилась.

— Что с тобой сегодня? — тихо спросила она. — Думала, тебе нравятся такие мероприятия. Повод придеться и все такое. — Она неотрывно смотрела на меня, ожидая ответа, я пожала плечами.

— Я устала и волнуюсь, — призналась я.

— Я написала это письмо и не уверена, что поступила правильно. Я плохо спала...

Она усмехнулась и схватила меня за руку.

— Ты слишком беспокоишься. — Она замолчала, посмотрела мне через плечо и улыбнулась.

— Кроме того, не думаю, что тебе есть о чем беспокоиться. Похоже, тебя кто-то ждет.

Я повернулась и окинула взглядом коридор позади нас. Там был мистер Стивен, который стоял как обычно у двери своего класса в другом конце коридора. Он смотрел прямо на нас, хотя казалось, что-он просто уставился в пространство. Я не могла не завидовать его невозмутимому виду. Казалось, он чувствует себя так комфортно и уверенно. Я думала, что ничего не сможет вывести его из равновесия и гадала, сомневался ли он когда-нибудь в своей жизни. Я открыто посмотрела на него, полагая, что он не взглянет на меня, и удивилась, когда его взгляд остановился на мне. Он подмигнул, затем улыбнулся и отвернулся, и я громко рассмеялась. Я медленно пошла вперед, оставив Лиз позади. Подойдя ближе, я поняла что его глаза не такие уж безразличные и уверенные, как думала раньше. Он нервничал, чего раньше я не замечала за ним, будто ждал плохих новостей.

— Добрый день, Изабель, — сказал он, как только я остановилась перед ним. — Как дела?

— Я нервно заулыбалась в ответ.

— Замечательно. Хотя мою руку немного свело судорогой от того что я много писала. И я мало спала.

Казалось, эти слова насмешили его и он улыбнулся. Он придвинулся ближе и протянул мне толстый учебник алгебры. Я уставилась на него, в недоумении и немного нервничая, в моих глазах застыл немой вопрос.

Мистер Стивенс протянул руку, открыл тяжелую книгу и прошептал, — Просто положи письмо в книгу, чтоб я смог унести его с собой.

— А, — дошло до меня и я выдохнула с облегчением. Я просунула письмо между страницами и вернула ему книгу.

— Спасибо, — сказал он. С удовольствием прочту его. Сейчас тебе лучше пойти в класс, не хочу, чтоб ты опаздывала из-за меня.

Я слегка покраснела, но кивнула и отвернулась. Мистер Стивенс одарил меня мимолетной улыбкой и затем прошел к своему классу в конце коридора.

Все оставшееся утро, мои друзья спрашивали почему я все время улыбаюсь, как полоумная.

Глава 5. Сладкий запрет

Хлорированная вода освежала мою кожу. Был жаркий весенний день, и я весь день краснела от нервного напряжения. Однообразное повторение движений на плавательной дорожке привело меня в состояние расслабленности, и я сосредоточила внимание на подсчете количества гребков и дыхания вправо-влево.

Я почувствовала как плавательная шапочка слегка давит мне на голову, и сквозь очки окинула взглядом воду, отмечая ее прозрачность и голубизну. Вода была прохладной и приятно обволакивала мои ноги, и я с легкостью преодолевала дистанцию. С первого дня тренировок это место стало для меня особенным, здесь я спокойно могла думать и мечтать, не беспокоясь ни о чем.

Однако, сегодня, во время плавания мысли о мистере Стивенсе постоянно преследовали меня. Я была уверена, что он уже прочитал письмо и сделал выводы о его содержании и моих мыслях. Что он подумал? Не слишком ли я разоткровенничалась? Не слишком ли я далеко зашла? Не отпугнула ли я его откровенностью? Почему до сих пор его нет на тренировке? Почему сегодня за весь день я ни разу не почувствовала его взгляда на себе?

Я высматривала его во время перемен и во время обеда, но так и не увидела. Я переживала по поводу того, как он отреагирует на письмо, и не избегает ли сейчас он меня, но все же попыталась выкинуть эти мысли из головы и сосредоточиться на плавании. Сделанного не воротишь.

Остается только ждать, а там будет видно.

Я проплыла дорожку без передышки около двадцати раз, погруженная в мысли, и подплывала к стенке для очередного разворота. Только я собралась выполнить разворот, как кто-то крепко схватил меня за руку. Я охнула от удивления, все мысли враз вылетели из головы. Я вглядывалась сквозь мутные очки, пытаюсь понять кто схватил меня, и узнала мистера Стивенса. Он наклонился над краем бассейна, его кожаные сланцы оказались у меня перед глазами.

Я быстро убрала с глаз очки и огляделась по сторонам; на другом конце бассейна девочки выслушивали указания тренеров. В этом конце бассейна мы с мистером Стивенсом были одни.

— Изабель, — он слегка ослабил хватку, но не отпустил руку. — Я хочу сказать, что мне очень понравилось ваше письмо. — Он замолчал и провел пальцем по моему мокрому запястью, я затаила дыхание. — Можно я подвезу тебя домой после тренировки. Лиз сегодня с тобой?

— Да, она придет после тренировки. Вы сможете подвезти нас обеих?

— Конечно. — Он улыбнулся, выпрямился и ушел. Мне пришлось прикусить губу, чтобы не выдать себя и сдержать радость и ликование. Я сделала глубокий вдох и попыталась напустить на себя обычный вид. В голове без конца крутилась одна мысль: ему понравилось мое письмо, ему понравилось мое письмо, о Боже, ему понравилось мое письмо!

Я мысленно начала перечитывать свое письмо, в попытке предугадать его возможную реакцию.

Март 13, 1993 (Не совсем уверена кому адресовать это письмо. Мистеру Стивенсу? Тренеру? Тому? Решать вам.), Я слегка удивилась, когда вы попросили меня написать вам письмо. Не знала, чего вы ждали, но потом поняла: вы хотели узнать о моих чувствах и есть ли мне о чем вам сказать, о чем я еще не сказала. Конечно, я о многом хотела рассказать вам. Вероятно, мне никогда бы не хватило духу произнести это вслух. Мне проще написать, чтобы выразить себя и открыться... так что спасибо за возможность. Что же, начну.

Решив написать письмо, я не знала как это сделать. В этом письме мне хотелось предстать скромной и сдержанной, быть почтительной, но какой в этом смысл? Вместо этого я решила быть честной, хотя это всего лишь первый шаг. Я впервые решилась на что-то... дерзкое и это пугает меня. Вы учитель, старше меня в два раза. Я знаю, что вы женаты и у вас двое детей, но меня сильно влечет к вам и с каждым днем влечет все больше.

Но, как говорится, назад дороги нет.

Это влечение, кажется, возникло ниоткуда, но оно вызывает во мне чувство счастья и защищенности. В вас есть что-то теплое и нежное, мне нравится как сверкают ваши глаза, когда вы улыбаетесь мне, как вы украдкой смотрите на меня. Да я заметила, как вы это делаете.

Я понимаю, что веду себя недопустимо, но вы хотели узнать правду и надеюсь, что вы готовы принять ее. Я уверена, что с вами не первый раз флиртует девчонка и поняла бы, если бы вы приняли письмо за признание влюбленной ученицы. Я бы не стала думать о вас хуже. Однако, каким-то странным образом, я чувствую искру, связь между нами. Для меня все это впервые и я никогда не испытывала такого раньше. И никогда бы не подумала, что кто-то может испытывать подобное ко мне. Мое сердце замирает каждый раз, когда вы улыбаетесь мне. Я сошла с ума, или вы чувствуете тоже самое? Наверное, вы как учитель должны скрывать свои чувства. Пожалуй, вам нельзя говорить о них, а жаль. Знаете, для вас я по-другому улыбаюсь, смеюсь, смотрю, все самое лучшее во мне только для вас. За последние несколько недель, я заметила, что вы стараетесь встретиться со мной в течение дня и поговорить на тренировках, я надеюсь, что ваши самые искренние улыбки вы также бережете для меня.

Уверена, вы заметили, что в грузовике я очень близко сижу к вам, когда вы подвозите нас домой, даже когда я остаюсь с вами наедине и освобождается место. И я постоянно думаю о том, как это будет — чувствовать ваши губы на своих.

Ну, вот и все. Не знаю, поймете ли вы меня или посмеетесь надо мной, но вы сами попросили о письме. Вы хотели правду, вот она. Письмо совсем нескромное, но искреннее.

Надеюсь, я не слишком вышла за рамки приличий, и вы сможете все еще вытерпеть меня возле себя. Если ничего из этого не выйдет, пусть будет так. Надеюсь, по крайней мере, мы сможем остаться друзьями.

Обнимаю,
Изабель.

Я все еще плавала брассом, и размышляла. Кого я обманываю? Он мог воспринять мое письмо как угодно, но только не как наивное признание. Важнее была его реакция.

Когда проплывая последнюю дорожку, я вынырнула, чтобы набрать в легкие воздуха, я увидела, что Лиз стоит рядом мистером Стивенсом около скамейки. Она что-то говорила с серьезным видом и качала головой. Они оба смотрели в мою сторону.

Я вылезла из бассейна и пошла к ним, мое тело покрылось мурашками. Мне было плевать на озноб. Я хотела знать, что они говорили обо мне. Лиз взглянула на мои озябшие руки и, опередив мистера Стивенса, дотянулась до сумки. Смеясь, она кинула мне полотенце.

— Держи, милая, — пошутила она. — Оберни вокруг себя, а то простудишься.

Мистер Стивенс выразительно посмотрел на Лиз, подходя ближе ко мне, чтоб отдать мне украшение. Я поблагодарила его и продолжила смотреть в его глаза, завязывая полотенце на талии.

— Итак, как вы думаете, Мистер Стивенс, Изабель лучше выглядит мокрой или сухой? — Съязвила Лиз, от потрясения у меня отвисла челюсть. Я в ужасе перевела взгляд с Лиз на мистера Стивенса, но увидела, что он спокойно воспринял вопрос и рассмеялся.

— Ну, я не знаю, — отозвался он, оглядев меня снизу вверх. — Не думаю, что мне стоит отвечать на вопрос. Мои щеки запылали румянцем и я уставилась на Лиз.

— Ну тогда, согласимся с тем, что она замечательно выглядит в купальнике, я права? Заулыбалась Лиз, глядя на меня.

К удивлению, мистер Стивенс снова засмеялась.

— Ты меня подловила, Лиз.

Лиз кивнула, одарив меня озорной улыбкой, и когда мы пошли к раздевалке, бросила напоследок.

— Если бы я так хорошо смотрелась в купальнике, у меня была бы куча ухажеров.

Я ударила ее по руке, чтобы заткнуть ей рот, затем потащила ее в здание, пока она не ляпнула что-то еще.

Через десять минут я, Лиз и Мистер Стивенс уже ехали в грузовике домой. Она и еще трое студентов сидели на заднем сиденье, я же сидела спереди между мистером Стивенсом и двумя студентами. Как обычно, мы сидели, прижавшись друг к другу руками и ногами. Я испытывала чувство близости к мистеру Стивенсу которое не испытывала ранее и не только потому что сидела рядом. Я и раньше сидела близко к нему. Сегодня близость была эмоциональной. Он знал, что я чувствовала и я догадывалась, что он чувствовал то же самое. Если сосредоточиться, я смогу ощутить по пульсу его правой руки биение его сердца. Я представила, что наши сердца бьются в унисон, и улыбнулась.

Мистер Стивенс заметил мою улыбку и тихонько подтолкнул меня локтем.

— Что смешного? — тихо спросил он.

Я молча покачала головой, побоявшись говорить вслух. Меня пугала и одновременно приводила в восторг наша новая эмоциональная связь, и я едва могла справиться с этим. Мне было трудно дышать от напряжения из-за того что в грузовике находилось столько народу,

хотя не думала что готова остаться с ним наедине. Я мечтала об этом моменте месяцами. Теперь, когда он настал, я не знала готова ли я к нему. Не слишком ли далеко я зашла? Во что я ввязываюсь и захочу ли потом остановиться?

Мистер Стивенс, как обычно, высадил других студентов и вскоре в грузовике остались мы с Лиз. Я взглянула на нее через зеркало заднего вида, она округлила глаза и затем уставилась в окно. Она намерена оставить нас с мистером Стивенсом наедине, поэтому не пересядет на переднее сиденье.

— Мистер Стивенс, не могли бы вы включить радио? скромно спросила она, глядя на меня в зеркало.

Он потянулся через меня, чтобы включить радио и я улыбнулась. Лиз дала нам возможность заглушить разговор, если мы захотим поговорить. Я опустила взгляд на свои ноги и поняла что они почти голые там, где касались его. Его рука лежала у него на ноге, в сантиметрах от моей. Его рука медленно двинулась ближе ко мне, и замерла, чуть ли не касаясь моей голой ноги. Я посмотрела на его руку и поняла его немой вопрос. Он просил разрешения коснуться меня.

Я взяла его руку в свою и легонько притянула к себе на ногу. Его рука непроизвольно сжалась на моей руке и я судорожно сглотнула. Меня касались раньше парни, целовали и обнимали, но это было совсем другое. Это было не просто невинное сплетение рук, а что-то такое, чего я еще никогда испытывала раньше. Расплавленная лава хлынула в мои вены и живот и я изо всех сил старалась сдержать вздох.

Мистер Стивенс, должно быть, тоже почувствовал это, так как внезапно напрягся, будто только сейчас осознал что делает, и отдернул руку. Сначала это расстроило меня, но затем я увидела растерянность на его лице. Он выглядел потрясенным и смущенным, я никогда его не видела таким. Он взглянул на меня и молчаливо покачал головой. Его взгляд говорил, что он в смятении, и я кивнула. Он испытывал то же самое, что и я, боролся с этими чувствами, понимая, что мы не должны поддаваться им. У него была жена, дети и он был в худшем положении, чем я. Мне вдруг стало жаль его.

Я снова положила свою руку на его и крепко сжала ее. С широко раскрытыми глазами он посмотрел на меня таким неуверенным взглядом, которого я раньше никогда не видела.

— Не беспокойся, — прошептала я. — Все будет хорошо.

Глава 6. Не просто слова.

Мои родители не заметили изменений во мне в последние несколько недель; они были озабочены планами на переезд и денежными вопросами. С момента въезда в Соединенные Штаты, они мечтали навсегда вернуться на родину, в Чили. Они приехали в США заработать и накопить денег и дать возможность своим детям получить гражданство другой страны, но сами хотели вернуться домой.

Проведя почти десять лет в Соединенных Штатах, мои родители решили, что поднакопили достаточно денег для покупки дома и открытия бизнеса, к тому же в последние годы экономическое положение в Чили стало улучшаться.

Конечно, с пяти лет я знала, что мы в США не насовсем. Мне говорили, что это всего лишь временный дом, и когда-нибудь мы вернемся в Чили. Из-за этого, ничто в американской жизни не казалось мне постоянным. Я рассматривала все свои увлечения как временные.

Моя увлеченность мистером Стивенсом точно попадала в эту категорию: кратковременное развлечение. Я верила, что мы уедем из США до начала третьего курса, так

что ближайšie несколько месяцев оставалось развлекаться.

Все изменилось к концу марта. В конце дня меня ждали обычные дела: поход в бассейн, неспешная тренировка по плаванию, легкое заигрывание с мистером Стивенсом и поездка к дому Лиз.

Я, как всегда, пошла на тренировку и в обычном режиме поупражнялась в плавании. После душа я пошла присесть на бетонную скамейку у дальнего конца бассейна, чтобы дожидаться Лиз. Однако, вместо моей подружки, я увидела, мистера Стивенса, идущего ко мне.

На нем были облегающие шорты цвета хаки и белая рубашка поло, которая открывала его загорелые, идеальной формы руки, но я отказывалась смотреть и замечать его. Прежде чем удобно устроиться на скамейке я решила почистить линзы на моих плавательных очках и я начала тереть их изо всех сил. Неожиданно, мистер Стивенс оказался совсем близко от меня, он держал мое ожерелье в руках и зашептал мне в шею.

— Изабель, подними волосы чтобы я смог застегнуть его.

Мое тело покрылось мурашками и я вздрогнула.

— Что такое? — Спросил он низким голосом. — Тебе холодно?

— Да, — пробормотала я. На мне все еще влажный купальник. — Я оглянулась по сторонам, стараясь выглядеть непринужденно. Недалеко от нас начали беседовать пловцы, рядом металлические ворота, отделяющие бассейн от поля с беговой дорожкой и я поняла, как вся эта картина выглядит со стороны.

Женатый преподаватель старших классов стоит рядом с пятнадцатилетней студенткой, причем так близко, что только ветерок может проскользнуть между ними.

— Ну, тогда я быстро, — ответил он, повесил ожерелье мне на шею, и оттянув его назад, застегнул. Я застыла, не в силах пошевелиться, ощущая как во мне разливается жар, отдаваясь дрожью в животе, когда его пальцы стали слегка поглаживать мой затылок.

— Почему бы нам не встретиться в моем классе через десять минут, — прошептал мистер Стивенс, отступая назад. Я закрыла глаза от наплыва эмоций, и повернув голову, посмотрела на него.

Его лицо было бесстрастным, — идеально мужской профиль, прямой нос и ухоженная светло-коричневая бородка по цвету чуть темнее его русых волос, которая так красиво обрамляла его губы. Его глаза были светлее чем обычно, с зеленоватым оттенком, и оттого как они смотрели на меня захватывало дух.

— Хорошо, — прошептала я. — Встретимся там.

— Буду ждать, Изабель.

От раздевалки до класса мистера Стивенса было около четверти мили, но казалось это был самый долгий путь в моей жизни. Мой разум был затуманен страхом, волнением и предвкушением.

С каждым шагом одна мысль сменялась другой, Чего мистер Стивенс ждет от меня? Что если ему захочется поцеловать меня? Как насчет моих брекетов и резиновых прокладок, которые дантист просил носить каждый день? Как мне сохранить спокойствие? А что если я развернусь и напрямик пойду домой, отсюда всего лишь два квартала? Каждый вопрос вызывал сомнение, и каждое сомнение вызывало тревогу.

К тому времени, когда я добралась до класса мистера Стивенса, я была совершенно растеряна и взволнована. Дверь была закрыта, и моя попытка повернуть толстую металлическую ручку не увенчалась успехом. Я сжала правую руку в кулак и слегка

постучала в дверь, один раз.

Если дверь не откроется через десять секунд, подумала я, я уйду отсюда как можно быстро и сделаю вид, что ничего не произошло. И больше не буду об этом думать.

Только я собралась уйти, как дверная ручка щелкнула и повернулась. Дверь со скрипом приоткрылась. Мое сердце подпрыгнуло и я сделала глубокий вдох. В проеме появилось лицо мистера Стивенса, который осмотрелся по сторонам.

— Давай быстро, — произнес он. — Заходи.

Я юркнула внутрь, мистер Стивенс закрыл за мной дверь и провел меня до центра комнаты. Я поставила сумку на парту и встала, не зная чего ждать. Он подался вперед, взял мою руку и нежно заключил меня в объятия.

— Нам нужно держаться подальше от окон, — прошептал он мне в волосы, — но здесь мы можем делать все, что угодно. Тут нас никто не увидит.

Уютные объятия, казалось, длились минуты. Руки мистера Стивенса исследовали мое тело, сначала пройдясь по спине и рукам, затем задержавшись на талии, давая тем самым время почувствовать меня под облегающей черной хлопчатобумажной майкой.

Я крепко прижалась к его телу, проводя руками вверх и вниз по его спине и наслаждаясь теплом его рубашки поло. Я не знала, сотрясала ли его такая же сильная дрожь как меня, но я чувствовала своей грудью биение его сердца и знала, что он, также как и я, чувствует мое. Казалось, мы стояли вечность в нежных объятиях друг друга. Мне не хотелось, чтоб это заканчивалось.

— Изабель, — прошептал мистер Стивенс мне в ухо. — Я никогда не думал, что у нас дойдет до этого.

Я почувствовала, как он ослабил объятия, так что между нами образовался небольшой просвет. Он слегка отодвинулся и потерся щекой о мою щеку и я ощутила легкую небритость на его лице.

Мы прильнули друг к другу и я слегка повернула лицо, чтобы найти его губы. Я целовалась раньше с мальчиками и знала, как это бывает, но меня потрясла та вспышка, которая пронзила меня в момент, когда мы впервые соприкоснулись губами.

Мы целовались снова и снова, сначала медленно и нежно, а затем нетерпеливо и неистово. Наши руки изучали тела друг друга и наши движения становились все более требовательными.

Мистер Стивенс ласково обхватил рукой мой затылок и удерживал его, пока целовал меня. Я не имела понятия, сколько прошло времени пока мы, наконец, не оторвались друг от друга, взволнованные и запыхавшиеся. Мистер Стивенс усмехнулся и погладил меня по волосам.

— Теперь я убедился, что у тебя был опыт в этом, — сказал он, — ты так хорошо целуешься.

— Да, был небольшой опыт, — отозвалась я, одарив его озорной улыбкой, — но мне никогда не было так хорошо, как сейчас.

Он улыбнулся, обнажив белые зубы в широкой улыбке, заставившей его карие глаза заискриться от удовольствия.

— Знаешь, если бы я не знал что ты носишь брекеты, я бы никогда не понял что они на тебе, — сказал он мне.

Я носила брекеты последние двенадцать месяцев и научилась быть аккуратной во время поцелуев, старалась чтобы они не мешали. Я не могла не спросить.

— Ты когда-нибудь целовал девочку с брекетами?

Его лицо приняло недоверчивое и обиженное выражение.

— Изабель, ты что, думаешь у меня есть привычка целоваться с ученицами? Ты думаешь, поэтому ты здесь?

Он говорил так будто защищался, но за его вопросом стояло что-то еще. Я поняла, он не хочет, чтоб я думала будто это забава для него. Он не хотел, чтоб я воспринимала происходящее между нами как что-то легкомысленное и заурядное.

Я имела в виду не это, — быстро ответила я, в попытке разуверить его.

— Мне просто интересно, вот и все. Что мне думать? Ты целуешь меня здесь, и почему я не могу предположить что до меня ты уже целовался с одной или двумя ученицами.

Внезапно, мистер Стивенс ослабил хватку и отстранился.

— Изабель, пойми, я ничего подобного раньше не делал, — сказал он серьезным тоном, глядя мне прямо в глаза. — Отвечу тебе, да я целовал раньше кое-кого с брекетами ... когда мне было шестнадцать. И я не хожу и не целуюсь с ученицами. Я работаю учителем уже десять лет и такого со мной никогда не было и...

Я прикрыла рукой его губы, прерывая его.

— Я так не думаю, — ласково произнесла я. — Я бы не пришла сюда, если бы так думала. Меня тянуло к тебе с самого первого дня знакомства, и я даже не знала женат ли ты. Мне просто стало любопытно, был ли у тебя кто-то моего возраста. Я не имела в виду, что все это для тебя забава.

Мистер Стивенс немного успокоился, я поняла это по тому как расслабилось его тело. Он дотронулся правой рукой до моей левой щеки, склонился вперед и снова меня обнял, так осторожно, будто имел дело с фарфоровой куклой.

— Ты понимаешь, чем я рискую? — пробормотал он мне в ухо. — Я не устоял перед соблазном держать тебя, целовать тебя... — он отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Я рискую своей карьерой, своей семьей. Я рискую всем. Меня могут посадить, если застукают здесь, ты это понимаешь? Я бы никогда не пошел на это, если бы ты была безразлична мне, Изабель. Для меня это не игра.

При этих словах мое сердце подскочило. Раньше для меня это было не более чем увлечением и некоторого рода вызовом. Мне хотелось нарушить некоторые правила и посмотреть как далеко я смогу зайти с мистером Стивенсом, и как далеко я позволю зайти ему. Но сейчас речь шла о серьезных последствиях для него, это была не просто игра.

Сейчас, в его объятиях, я осознала, что для меня это большее чем игра. Я поняла, что мои чувства к нему стали сильнее. Как будто его объятия, его долгий и страстный поцелуй разбудил во мне любовь, которую я еще не испытывала и всепоглощающие эмоции, такие незнакомые и неожиданные для меня.

Я покрылась холодным потом при мысли, что его могут посадить в тюрьму и поняла, как дорог мне этот мужчина, рискующий своей жизнью ради меня. Неожиданно, я осознала, что на мне лежит огромная ответственность за то, что я вступаю в физические отношения с ним и за то доверие, которое он с готовностью оказал мне.

— Я знаю это, действительно знаю — ответила я. — Я верю, что небезразлична тебе, для меня это самое ценное. Я хочу, чтоб ты знал это. — Я сделала глубокий вдох и воспользовалась случаем, которого ждала. — Ты напишешь мне письмо? Узнать, что ты на самом деле думаешь обо мне.

Казалось, мистер Стивенс задумался, но наконец, кивнул.

— Хорошо, — сказал он, — Но ты должна быть очень осторожной. Нам обоим нужно быть осторожными. И после прочтения письма, ты должна уничтожить его или вернуть мне, чтоб оно не попало в чужие руки.

— Ты можешь доверять мне, — заверила я его, — Я не сделаю ничего такого, что могло бы навредить тебе. Но не думаю, что захочу вернуть тебе письмо.

Он помолчал, затем снова кивнул.

— Я тоже не хочу возвращать твое письмо, — произнес он, снова прильнув ко мне. Мы опять слились в долгом поцелуе, затем я покинула класс. Я быстро пошла по коридору, гадая, выгляжу ли я сейчас иначе, чем до того как час назад зашла в класс. Я чувствовала себя по-другому. Я чувствовала себя живой.

Проходя мимо кабинета директора я посмотрела на него и вспомнила слова мистера Стивенса о своей жизни и карьере. Одна из стен кабинета от пола до потолка была стеклянной, на ней висели жалюзи, которые скрывали интерьер.

Был ли он там? Наблюдал ли он через стекло? Видел ли он как я выхожу из класса? Что если он знает как долго я была в классе мистера Стивенса?

Я выкинула эти мысли из головы и поспешила к парковке.

Глава 7. Пятница, время любви.

Шло время, весенние дни стали длиннее и так растянулись до самого лета. Закаты растянулись и стали наступать все позже и позже, воздух стал сухим и теплым в приближении жарких летних месяцев.

Мои дни стали дольше из за увеличения числа дневных часов, и я была благодарна за это, потому что это позволило мне проводить намного больше времени с Мистером Стивенсом в его классе после уроков, где я бывала по три четыре раза в неделю.

Несмотря на то что, по крайней мере, раз в неделю наша команда по плаванию отправлялась на соревнования в другую школу. Мы никогда не проводили встречи в своей школе, потому что у нас был слишком маленький тренировочный бассейн. Из-за дополнительных поездок дни тянулись еще дольше, и это мучило меня бесконечно. Я жаждала быть с Мистером Стивенсом каждой клеточкой своего тела, а находиться рядом с ним в таком людном месте было сущей пыткой.

Видеть его через бассейн, держать такт в гонке и поддерживать нужные показатели... мне причиняло боль то, что я была так далеко от него, но выдать его было последней вещью, которую я хотела сделать. Он стольким рисковал, чтобы прикоснуться ко мне, целовать меня, держать меня в своих объятиях, и заботиться обо мне, и я не хотела разрушить все это или поставить под угрозу наши отношения.

Знание того что мы нарушали закон было волнующим, и в то же время немного пугающим, но я не хотела чтобы кого-то из нас поймали. Так что я прикусила губу, взяла себя в руки и попыталась оставаться подальше от него и казаться отчужденной, когда мы были на публике.

— Что с тобой случилось? — как-то спросила меня Вики во время тренировки. — Мистер Стивенс послал тебя или типа того?

— Нет, ничего не случилось. Не посылал он меня. Почему ты спрашиваешь? — спросила я, с подозрением относясь к ее мотивам. Видела ли она что-то? Знала ли она о том, что между нами происходит? — Что заставило тебя подумать, что он меня послал? Кто-то что-то об этом сказал?

Вики пожала плечами.

— Нет. Но раньше ты постоянно болталась вокруг него, а теперь избегаешь его как чуму. Всякий раз, когда он подходит чтобы поговорить с нами, ты уходишь. Что все это значит?

Я вдруг поняла, что бросилась от одной крайности к другой всего за несколько недель.

Это было ошибкой, и люди не могли этого не заметить. Однако отступить было не куда — ущерб был нанесен.

— Что я должна была сказать? — Да, я остаюсь подальше от Мистера Стивенса потому что я не хочу чтобы кто-нибудь знал что я встречаюсь с ним после тренировки — никогда такого не сделаю.

— Ты знаешь, сначала он был ничего, — ответила я так небрежно, как это было возможно. — Но один раз я опоздала на тренировку, и он заставил меня пойти в бассейн для дайвинга и нарезать круги. Я не собираюсь ошиваться вокруг него, если он собирается быть таким придурком, понимаешь о чем я?

Должно быть, для Вики ответ оказался достаточно хорош, потому что она слегка хлопала меня по плечу, а потом прыгнула в воду и уплыла. Я смеялась, наблюдая за тем, как она уплывает; она делала баттерфляй — плохо — и натыкалась на других пловцов, когда плыла от одной стороны к другой по переполненной дорожке.

Однако моя улыбка угасла, когда я осознала, что вероятно она озвучила то, что хорошо заметили все остальные. Мое внезапное изменение поведения — внезапное и неожиданное — привело к тому, что люди стали задаваться вопросом, почему это произошло. Я должна была придумать историю получше, и быстро, или изменить свое поведение снова и надеяться на то, что больше никто ничего не скажет.

Я не была уверена в том, какой вариант был лучше, или какой из них причинит мне больше боли. Наши вечерние свидания становились все более и более напряженными, и мои чувства становились хрупкими. Теперь, когда я подходила к его классу я знала, что у нас будет больше физических контактов с меньшим количеством одежды.

Мы пока что ничем таким не занимались и Мистер Стивенс всегда был очень осторожен с моими чувствами — казалось что он спрашивал меня была ли я не против того что мы делаем каждые пять минут — но мы оба становились смелее и ближе. Я не знала, могла ли я быть рядом с ним не испытывая к нему физического влечения, но я боялась испытать боль.

Сначала я этого не заметила, но я также начала в него влюбляться.

После пары тайных встреч он попросил, чтобы я называла его Том, и ничего не радовало меня больше чем это. Это дало мне чувство привязанности и близости — секрет, который мы разделили вместе, а не секрет которым я поделилась с учителем. Он начал писать мне письма, и я их просто обожала. Я краснела, улыбалась, хихикала и с удовольствием вздыхала, когда читала о его чувствах, желаниях и эмоциях.

Сегодня был один из тех дней, когда мне нужно было отправиться из школы прямо домой — чтобы поддерживать некоторую видимость, как сказал Том — мне становилось тяжело на сердце при мысли о том, что мне придется отправиться домой, не видя его. Тем не менее, я нашла письмо в своем шкафчике, что улучшило мое настроение. Я пробежала те два квартала, что разделяли мой дом и школу, побежала через дверь в дом, быстро крикнула привет маме, которая была на кухне и бросилась к себе в спальню.

— Изабель, ты в порядке? — крикнула она мне в ответ встревоженным голосом. Она задала мне один и тот же вопрос несколько раз, и я задумалась, сколько она знает. Я

подумала что она, наверное, заметила мое долгое отсутствие и рассеянность.

Я была уверена в том, что она заметила мою одержимость тренировками по плаванию каждый день. Она также заметила то, что я начала носить более обтягивающую одежду и наносить макияж в школу, что-то чего я раньше никогда не делала. Однако она не спрашивала меня почему, и я не планировала ей ничего говорить.

Я была еще совсем не готова делиться этим секретом. Учитывая характер секрета, сказала я себе, я не знала, поделюсь ли я им когда-либо вообще.

— Я в порядке, Мамочка, — закричала я из коридора. — Просто есть домашняя работа, которую нужно сделать. — Я подождала минутку, чтобы посмотреть отзовется ли она, потом закрыла дверь от внешнего мира и прыгнула на кровать. Я забралась под пушистое одеяло и затем вытащила письмо из конверта.

«Дорогая Изабель,

Я перечитываю твои письма снова и снова, перед тем как уничтожить их — и даже тогда это последняя вещь, которую мне хотелось бы сделать. Однако у меня нет выбора. Хотел бы я оставить их себе и перечитывать их, когда захочу. Твои слова приносят покой моему разуму и радость которую я не испытывал уже многие годы. Но я боюсь, что их кто-нибудь найдет.

Я никогда не чувствовал себя полностью спокойным когда писал тебе, потому что я очень обеспокоен тем что кто-то может найти письма и использовать их против меня. Но я знаю, мы оба выражаем свои чувства на бумаге более искренне, чем лицом к лицу, и я хочу, чтобы ты знала, что находится в моем сердце, когда слова, вылетающие из моих уст, подводят меня. До тех пор, пока ты уничтожаешь письма, которые я пишу тебе или возвращаешь их мне, у меня нет причин для беспокойства.

Я хотел сказать тебе, Изабель, что ты делаешь все замечательно. Ты делаешь такую отличную работу, игнорируя меня, когда мы на публике что это почти причиняет мне боль, хотя я знаю что это необходимо. У меня не так хорошо получается — иногда я настолько глуп, что подхожу к тебе слишком близко, когда мы в школе или у бассейна, и мне нужно лучше стараться. Я знаю, что ты защищаешь меня, иногда даже лучше чем я защищаю себя... и за это я тебе очень благодарен.

Ты перевернула мою жизнь с ног на голову, Изабель, и я не имею в виду это в плохом смысле. Я знаю, это не было твоей целью, или моей, придти к такому виду отношений. Я не самый поэтический или романтичный парень на свете, но я могу сказать тебе вот что: мое сердце замирает, когда я тебя вижу; мое сердце начинает бешено колотиться, когда ты смотришь в мою сторону и улыбаешься; и, то как ты смотришь на меня, этот взгляд которым ты одаряешь только меня, из за этого взгляда я забываю как нужно дышать. Я никогда не был ревнивым, но меня так сильно беспокоит, то когда я вижу, как ребята смотрят на тебя или даже подходят к бассейну чтобы пофлиртовать с тобой. Это власть, которой ты обладаешь надо мной, Изабель. Я не думаю, что ты хотя бы осознаешь какова она.

Я не могу дождаться того момента когда снова заключу тебя в свои объятия и поцелую твои идеальные нежные губы.

Думаю о тебе,

Том.»

Я вздохнула и прижала письмо к груди. Несмотря на то, что Том ожидал, что я буду уничтожать каждое письмо, которое он писал мне, после того как его прочитаю, я нарушила нашу договоренность. Как я могла уничтожить такие бесценные письма, холодно разорвать

эти драгоценные слова на куски не оставив ничего на память?

Может он и не хотел нигде фиксировать наши отношения, но я хотела что-нибудь оставить. Я хотела оставить что-то, на что смогла бы смотреть спустя годы или даже на следующей неделе, когда я захочу подумать о чем-нибудь хорошем. Мой мозг как губка, но я никогда бы не смогла впитать каждую деталь, каждое приятное слово, которое он написал мне.

Я встала с постели и проверила коридор. Пусто. Я внимательно прислушалась и слышала, как моя мама стучит на кухне, готовя что-то на ужин. Мой брат был в гостиной, смотрел телевизор. Это означало, что у меня было, по крайней мере, десять минут для себя. Я вышла из своей комнаты и пробралась по коридору в мамин кабинет, который находился прямо напротив спальни моих родителей.

Наступила сложная часть; Мне нужно было пробраться в ее кабинет, будучи незамеченной никем в доме или они спросят меня, что я там делаю. И я делала что-то, чего я не должна была делать — делала ксерокопию нового письма от Тома. У меня были копии каждой записки, письма, и открытки которую он присылал мне, аккуратно спрятанные в коробке из под обуви в задней части моего шкафа. Оригиналы, конечно же, я возвращала Мистеру Стивенсу. Я не знала, что он с ними делал, но предполагала, что он их уничтожал.

Ксерокопии, — о которых он не знал — и которые я оставила себе.

Обычно я сохраняла письма для себя, хотя и позволяла Лиз читать их, когда она была здесь. Она их обожала, и всегда не давала мне спать до поздней ночи, расспрашивая о том, что произошло днем. Сегодня у меня ночевала Сара, и я также решила поделиться с ней письмами. Я знала, что она этого не одобрит, но что-то глубоко внутри меня надеялось, что если бы она только прочитала, как сильно он меня любит, то она бы поняла, как много я для него значу...

Но я ошибалась, и ее реакция была ошеломляющей. Она закончила читать последнее письмо, ее лицо краснело все больше после каждого прочитанного слова и наконец, она бросила его на пол.

— Какого черта? Он что свихнулся? — выпалила она. — Как он может писать тебе такие письма? Он женат! Я поверить не могу, что у тебя голова кружится от чувства радости ко всему этому! Это неправильно!

— Сара, не ори ты так! — сказала я громким шепотом. — Я не хочу, чтобы вся моя семья узнала об этом! И я знаю, что все это неправильно, Сара, я понимаю это! — Я посмотрела на свои руки. — Хотела бы я, чтобы Мистер Стивенс не был женат, я хотела бы, чтобы у нас не было такой разницы в возрасте, я хотела бы, чтобы все было иначе! Но это не так. Ты думаешь это так легко для него? Разве ты не видишь, как он борется со всем этим? С тем решением, которое он принял?

— Изабель, я никогда этого не пойму, — спокойно ответила Сара. — Мой отец был одним из этих парней. Он бросил маму и сбежал с другой женщиной, ты знала об этом? Он был одним из тех, кто принял “трудное решение” и оставил нас. Так что, пожалуйста, не пытайся расположить меня к Мистеру Стивенсу или заставить понять его намерения, потому что я не хочу, и я не думаю, что когда-нибудь захочу.

Я посмотрела на Сару и долгое время не знала что сказать. Я слышала, что она сказала, но я не хотела ее терять. Теперь я поняла, что совершила ошибку, когда решила поделиться с ней письмами, и мне нужно было понять, как это исправить. И я, наконец, решила, что будет лучше, если я совру ей.

— Сара, — сказала я, встречаясь с ней взглядом, — Я не разрушаю семьи. Я знаю, что сейчас я на пути к этому, но ты меня знаешь — я никогда не заостряла внимание на таких вещах. Я не собираюсь заходить дальше. Я имею ввиду, что мы все равно уезжаем в Чили, так что к концу лета я буду за десять тысяч миль отсюда.

Поверь мне, даже если Мистеру Стивенсу приходила в голову мысль о том чтобы оставить жену чтобы быть со мной — на что он кстати никогда даже не намекал — я бы никогда не позволила ему сделать это с его семьей. — Я сглотнула, надеясь на то, что она мне поверила. Я старалась не думать о переезде в Чили, так как это будет означать наступление конца моих отношений с Томом, но это был подходящий срок. Я почувствую себя лучше, если она от меня отвяжется.

Она кивнула, но нахмурилась. — Иззи, ты моя подруга. Я не хочу думать о тебе плохо. Но ты никогда не должна была говорить мне об этом. Я думаю, что ты играешь с огнем и рано или поздно все это откроется и у вас обоих будут огромные проблемы.

Пролетел месяц май и вскоре пришел конец купальному сезону, что означало, что наступил конец глупым выходкам и девчачьему товариществу, конец поездкам на соревнования, и конец ранним уходам с уроков. Я была убита горем. Это также означало, что пришел конец моим ежедневным взаимодействиям с Мистером Стивенсом у бассейна. Я предположила, что я все же смогу видеть его в некоторые дни, но у меня больше не будет простого и правдоподобного предлога, чтобы видеть его каждый день как я делала с марта.

За несколько дней до последних соревнований сезона, в уединении его класса, мы говорили о будущем.

— Изабель, что мы будем делать, когда закончится купальный сезон? Ты собираешься удрать от меня?

Я не ожидала этого вопроса, и должно быть он увидел растерянный взгляд на моем лице. Я не думала о том, что мы будем делать и, конечно же, я никогда не думала об окончании наших отношений. Я хотела, чтобы все продолжалось, так как было, несмотря на то, что я сказала Саре.

Должно быть, он прочитал все на моем лице.

— Что? Ты не думала об этом? Тебе не приходило в голову, что конец сезона может положить конец всему ... этому?

Я медленно покачала головой.

— Я не думала, что наши отношения вращаются вокруг бассейна, не так ли? — спросила я. — Я провожу большую часть своего времени в бассейне, пытаюсь игнорировать тебя, так что, почему купальный сезон стал бы определять наши отношения?

Он посмотрел на меня с новой вспышкой восхищения в глазах и протянул ко мне руки. Мое тело уже нашло путь к его и мы обняли друг друга в обволакивающей темноте фотолаборатории. Нас окружал распространяющийся запах химических веществ; для некоторых неприятный, но у меня эти сильные ароматы вызывали ассоциации с мужчиной который стоял передо мной. Я погрузилась в наши объятия, вдыхая с удовлетворением.

— Обещай мне, что все равно будешь заходить, — вдруг прошептал он. — Даже если это будет всего лишь пару раз в неделю.

— Конечно, я буду заходить, — прошептала я в ответ. — Знаешь что? Вероятно, мы сможем проводить больше времени вместе, так как купальный сезон закончился.

Он засмеялся и крепче прижал меня к себе.

С окончанием купального сезона, мы с Томом, конечно же, стали проводить больше

времени вместе. Тренировка по плаванию всегда занимала как минимум два часа нашего времени после уроков, а так как практика закончилась, мы были свободны и могли наслаждаться, проводя эти часы вместе. В первую неделю мы встречались в его классе, но я все больше и больше переживала из-за людей находившихся вокруг нас в школе. Я думала, что вскоре они начнут составлять логические цепочки.

Также невозможно было предсказать появление вечернего уборщика, и он стал подвергать нас опасности. Один раз, когда мы с Томом целовались в фотолаборатории в его классе, уборщик открыл входную дверь и вошел. Мы были вне поля его зрения, но в панике я подскочила и немедленно отпрянула от Тома.

Он приложил палец к моим губам и спокойно покачал головой, прося, чтобы я вела себя тихо. Мы оба замерли, надеясь, что уборщик просто выйдет из класса и оставит нас нераскрытыми. Когда стало ясно, что он не собирался покидать класс в ближайшее время, Том пожал плечами и вышел из фотолаборатории. Я осталась позади, прижимаясь к одному из углов комнаты, и была готова броситься под стойку, если бы это стало необходимым.

— Добрый день, — Том поприветствовал уборщика, выходя из фотолаборатории.

— Ох, простите, — сказал удивленный уборщик. — Я не думал, что здесь кто-то есть.

— Все в порядке, — заверил его Том. — Иногда я остаюсь здесь до пяти или около того, работаю в фотолаборатории. Я был бы вам очень признателен, если бы вы могли приходить после пяти. Таким образом, вы на меня не наткнетесь.

Я задержала дыхание, пока уборщик раздумывал над ответом. Что если он откажет? Что если он настоит на уборке этого кабинета прямо сейчас? Что если он пройдет мимо Тома в фотолабораторию чтобы забрать отсюда мусор?

Мы могли быть раскрыты человеком, который убирает помещения?

И все же уборщик, наконец, согласился и сказал, что сможет изменить свое расписание. Он снова извинился, говоря по-английски с сильным испанским акцентом, и я услышала, как за ним захлопнулась тяжелая дверь. Я медленно выдохнула, пытаясь успокоить свое быстро бьющееся сердце, и услышала шаги Тома, когда он снова вошел в фотолабораторию.

Его глаза были большими и испуганными, а плечи были напряжены.

— Нам нужно начать встречаться вне кампуса, — тихо отметил он напряженным голосом. — Мы чуть не попались.

Я молча кивнула, затем осторожно вышла из фотолаборатории с Томом, который оставался близко позади меня.

— Я собираюсь идти домой, Том. Я не хочу больше рисковать, оставаясь здесь еще дольше.

Он кивнул и нежно поцеловал меня на прощание.

На следующий день, я встретила Тома на школьной стоянке возле его грузовика ровно в три часа. Мы не планировали отъезжать вместе, поскольку это было бы слишком очевидно, но мы хотели связаться друг с другом, прежде чем покинуть школу.

Было начало лета, и я одевалась точно также как и большинство калифорнийских девчонок — короткие шорты и легкий, возбуждающий летний топ. Я знала, что хорошо выгляжу. Мои ноги были необыкновенно длинными — мальчики из школы дали мне прозвище “Ноги” — и я никогда не упускала возможности надеть короткие шорты или юбку, которая едва доставала до середины бедра. Я знала, что Том чрезвычайно любил мои ноги, и ему нравилось, когда я их показывала. Он никогда не скупился на комплименты.

Я быстро вышла со стоянки и повернула налево; мы планировали встретиться в кафе,

всего за несколько кварталов отсюда, где я смогла бы посидеть и сделать домашнюю работу, пока он наблюдал за тем, нет ли здесь людей, которых мы могли знать.

Я ускорила шаг, когда покинула территорию школы и почти побежала к кафе чтобы оказаться там раньше, чем он. Я хотела взять охлаждающий напиток и остыть, прежде чем мы уедем.

Однако Том приехал в считанные минуты, и быстро осмотрел кафе и парковку на улице. Я наблюдала за ним сквозь свои солнцезащитные очки и поднялась с места, когда увидела, как он направился к своему грузовику.

Это был знак того что все было чисто; на данный момент в кафе не было никого кого бы мы знали и парковка была пуста. Я бросилась к его грузовику, забралась в него, и лежала на сиденье, до тех пор, пока мы не отъехали на несколько кварталов. Мы не хотели, чтобы кто-то увидел нас вместе в грузовике, или около кампуса, по понятным причинам.

— Теперь ты можешь сесть, — пробормотал он, едва шевеля губами. — Мы достаточно далеко от любого кто мог бы нас узнать.

Я села, вздохнув с облегчением, и оглянулась вокруг.

— Слава богу, это не провинциальный городок, — ответила я, смеясь. — Это было бы невероятным подвигом, если бы мы не могли рассчитывать на анонимность, которую нам дает крупный город!

Том улыбнулся в ответ, и казалось, что его подтянутое тело рассеивало напряжение. Теперь сидеть в его грузовике было гораздо более приятным приключением; не было никаких других студентов, которые могли поехать вместе с нами, никаких оправданий о том, что он всего лишь невинно подбрасывает меня до дома, и мы подвергали себя меньшей опасности, когда использовали неосторожные слова или жесты.

Мне не нужно было искать предлогов, чтобы сесть поближе к Тому, мы уже могли прикасаться друг к другу столько сколько хотели, так что я села на другом конце сиденья, пристегнув ремень. Он жестом пригласил меня приблизиться к нему, и я покачала головой, дергая за ремень безопасности поперек моей груди.

— Безопасность, прежде всего, — улыбнулась я, поддразнивая его.

Он улыбнулся в ответ и пожал плечами, его глаза были спокойными и счастливыми.

— Куда ты хочешь поехать? — небрежно спросил он.

Я пожалала плечами. Прежде я никогда не нуждалась в уединенном месте, но я слышала о местах куда можно было пойти, там где горные перевалы предоставляют возможность полного уединения и открывают приятный вид на холмистую долину.

Парень Лиз постоянно привозил ее на эти перевалы, и я всегда слушала подробности. Но я не знала названий дорог — она только сказала, что они поднимались в горы.

— Ну, всегда есть горы, — предложила я. — Сама я там никогда не была, но слышала, что люди ездят туда, если хотят скрыться от чужих глаз.

Он слегка хихикнул.

— Ты читаешь мои мысли. Видишь вон ту дорогу? — Он указал на грунтовую дорогу впереди и направился прямо к ней. — Если в самом конце свернуть налево, то дорога приведет нас прямо к сердцу этих гор. Не волнуйся, я найду такое укромное местечко, где нас никто не сможет побеспокоить, по крайней мере, в течение нескольких часов.

Он свернул на дорогу, и я увидела, что нам предстояло преодолеть развернувшиеся перед нами “американские горки”, чтобы заехать на более высокое место. Через несколько извилистых поворотов Том увидел небольшую развилку на главной дороге и решил завернуть

туда.

Дорога, которую он выбрал, была грунтовой и довольно неровной, но это только сделало наше приключение еще более захватывающим. Ветви деревьев, покрытые ярко-зелеными листьями, нависали над дорогой, и вскоре грузовик был скрыт от главной дороги, в тени десятков плотно обвитых листьями деревьев.

Открывшаяся картина захватывала дух: здесь не было ничего кроме деревьев и листвы позади нас, и грузовик был полностью скрыт густой растительностью над нами. Справа от нас я могла видеть резкий скат, с видом на город и долину под нами.

Если я присматривалась достаточно хорошо, я даже могла разглядеть извилистую дорогу, по которой мы ехали. С этой высоты это было похоже на скользкую муравьиную дорожку.

Том выключил громкий дизельный двигатель. Наступила полнейшая тишина, такая, что я думала, что смогу услышать порхание крыльев бабочек летающих среди деревьев.

— О, Том, — счастливо вздохнула я. — Это место прекрасно. Почему мы не пришли сюда раньше? Почему мы так рисковали, оставаясь в классе, когда мы могли бы быть здесь?

Вместо ответа Том расстегнул ремень безопасности и придвинулся ко мне, взяв меня на руки. Сиденье грузовика было длинным и достаточно широким, чтобы мы могли лечь и расположиться с комфортом, и мы воспользовались преимуществом новой горизонтальной позиции. Пока он лежал на мне, чувство удовлетворения от ощущения веса его тела вызывало покалывание во всем моем теле.

Мы целовались неистово и раскрепощено, наши поцелуи были глубокими, влажными и интенсивными. Я потерялась в мгновении, потерялась в Томе, потерялась в тепле наших соприкасающихся тел. Я не заметила, как мои шорты оказались на полу грузовика, так же как мои трусики и лифчик. Рядом с моей одеждой лежала одежда Тома, в том числе и его боксерские трусы.

Я почувствовала, как его бедра соприкоснулись с моими, его поцелуи становились все более чувственными и его рот исследовал мои губы, переместился к шее, а потом ниже, ниже, о Боже, ниже. Том целовал меня туда, куда меня еще никто никогда не целовал.

Лиз подробно рассказывала похотливую историю о том, как Брэд впервые целовал ее там, это звучало так чувственно и приятно; до сих пор я даже представить себе не могла, что мужские губы могут доставлять такое невероятное наслаждение. Мое тело пульсировало от нахлынувших ощущений, и я с трудом могла себя сдерживать. Я почувствовала, как незнакомая теплая жидкость выходит из меня и впервые мое тело взорвалось в экстазе.

Том проложил обратный путь вверх поцелуями, он поцеловал мой плоский животик, поднялся к груди, к моей шее, и потом снова поцеловал мои губы. Он целовал меня страстно и когда он это делал я почувствовала, как его бедра мягко опускаются на мои. Несмотря на то, что я едва ли могла здраво мыслить, я протянула руку и остановила его, когда почувствовала, как кое-что твердое стало в меня упираться.

— Я не думаю, что мы должны это делать, — прошептала я. Я не была против лежания с ним голой и целоваться в течение нескольких часов, но я не была готова идти до конца. По крайней мере, не так, не в кабине грузовика, где-то в горах, всего лишь с несколькими часами в запасе.

Том сразу же перестал двигаться и лег на меня сверху, вглядываясь в мои глаза.

— Ты права, — ответил он сонным голосом. — Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неудобно и прости, если я зашел слишком далеко. Ты в порядке?

— Да, — в ответ прошептала я. — На самом деле, я чувствую себя слишком комфортно, и это как раз то, что тревожит меня. Это первый раз, когда я когда-либо была полностью голой с кем-то и все что ты делаешь потрясающе приятно. Но я просто не готова идти до конца. Я чувствую, что настанет идеальное время, и мы будем в идеальном месте для этого — и просто это не то. Я думаю, что мы тоже должны об этом задуматься.

Молчание. Том приподнялся, но продолжал смотреть мне в глаза так пристально, что мне пришлось отвести взгляд. Он мягко положил свою руку на мою щеку и повернул мое лицо к своему.

— Изабель, посмотри на меня. — Я позволила его руке повернуть мое лицо к своему, и он продолжил, — Изабель, ты такая удивительная девушка, ты это знаешь? Я увлекся, это я должен был остановить все это, не ты. Мне лучше знать, конечно, мне лучше знать.

Но я теряю контроль над своим телом, когда я с тобой, рядом с тобой, потому что ты заставляешь меня чувствовать себя изумительно. Если лежать голыми вместе это то насколько комфортно ты себя будешь чувствовать, значит на этом мы и остановимся. Я здесь не для секса; я надеюсь, ты знаешь об этом. Я хочу, чтобы ты была полностью готова, и если я тот парень, с которым ты хочешь потерять свою девственность, я буду ждать, когда ты почувствуешь что время пришло.

Я протянула руки и крепко обняла его, я была рада, что он считал меня девственницей, потому что я ей была.

— Спасибо, — прошептала я ему на ушко. — Спасибо за то, что понимаешь меня.

Он обнял меня, одной рукой поглаживая мои длинные каштановые волосы, в то время как другой рукой он крепко обхватил меня за талию.

— Я бы умер ради того чтобы сказать тебе кое-что, но я не хотел тебя напугать, — прошептал он, немного отстраняясь, чтобы посмотреть мне в глаза. — Но я больше не могу держать это в себе. Изабель, я по уши ... влюблен в тебя.

Должно быть, я выглядела также потрясенно, как я себя чувствовала. Это было неожиданное признание — я всегда думала, что если он и скажет это, то это случится намного позже, если вообще случится. Я не думала, что он скажет это лично. Он редко произносил что-то подобное вслух, так как проще было написать это на бумаге.

Что я могла теперь сказать? Я этого не ожидала, так что не придумала ответ. Чтобы точно не потерять его внимание, я медленно открыла рот; если я буду медлить достаточно долго, возможно я пойму, как ему ответить.

— Я никогда не была влюблена прежде, — наконец призналась я, глядя ему прямо в глаза. — Но я знаю, что умру, если с тобой что-нибудь случится. Я знаю, что я не могу спать по ночам, потому что хочу быть с тобой. Я знаю, что когда я вижу тебя по утрам, это украшает мой день. Если это похоже на любовь значит, я тоже в тебя влюблена.

Он улыбнулся широкой искренней улыбкой, которая заставила мое сердце замереть. Он отодвинулся от меня и потянулся за своей одеждой.

— Могу я тебя кое о чем спросить? — выпалила я, желая его немного остановить.

Он посмотрел на меня.

— Конечно. Что такое?

Я посмотрела на него.

— Когда мы одни, — сказала я. — Могу я держать тебя за руку? Я думаю, что так я буду чувствовать себя ... ближе к тебе.

Он пристально на меня посмотрел, а потом усмехнулся, и потянулся ко мне, чтобы

поцеловать в лоб.

— Конечно, ты можешь, — сказал он. — Ты моя Изабель.

Глава 8 — Ветра перемен

Плавательный сезон начался и закончился, а вместе с ним и второй год моего обучения. Последние несколько недель занятий в школе в середине июня я согласовывала детали моей поездки в Европу с французским клубом. Так волнительно было думать об этом.

Европа! Я никогда не была за пределами американского континента и хотела воспользоваться шансом. Это был шанс повидать мир перед тем как мы вернемся в Чили, куда мы планировали уехать во время третьего года моего обучения, перед событием, которого я уже начинала страшиться.

Мы ехали группой из четырнадцати человек, включая Вики, мою подругу и пловчиху. Сопровождать в поездке нас должна была миссис Дрейк, невероятно толстая и нервная учительница французского языка.

В конце плавательного сезона наши отношения с Томом все еще продолжались и даже окрепли, но сейчас им предстояло пройти испытание летними каникулами. В голове роились вопросы: как мы будем видеться друг с другом, если в школе сделать это будет невозможно?

Преодолеют ли наши отношения эти трудности? Хватит ли нам фантазии и изворотливости, выкраивать время для наших встреч, и не выдать себя при этом? Какое мне использовать оправдание, и под каком предлогом Том сможет уходить из дома и встречаться со мной?

А самое главное, как мы справимся со всем этим, не вызывая подозрений?

К моему удивлению, Том решил проводить как можно больше времени со мной. Незадолго до окончания учебного года я встретила с ним в одном из заведений города за чашечкой кофе. Для всех мы встречались обсудить вопрос, есть ли у меня будущее в плавании. На самом деле, мы встретились, чтобы решить, как нам быть с нашими отношениями летом и не привлекать внимание.

Встречаться вне школы практически было невозможно, ведь мы никак не могли сойти за пару, состоящую в законной связи. В душе я чувствовала себя двадцатичетырехлетней, но внешне я была девочкой подростком. Том, напротив, с его морщинками вокруг глаз и с легкой сединой на русых волосах и бородке внешне выглядел старше; он никак не мог сойти за двадцатилетнего.

После долгого раздумья Том предложил план.

— Мы можем и дальше встречаться в школе несколько раз в неделю, а потом выезжать куда-нибудь на несколько часов. Так мы сможем спокойно общаться вдали от любопытных глаз. Что скажешь на это?

— Ты думаешь, ни у кого не вызовет подозрений, если мы будем встречаться в кампусе, а потом уезжать куда-то? — спросила я.

— На самом деле, нет, — возразил Том. — Так как я буду преподавать в летней школе, ты сможешь затеряться среди моих студентов и, приходить, скажем, к концу занятий. Тебя примут за студентку, которая слоняется без дела после занятий. Во время летних каникул никто из администрации школы не приезжает в кампус, поэтому для нас это самый безопасный вариант.

— Хорошо, как скажешь, — согласилась я, — Мне просто не хочется делать что-то, что может привлечь к нам внимание. В прошлом месяце ходили нехорошие слухи. — Том

насторожился.

— Какие слухи?

— Похоже, кто-то из студентов заметил как мы не раз уходили вместе из школы-ответила я, — хотя никто не знает о нас с тобой, пустили слух о том, чем мы, по мнению некоторых, занимаемся после школы. — Том выглядел встревоженным, но я быстро успокоила его.

— Не беспокойся, я предусмотрела все и позаботилась о слухах. Я сказала, что встречаюсь с парнем из Лос-Анджелесского университета. Чтобы мои родители не заподозрили ничего, я попросила тебя иногда подвозить меня кое-куда. Я сказала, что ты не откажешь, потому что все время подвозишь студентов. Так что если тебя спросят, я встречаюсь с парнем по имени Дэвид, который учится на факультете бухгалтерского учета в университете Лос-Анджелеса. Кроме этого, тебе не о чем беспокоиться.

— Изабель, ну ты даешь, — Засмеялся Том. Он замолчал и одарил меня любящей улыбкой. Это я должен защищать тебя, а не наоборот. Тебе следует быть слабой и незащитной. А здесь ты лезешь в огонь ради меня.

Я распрямила плечи.

— Я что похожа на того, кто нуждается в защите? — в шутку спросила я. — Это было совсем нетрудно — скрывать нашу связь стало моей второй натурой- Том засмеялся, затем проводил меня к выходу из кафе. Пришло время для поездки в горы.

Мои романтические похождения с Томом среди бела дня в первой половине лета добавляли волнений. Хотя у нас было мало времени, всего два или три часа в неделю, Том начал звонить мне домой в те дни, когда мы не виделись. Сначала, я была обеспокоена. Что я скажу родителям когда он позвонит? Что они подумают?

Когда однажды моя мама ответила на телефонный звонок, я думала что все пропало. Том должно быть попросил позвать меня, так как чуть погодя, она спустилась в зал и дала мне трубку.

— Изабель, это Джон, тебя, — быстро произнесла она.

Я с удивлением посмотрела на нее, но поняла, что звонок ее несколько не заинтересовал. Обычно, время от времени, мне звонили знакомые ребята, и в этот раз она даже не поняла, что звонит кто-то не из их числа. Я осторожно взяла телефон, встала и закрыла за ней дверь, выдохнув с облегчением.

Спустя несколько недель, родители привыкли к звонкам моего друга «Джона», так ни разу не спросив о нем. Мои родители считали, что мне пока рано встречаться с парнями, но ничего не имели против телефонных звонков.

Он звонил в дни, когда мы не виделись, поэтому так или иначе мы каждый день общались друг с другом. Новая любовь, предстоящая поездка в Европу и ожидание того, что между мной и Томом произойдет что-то большее сделали для меня это лето волшебным.

Расстаться с Томом оказалось труднее, чем я думала раньше. Хотя я уезжала в Европу всего на две недели, казалось, будто я покидаю его навсегда. Мы не расставались с марта, с тех пор как началась наша связь, и со дня нашего первого поцелуя я каждый день с ним разговаривала или, по крайней мере, виделась.

Прошло почти четыре месяца, и он стал неотъемлемой частью моей жизни. Как я смогу прожить без него две недели? Это стало проблемой, о которой я раньше не задумывалась. Очень большой проблемой.

— Боже, я буду скучать по тебе, — сказал Том во время нашей дневной поездки в горы

за два дня до моего отлета. — Я так привык видеть тебя каждый день, слышать твой голос... Ближайшие две недели, пока ты будешь развлекаться там в Европе, моя жизнь превратится в скуку.

Он замолчал.

— Я уверен, кто-нибудь из мальчишек попытается залезть тебе под юбку, Изабель, поэтому будь осторожна. — Я не смогла сдержать смех.

— С каких это пор я перестала быть осторожной? Я думаю только о тебе, я осторожна даже когда мы вместе. Почему ты думаешь, что я кому-то позволю сблизиться с собой? Я слишком сильно буду скучать по тебе, чтобы обращать внимание на кого-то еще.

— Хорошо сказано. Как раз то, что я хотел услышать, — улыбнулся Том, но тут же посерьезнел. Он обнял меня и продолжил. — Послушай, Изабель, я спокойно отношусь ко многим вещам, но только если это не касается тебя.

Ты самое дорогое, что у меня есть, и если с тобой что-то случится, я не вынесу этого. Я хочу, чтоб ты была в безопасности и не хочу, чтоб тобой кто-то воспользовался. Обещай, что будешь осторожна, если выпьешь или пойдешь куда-нибудь на танцы, потому что можешь наткнуться на плохих людей. Хорошо?

Я ткнулась ему в грудь и прислушалась к биению его сердца. Знакомый свежий запах стиральной одежды напомнил мне о том дне, когда я стояла так близко к нему, что чувствовала его запах. Тогда мы стояли в полутьме класса, крепко обнявшись и забыв о внешнем мире и его правилах. Сейчас все было иначе, стало более стабильным. Мне не хотелось, чтобы что-то менялось.

Я подняла голову и посмотрела Тому в глаза, замечая его влюбленный взгляд. — Тебе не стоит беспокоиться, я не сделаю ничего, что могло бы испортить все это. Ты знаешь, я человек ответственный, кроме того, миссис Дрейк напридумывала столько правил.

Она заставила подписать нас контракт, по которому мы, в случае нарушения правил, улетаем за свой счет домой раньше времени. С ней мы будем в безопасности. Так что не волнуйся. Я все время буду думать о тебе и скучать как сумасшедшая.

Том сильнее сжал меня в объятиях. — Изабель, я всем сердцем люблю тебя. Я буду считать дни до твоего возвращения. — Мое сердце запело от счастья. Я уже стала привыкать к его нежностям и мне нравилось когда он становился романтичным.

— Чао, ма. Я позвоню, как только мы приземлимся в Брюсселе. — Я наклонилась к водительскому окну, быстро поцеловав маму в щеку. Она улыбнулась и послала мне воздушный поцелуй, я помахала вслед уезжающей машине. Затем потащила свой тяжелый чемодан к студенческой парковке, где болтали и ждали посадку остальные студенты.

Я пробралась к Вики, ее длинные волосы были собраны в беспорядочный хвостик, она увидела меня и растянула губы в широкой улыбке, так, что стали видны металлические брекететы на ее зубах.

— Итак, в самолете мы будем сидеть рядом, хорошо? Я уже сказала миссис Дрейк, что мы будем жить в одном номере. Думаю, она уже все устроила.

— Классно! — обрадовалась я. — Знаешь, почему-то ты нравишься миссис Дрейк больше чем я, если бы я ее попросила, она бы тут же отказала.

— Ты видела кто с нами едет? — Вики наклонилась ближе, с заговорщическим видом улыбнулась.

— РАЙАН.

— Райан? — Не поняла я.

— Да, ты разве не помнишь, я по уши была влюблена в него в прошлом году? Он был юниором в команде пловцов.

— Вики, в прошлом году меня еще не было в команде пловцов. — напомнила ей я.

Вики щелкнула пальцами. — Точно, а Райан ушел из команды в этом году, получается вы даже не знакомы?

Я взглянула на него, отмечая приятную, на первый взгляд, внешность.

— Вики, в любом случае, это не мой тип. — сказала я ей. — Я видела его в школе. Он тусовался с готами, ведь так? — Я снова взглянула на него. Он сидел на скамейке, уставившись в паспорт. — Хотя сейчас он выглядит нормально. Что случилось? Прошел всего лишь месяц, как мы не ходим в школу, а он уже не выглядит как Гот?

— Да, для него это уже пройденный этап, — ответила Вики. — Думаю, это из-за того, что он будет учиться в колледже? Вероятно, посчитал, что нужно избавиться от имиджа бунтаря. Гот или нет, он симпатичный. У него приятное лицо.

— На самом деле, он выглядит старше большинства мальчишек из школы, этого не отнять. — признала я, наблюдая как Райан аккуратно кладет свой паспорт в рюкзак и выпрямившись, оглядывается по сторонам. — У него красивые голубые глаза и красивый нос. — Вики громко расхохоталась. — Да, и имей в виду, он уже не школьник, а выпускник. А это значит, он становится ближе к твоей любимой возрастной категории.

Несколько часов ушло на то, чтобы добраться до аэропорта, пройти таможенный контроль, сесть на самолет и устроиться на своих местах. Когда самолет, наконец, взлетел, я вернулась мыслями к Тому. Несмотря на то, что мне нравилось болтать с Вики, мне нужна была тишина и покой, чтобы я смогла сосредоточиться на мыслях о мужчине, с которым мне хотелось быть вместе больше всего на свете.

Здесь, я поняла, что сейчас сижу в самолете джет-747, летящем на высоте тридцать тысяч метров сначала через США, а потом через широкий Атлантический океан, который разделит меня с Томом на две недели. Это была неприятная мысль и я расстроилась. Каждый раз, как мне закладывало уши от высоты, я все больше приходила в отчаянье. Как я проживу две недели, не видя Тома? Что будет делать Том пока меня не будет рядом?

Я слышала тихие смешки пассажиров вокруг, которые смотрели фильм на основном экране. Хотя лето было в самом разгаре, в самолете было прохладно от кондиционеров. Я сняла с верхней полки тонкое покрывало и накрыла им себя и Вики, и, развалившись в кресле, погрузилась в мысли.

Ее тело согрело меня, но мне уже страстно хотелось другого тепла; тепла знакомого мужского тела. Том согрел бы меня, обнимая своими сильными и накаченными руками.

Рядом со мной шевельнулась Вики и ткнула меня в бок.

— Ей, пойду в хвост самолета, посмотрю можно ли поболтать немного с Райаном. — проскользнув мимо меня в проход, она подмигнула мне. — Может быть у меня сложится с ним в поездке.

Я смотрела как она уходит, и поняла, что с тех пор как впервые поцеловалась с Томом, я полностью отдалась ему и отдалилась от других. Какая-то часть меня удивлялась, почему я так предана мужчине, который спит с другой женщиной. Оттого, что эта женщина была его женой было еще хуже.

Я часами мучилась, думая о них двоих вместе; хотя я никогда не видела ее ни на фотках, ни вживую, я всегда думала о ней. Было ли для Тома тяжело быть с женой и в тоже время любить меня. Интересно как отреагирует Том если представит меня с парнем? Будет ли ему

также больно как и мне? Может он сможет, наконец, почувствовать тоже самое, что чувствую я.

Справедливости ради скажу, что я никогда не делилась этими сомнениями и не проявляла недовольства. Он похоже даже не догадывался, что его отношения с женой так сильно беспокоили меня и что я страдала от этого. Я очень была осторожна, с тем что писала в письмах ему; ему и так было трудно, и я не хотела еще больше усугублять его положение.

Было пару моментов, когда во мне вспыхивала ревность и горечь, но я одергивала себя и прятала эти чувства, прежде чем взболтнуть что-то лишнее. К моему удивлению, он понял мои намеки и написал об этом в письме. Когда Вики ушла поболтать с Райаном, я вытащила фотокопию письма и в сотый раз стала перечитывать его.

12 Июня, 1993

«Дорогая Изабель,

Письмо будет не очень длинным, потому что я пишу из дома и это небезопасно. В предыдущем письме я обратил внимание кое на что, что касается меня. Я чувствую, что тебе грустно. Наши отношения меняют тебя и мне не очень хорошо от этого.

Я знаю, что ситуация в которой мы оказались трудна для нас обоих. Тебе может показаться, что переживаешь только ты. Это не совсем правда. Я не говорю, что тебе легко, потому что вижу, что это не так.

Но ты должна знать, что я не пытаюсь усидеть на двух стульях. Я жалок. Я хочу быть с тобой все время. Ты должна знать кое-что: моя жена для меня вроде соседки по комнате. Мне неловко в этом признаться, потому что она любит меня также, как я люблю тебя и это несправедливо по отношению к ней. Но я люблю ее всего лишь как друга. Мы не любим друг друга так, как я люблю тебя.

Для меня очень важно, чтобы ты знала это. Уверен, что мы оба хотим быть вместе на законных основаниях (имею в виду нас в отношениях), потому что наша жизнь станет не такой запутанной.

И если для тебя это слишком, если тебе нехорошо, и тебе трудно справиться с этим, нам нужно обсудить это. Изабель, пожалуйста, будь честна со мной и всегда говори о своих чувствах. Мы сможем справиться с этим вместе. Помни, я только твой и больше ничей.

Люблю,

Том»

Я аккуратно сложила письмо и положила его в сумку. Он только мой, сказал он, но все же ночами возвращается домой к своей жене. В первый раз, я задалась вопросом, что, если он придет ко мне, а не к себе домой.

Наш первый день в Брюсселе был волшебным! Город был не такой очаровательный и всемирно известный как Париж, но здесь я впервые прикоснулась к старосветскому шарму Европы и полюбила его.

У нас уже был список правил, которым нужно следовать. Миссис Дрейк разложила их перед тем как мы покинули аэропорт в Брюсселе, и даже включила их в контракт для студентов и родителей, который мы подписали. Было три пункта, которые были направлены на то чтобы ограничить наше веселье:

1. Мальчики должны находиться в помещениях, предназначенных для мальчиков, девочки в помещениях, предназначенных для девочек (т. е. мальчики с девочками не должны находиться вместе в номерах)

2. Девочки и мальчики могут встречаться только в местах общего пользования, таких как гостиничные вестибюли. К коридорам и лестничным площадкам это не относится.

3. Нельзя покидать гостиницу без сопровождения после семи часов вечера.

В первую же ночь в Брюсселе мы с Вики нарушили правило номер три. Мы вселились в один номер и большую часть дня провели обустроиваясь в гостинице и повторно выслушивая правила миссис Дрейк. Когда она закончила, нам с Вики захотелось подкрепиться. Ужин, включенный в путевку, выглядел неаппетитно — мы смогли съесть пресную лапшу, но о том, чтобы съесть ужасную на вкус, отварную белую рыбу не могло быть и речи.

Чуть позже восьми часов, когда мы уже сидели в пижамах на полу, скрестив ноги в номере старинного отеля, Вики спросила.

— Изабель, ты есть не хочешь? Лично я проголодалась.

— Да, — Ответила я. Что если мы поищем МакДональдс? Должен же он быть где-то здесь поблизости? Думаю, мы говорим достаточно прилично на французском, *Ou est le McDonald's?* — Выговорила я с ужасным акцентом.

Вики расхохоталась. — Хорошо, думаю, мы справимся. Мы что, пойдем в пижамах?

Я осмотрела ее с ног до головы. На ней была сорочка большого размера, кремового цвета с изображением Снупи, которая смотрелась на ней как футболка. На мне была классическая пижама с штанами в полоску голубого цвета, верхом на пуговицах и что-то вроде белого спортивного лифчика под ним.

— Да, мы выйдем замечательно, — Сказала я, — Пойдем, пока не поздно.

Мы вышли на улицу прямо из отеля в своих пижамах и носках. Нас никто не остановил, оказавшись на свободе, мы замедлили шаг и стали наслаждаться видами вокруг нас. Мы говорили на французском с плохим произношением с людьми на улице, но нам так никто и не помог.

Но зато несколько раз удостоились странных взглядов. После часовой прогулки, мы вернулись в отель все еще голодные, так как пройдя, как нам показалось, десятки кварталов, мы не нашли МакДональдс, но пребывали в восторге от прогулки по городу.

После недельной поездки по дорогам, за восемь дней до отлета, мы сдружились друг с другом. Когда мы были во Франции, к нам в автобусе присоединилась группа из двадцати восьми студентов государственной средней школы Вашингтона, вокруг стало горячее. Начали возникать романы между учениками школ.

Не добившись взаимности от Райана, Вики отказалась от попыток завязать с ним отношения. У нее появился новый парень, Уилл, богатенький мальчик из Вашингтона, чей отец владел яхтой.

— Райан влюблен в кое-кого, — Однажды ночью поделилась со мной Вики в нашем номере на Французской Ревьере. — Поэтому он не отвечает мне взаимностью. Ты знаешь кто ему нравится?

— Ты имеешь в виду ту девочку из Вашингтона? — ответила я. — Ну та, что играет в теннис и свободно говорит по-французски? Как ее зовут... Таня? — Вики закатила глаза.

— Изабель, ты, наверное, витаешь в облаках. Ау! Ты была с нами в поездке по Франции? Ты что серьезно не знаешь? Райану нравишься ты, Изабель.

Я уставилась на нее в изумлении. Во время поездки Райан всегда проводил время со мной и Вики, но я думала, это из-за того, что мы из одной школы и ему комфортно с нами.

Мне никогда не приходила в голову мысль, что я ему нравлюсь. С момента приезда в город любви, Париж, мои мысли была направлены только в одну сторону, в сторону Тома.

Конечно, меня восхищала страна и каждый раз останавливаясь в больших и малых городах я много фотографировала, но я не могла дождаться когда вернусь домой к Тому.

— Ну что, собираешься что-то сказать? — потребовала Вики.

— Я не знаю, что и думать, — сказала я ей. — Надеюсь ты не расстроена из-за этого — я не давала повода. Я не вешалась на него или что-то в этом роде, пожалуйста, не думай что я бегала за ним.

— Я не расстроена, мне плевать нравишься ты Райану или нет. — ответила Вики. — У меня все хорошо с Уиллом. Я знаю, что ты нравишься Райану, потому что он сам мне об этом сказал. Он просто стесняется подойти к тебе. Он не хочет ждать слишком долго, потому что поездка через неделю закончится. Он скорее всего тебе что-то скажет на днях. Думаю он собирается с духом.

— Не знаю, что я скажу, — ответила я. — Ты знаешь мои принципы насчет парней из школы. Я замолчала, затем улыбнулась, язвительно заметив. — Хотя должна признать, Райан весьма симпатичный парень, особенно теперь, когда он перестал быть готом.

Она ответила мне улыбкой, втянув голову в плечи от радости. — В любом случае, подумай об этом. Он влюблен в тебя. Он настоящая находка! — Она замолчала, затем подмигнула. Имей в виду, он уже не учится в средней школе, теперь он студент колледжа, парень постарше, как раз на твой вкус.

После того, как мы пожелали друг другу доброй ночи и улеглись спать, я подумала о том, что сказала мне Вики. Я подумала о Райане, и как бы я отреагировала, если бы ответила на его чувства. Может на этот раз, мне просто стоит позволить себе плыть по течению.

С тех пор как я начала встречаться с Томом, я отказалась от всех парней и задавалась вопросом не изменяю ли я себе. Я зашла с Томом так далеко, как ни с кем другим и у меня уже есть опыт. Он завоевал мое доверие и я люблю его, но может быть мне стоит узнать каково это будет с другим парнем до того как я вернусь домой.

Эти предательские мысли начали одолевать меня. Я была предана ему, с тех пор как мы были вместе, но тем не менее он спал с другой женщиной. Он каждый день возвращался домой к ней. У него была и жена, и я, и его, кажется, это устраивало.

Он сказал что любит меня по-настоящему, не так как свою жену и что он хочет быть со мной, но правда ли это? Можно ли ему верить? Даже если поверить-даже если это правда-он все равно возвращается к ней, когда уходит от меня. Представлять, как Том лежит в кровати, нежно обнимая свою жену, было выше моих сил.

Может настало время поменяться местами и дать Тому почувствовать, то что чувствую я: злость на обстоятельства и растущую ревностью к его жене. Может настало время оглядеться и посмотреть что мне могут предложить остальные мужчины. Я решила позволить себе плыть по течению. Если это течение прибьет меня ненадолго к Райну, пусть будет так.

На следующий день, как сказала Вики, Райан признался в своих чувствах ко мне, и я отдалась на волю случаю, как и обещала себе. Мы начали проводить много времени вдвоем, держались за руки во время посещений исторических мест таких как Ватерлоо и обедали вместе.

Он даже отнес меня в теплые воды Средиземного моря в Ницце, в южной Франции.

Ничего не могло быть более романтичным, чем это, но у меня не было искренних чувств к Райану. Он был всего лишь объектом на котором я проверяла свои чувства, чтобы узнать, как я буду чувствовать себя с другим парнем. Я была с Райаном, но не чувствовала никакого

физического отклика на его прикосновение. На самом деле, мне даже не нравились его поцелуи.

Первый раз мы поцеловались, когда ехали в автобусе посреди красот Швейцарских Альп, автобус только въехал в темный и длинный туннель, который проходил через горы, как Райан нежно обхватил мое лицо руками и накрыл мои губы своими.

Я не сразу ответила ему, но затем я вспомнила о своем решении плыть по течению. Мои губы расслабились и я поддалась на движение губ Райана. Мне было неловко, зато я плыла по течению.

Как только мы добрались до Женевы, потрясающего и красочного города Швейцарии, я отделилась от основной группы студентов чтобы найти таксофон. Я была в крайнем отчаянии — я всем сердцем страстно хотела услышать голос Тома, вспомнить его губы, его нежность и его прикосновения.

Мне нужно услышать его как можно скорее. Я мысленно посчитала разницу во времени и поняла, что сейчас самое удобное время позвонить ему домой — было субботнее утро и обычно в это время его жена с дочками уходила из дома.

Я подняла телефонную трубку и начала набирать номер. Стоя в стеклянной будке, я видела нашу группу, которую сопровождал гид по главному парку Женевы, которая стояла возле яркой цветочной композиции в виде больших часов на центральной лужайке. Я слушала гудки на другом конце провода и начала паниковать. Что, если его нет дома? Или еще хуже, его жена осталась сегодня дома и возьмет трубку.

— Алло? — послышался глубокий голос Тома. Я почувствовала облегчение.

— Привет, — зашептала я. — Это я.

Повисла тишина.

— Изабель? Где ты? — спросил Том. — Я думал ты вернешься на следующей неделе. Боже, ты дома?

— Я сейчас в Швейцарии, — ответила я. — Мы приехали сюда только сегодня.

— Ты звонишь мне из Швейцарии? Ты сошла с ума? Как ты оплатила звонок?

— Не волнуйся, я звоню по таксофону, у меня есть мамина телефонная карточка, — проговорила я в блестящую черную трубку. — У меня всего лишь несколько минут, так как миссис Дрейк в любую минуту начнет искать меня. Том, я так сильно скучаю по тебе. Мне просто захотелось услышать твой голос и сказать, что я безумно по тебе скучаю.

Наступила пауза, но когда он заговорил, я смогла различить улыбку в его голосе.

— Я тоже скучаю по тебе, — ответил он. — Мне одиноко без тебя. Я все время думаю о том, что ты должно быть хорошо проводишь время в Европе. Знаешь, я переживаю что появится какой-нибудь парень и вскружит тебе голову. Я знаю это не мое дело, но не могу не думать об этом.

— Тебе не о чем беспокоиться, — ответила я, не выпуская из виду миссис Дрейк и моих друзей. Они все еще стояли у цветочных часов. Я так скучаю по тебе, Том, не могу дождаться, когда вернусь домой и буду с тобой. Мне нужно идти, но у меня еще остались деньги на карточке, я попытаюсь еще раз позвонить тебе на днях.

— Я тоже по тебе скучаю, Изабель. Веди себя хорошо, ладно? Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Пока.

— Пока, Изабель, — сказал он. Услышав щелчок, я поняла, что он положил трубку и закрыла глаза, сдерживая слезы.

Миссис Дрейк уже смотрела на меня хмуро, когда я вышла из будки в конце парка. Я

поспешила присоединиться к остальным студентам, которые все еще слушали рассказ гида о механизме работы гигантских цветочных часов на идеально скошенной лужайке.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я бы предпочла проводить время с Томом в Европе, но у меня не было такой возможности, поэтому я замутила с Райаном на несколько дней, чтобы немного развлечься. Мы держались за руки и ходили обнявшись из одного парка в другой, мы прогуливались по вымощенным улочкам Монако, наслаждаясь летней средиземной погодой. Последние несколько дней в Европе мы провели в Северной Франции, где безоблачными вечерами из-за порывистых ветров нам приходилось носить легкие свитера.

— Итак, ты не думала о том, что будет завтра после возвращения домой? — спросил Райан в нашу последнюю ночь в Нормандии, незадолго до того, как солнце коснулось горизонта над проливом Ла-Манш.

Мне не хотелось, чтобы разговор принимал такой оборот. Я помолчала немного, затем наконец заговорила.

— Не уверена, упоминала ли раньше, но в конце августа я должна уехать с семьей в Чили, — медленно сказала я. — У нас нет планов вернуться. У меня не может быть сейчас серьезных отношений с кем либо, так как до отъезда остается лишь месяц.

— О, сказал Райан, вертя в руках старинную подвеску вокруг шеи. — Я не знал, что вы навсегда уезжаете. Я думал, что это всего лишь поездка или что-то в том роде.

— Я сожалею, мне следовало сказать это с самого начала, — сказала я. — Но я думала, мы просто дурачимся. Я не думала, что когда мы вернемся домой, у нас что-то будет. Мои родители не разрешают встречаться с мальчиками, потому что мне нет еще шестнадцати, поэтому в любом случае мы не смогли бы встречаться в Калифорнии. У нас не получится, Райан. Мне жаль.

Холодный ветерок растрепал мои длинные волосы, заполняя собой тишину, повисшую между нами. После долгого молчания, Райан отвел взгляд от подвески и стал смотреть на солнце, уходящее за горизонт.

— Думаю, это к лучшему, — не глядя на меня, произнес он. Мое сердце упало, я не собиралась причинить ему боль. На самом деле я никогда не предполагала, что он может рассчитывать на что-то большее, чем на короткий роман со мной на время поездки.

Он был хорошим парнем и не заслуживал чтобы ему разбивали сердце, только потому что мне захотелось испытать свои чувства. Он улыбнулся мне, но убрал руку и пожал плечами.

В отель мы шли, держась на расстоянии, как минимум, трех шагов друг от друга.

После этого Райан отгородился и отдалился, что вполне устраивало меня. Наше последнее утро во Франции я опять провела на солнечном берегу, но в этот раз с новой подругой, которую звали Хизер. Она была первокурсницей из высшей школы с волосами пепельного цвета, мы сдружились с ней во время поездки. Вики резвилась в воде с Уиллом, ее новым другом из Вашингтона.

— Почему Райан не захотел прийти на пляж? — спросила Хизер. — Это наш последний день здесь, неужели он не хочет сделать общие фото или еще что-нибудь.

Я знала, что Вики не слышит нас, и решила пооткровенничать.

— Это сложно объяснить. Я рассталась с ним прошлой ночью и он болезненно воспринял это.

— Хочешь сказать ты порвала с Райаном? — Хизер посмотрела на меня в изумлении. —

Но почему? Он такой хороший, и кажется, вы по-настоящему увлечены друг другом.

— Думаю, он надеялся, что мы будем продолжать встречаться дома. Но ничего не получится, вот он и не рад. — Я пожала плечами. — Дело в том, что у меня есть кое кто. Я не говорила об этом Райану, я просто сказала ему, что мы не можем встречаться из-за моих родителей.

Хизер выглядела сбитой с толку.

— Ты хочешь сказать, что ты обманывала своего парня?

— Не совсем так, — попыталась объяснить я ей, — На самом деле, он не совсем мой парень. Он старше меня и ...женат. У него даже есть дети. Все очень сложно.

Хизер была заинтригована.

— Кто этот парень, с которым ты встречаешься. Насколько он старше?

— Ему ближе к тридцати, — солгала я. — Я познакомилась с ним в ночном клубе. Как, я сказала, все запутано, но я люблю только его, и ничего не могу с этим поделать.

Я наклонилась, взяла камень и начертила на песке большое сердце. Рядом с сердцем я написала Изабель ♥ Том.

Хизер засмеялась и я посмотрела на нее. — Тебе лучше стереть это, пока Райан не увидел. — подразнила она.

— Как бы не стало хуже!

Я улыбнулась.

— Возможно, ты права. Прежде чем я сотру это, можешь меня сфотографировать? Хочу дать ему эту фотографию и доказать, что я думала о нем, даже находясь здесь. Мы никогда не расставались так надолго.

— Да, конечно. — Хизер взяла фотоаппарат и сделала пару снимков.

Я не была уверена, попадет ли фото в руки Тома после моей поездки в Европу, но знала, что слух о моем коротком романе с Райаном обязательно дойдет до его ушей.

Глава 9. Этому не наступит конец, пока все не закончится.

Поездка в Европу была раскрепощающим приключением. Я была предоставлена сама себе — еще с несколькими старшеклассниками — я могла видеть мир и сама принимать некоторые решения. Что еще более важно, я впервые немного поэкспериментировала с кем-то, с тех пор как мы с Томом начали видеться, и поняла, что мне это не понравилось.

Я всегда убеждала себя в том, что мои отношения с Томом были чем-то, что я могла прекратить тогда когда только захочу, и я проверила это убеждение с Райаном когда была в Европе.

Я была не права когда думала что смогу прекратить все это. Опыт с Райаном был как столкновение с кирпичной стеной. Единственное чему я научилась было то, что я не могла избавиться от своих чувств к Тому. Он был в моем сердце и в моей душе.

Первая вещь, которую я сделала, когда вернулась домой, прежде тем, как распаковать вещи или звонить друзьям, чтобы сказать им что я вернулась, это позвонила Тому. Моя мама забрала меня перед работой, так что я была дома одна. Было утро вторника, и я знала, что у Тома сегодня не было занятий, так что он должен быть дома. Я молилась, чтобы его жены там не было, но я не могла быть в этом уверена.

Я набрала номер, по позвоночнику пробежали мурашки, я ждала затаив дыхание. Том поднял трубку после второго гудка.

— Алло, — раздался голос Тома. Мое сердце подпрыгнуло.

— Привет, незнакомец, — сказала я, с трудом сдерживая свое волнение. — Ты скучал

по мне?

Он усмехнулся.

— Так значит, ты вернулась, не так ли? Я думал, ты никогда не вернешься. Как ты?

— Я в порядке. Вернулась домой сегодня утром. Я хотела позвонить тебе, чтобы сказать привет... я не могла ждать.

Последовала пауза.

— И это все? — спросил Том. — Ты просто хотела сказать привет? Разве ты не хочешь со мной увидеться? Или ты уже совсем про меня забыла?

Я могла ощущать ревность в его голосе, и задумалась, не выдала ли я себя каким-то образом. Знал ли он, что я гуляла с кем-то другим, пока была в Европе?

— Как я могла забыть о тебе? — нерешительно спросила я. — Разве я не звонила тебе из Швейцарии? Я скучала по тебе как сумасшедшая. Я не переставала о тебе думать, ты знаешь об этом.

Последовало молчание. Я задержала дыхание. Я знала, что он никак не мог узнать о том, что произошло между мной и Райаном, по крайней мере, пока что. Мы только вернулись этим утром.

Однако мне пришло в голову то, что он был просто обязан когда-то слышать о Райане.

Все нас видели. Кто-нибудь обязательно об этом заговорит. Я поняла, что совершила большую ошибку и не продумала все до конца.

— Что ты делаешь через час? — наконец заговорил Том.

— Встречаюсь с тобой, — ответила я улыбаясь. Возбуждение от мысли о том, чтобы увидеть его спустя две недели разлуки заставило мое сердце забиться чаще. Мое сердце было обременено чувствами любви и ревности, мое тело изнывало от желания быть с ним рядом физически настолько, насколько это было возможно между двумя людьми.

Наше воссоединение было невероятно страстным. Было трудно выдерживать жар южно-калифорнийского лета в нашем горном убежище, но все о чем я могла думать это, то, как сильно я хотела почувствовать его внутри себя. Никогда прежде я не желала ничего так сильно, но все еще чувствовала, что не была к этому готова. Мы и раньше были близки к тому, чтобы заняться любовью, но мы сдерживались.

Теперь я знала, что время пришло. Тело Тома искусно ласкало мое и, несмотря на то, что я могла чувствовать, как кое-что пульсирует, я доверяла ему достаточно хорошо, чтобы знать, что мне не нужно бояться проникновения. Том был доволен поцелуями и тем, что он был рядом со мной.

Он был не таким как другие парни, которые были просто заинтересованы в том чтобы “пойти до конца”. Он никогда не требовал от меня физических контактов и я никогда не чувствовала давления с его стороны. Я все еще не была готова отдать себя полностью, но мы могли лежать вместе совершенно голые, и мне не нужно было беспокоиться о том, что он мог сделать.

— Изабель, я так скучал по тебе, — сказал Том; он спокойно лежал на мне, держась на весу и слегка приподнимаясь на локтях. — Я так сильно забочусь о тебе, ты изменила мою жизнь. Не знаю, что я буду делать, когда ты уедешь. У нас есть около месяца и потом все. Ты собираешься вернуться в Чили, пойти в новую школу, завести новых друзей и снова влюбиться.

Он смотрел мне в глаза.

— Но я остаюсь без тебя. Я здесь совсем один.

Я не хотела, чтобы все привело к этому. Я зашла слишком далеко и теперь чувства Тома и мои собственные были поставлены на карту.

— Не думай об этом, — сказала я ему, нежно водя ногтями по его спине вверх и вниз, лаская его кожу. — Не сейчас. Ты не знаешь, что произойдет. Может быть, ты встретишь кого-нибудь другого или снова влюбишься в свою жену. Может быть, ты забудешь обо мне быстрее, чем ты думаешь. Как знать.

Я осознала, что это было ложью, и просто облегчила ситуацию, которая многое значила для нас обоих. Хотя я надеялась, что мои обыденные комментарии облегчат его сердце и заставят его почувствовать себя лучше. Вместо этого он принял это близко к сердцу. Он сел и потянулся за своей одеждой, которая была разбросана на полу грузовика.

Он оделся, не глядя на меня и не разговаривая, и я поняла, что обидела его. Я также начала одеваться и когда он потянулся, чтобы повернуть ключ в замке зажигания, я протянула свою руку и коснулась его.

— Я не хотела тебя расстраивать, Том, — сказала я, глядя на него. — Я просто пыталась заставить тебя почувствовать себя лучше. Мне не нравится видеть тебя таким, но когда я вижу, я чувствую что это все моя вина, потому что я втянула нас во все это. — Выражение лица Тома смягчилось; он протянул ко мне свободную руку, чтобы погладить мою щеку.

— Изабель, во всем этом нет твоей вины, — сказал он мне. — Ты не ввязывала нас во все это в одиночку. Для танго нужны двое, и я не хочу, чтобы ты когда-либо чувствовала себя виноватой из-за всего этого. Я сентиментальный парень, я просто такой, какой я есть. Даже если, в конце концов, ты разобьешь мне сердце, я не буду жалеть ни об одном мгновении, проведенном с тобой.

Он сделал паузу и затем продолжил.

— Меня беспокоит то, что ты думаешь, что я вот так вот просто пойду и найду себе кого-нибудь другого, чтобы заменить тебя. Я не думаю, что ты понимаешь, что ты для меня больше чем просто интрижка. Не было никого до тебя и не будет никого после тебя. Так что когда я грущу из-за того что ты уезжаешь в Чили, это потому что я теряю любовь всей моей жизни.

— Я обвила Тома руками и обняла его, пряча лицо на его груди и глубоко вдыхая, чтобы почувствовать его запах.

— Прости меня, — тихо прошептала я, — я знаю, что ты любишь меня. Факт того что ты женат заставляет меня чувствовать себя небезопасно, и я не привыкла к таким ощущениям. Но я люблю тебя. Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Я сделала паузу и глубоко вдохнула.

— Может быть, нам стоит посмотреть на наши отношения как на приключение. Это может прерваться здесь и там, но я надеюсь, что мы продолжим идти. Даже после того как я вернусь в Чили, ты все равно останешься в моем сердце, Том. И возможно будущее хранит для нас что-то большее. Как знать.

Большую часть наших вещей уже отправили в Сантьяго по морю, и на самом деле прошли недели, прежде чем мы уехали из Калифорнии. Мы брали только самое необходимое, и убеждались в том, чтобы все влезло в наши чемоданы.

— Да, да, да, — пробормотала я в трубку. Лиз взяла с меня обещание — снова — писать ей хотя бы одно письмо в неделю.

— Конечно, я буду писать тебе, Лиз. Что я бы без тебя делала? Я буду рассчитывать на твой совет обовсех моих новых друзьях. — Я услышала ее смех на другом конце линии и

улыбнулась. — Слушай, Лиз, мне пора идти, — наконец сказала я ей. — Я позвоню тебе сегодня вечером, хорошо?

Я буду ужасно скучать по Лиз, но сейчас я думала о других вещах. Том хотел увидаться со мной сегодня, и мне нужно было выбраться из дома. Это была важная встреча. Том планировал отправиться в двухнедельный поход со своей женой и двумя маленькими дочерьми. Когда Том впервые упомянул о походе, на меня как будто тонна кирпичей свалилась.

Одно дело знать, что он женат и у него есть дети, но совершенно другое слышать о том как он планирует семейный отпуск. Я хотела бы быть той, с кем Том бы отправился в поход, и я не хотела думать о том, как он наслаждается своим временем с женой и детьми.

Я зашла в его пустой класс. Обычно он всегда ждал меня, но не сейчас и я задумалась, почему сегодня все по-другому. Я также задумалась над тем, собирается ли он вообще показаться. Тем не менее, после нескольких минут ожидания он вышел из фотолаборатории. Он был одет небрежно, на нем были шорты цвета хаки и светло-голубая футболка Квиксильвер. Он казался безразличным, когда увидел меня там.

— Давно ты здесь? — небрежно спросил он.

Я нахмурилась, недоумевая о том, что он делает.

— Я пришла несколько минут назад. Кажется, ты очень занят. Ты хочешь, чтобы я позволила тебе вернуться к работе? Я уверена, тебе нужно сделать много всего, прежде чем ты отправишься в поход, ведь так?

Тонкие линии вокруг его глаз стали более заметными, и он рявкнул с фальшивым смешком в голосе.

— Да, Изабель, я был занят в последнее время, но не работой или мыслями о моем отпуске. Я был занят убеждением одной из моих учениц летней школы, что я не тот парень, с которым у тебя роман. Что конкретно ты сказала Хизер? Вчера она пришла ко мне после занятий и спросила о том, не вместе ли мы с тобой?

— Что? — мое сердце ёкнуло. — Почему она это сказала?

— Она сказала, что пока вы двое были в Европе, ты сказала ей, что встречаешься с женатым парнем по имени Том и что у него двое детей. Я просто уверен, что для нее не составило труда сложить два и два.

Мое сердце рухнуло, когда я вспомнила разговор. В то время я была в восторге, потому что вскоре мне предстояло снова увидаться с Томом, и я была слишком смелой. Я совершила огромную ошибку. Я была слишком неосторожна со словами в разговоре с Хизер и никогда не должна была раскрывать имя Тома. Мои мысли вернулись обратно к той поездке, и я нервничала на счет того, что еще Хизер могла сказать Тому.

— Я сказала, что я встречаюсь с женатым парнем, — говорила я ему, даже стараясь сдерживать свой голос, хотя в нем уже звучали истеричные нотки. — Но я никогда не говорила что он учитель. Я сказала, что это был один парень, которого я встретила в ночном клубе. Что ты ей сказал?

Том сел на стул напротив меня и посмотрел мне прямо в глаза.

— Я не особо беспокоюсь о Хизер потому что она всего лишь пытается играть в игры, — сказал он. Потом его голос ожесточился. — Но скажи мне вот что, Изабель. Понравился ли тебе обмен слюной с Райаном?

Я уставилась на него, ошеломленная, а потом отвернулась, фиксируя взгляд на темном пятне, на сером ковре, лежащем на полу. Мои щеки горели от стыда.

— Знаешь что? Это даже не мое дело. — Том встал на ноги. — Ты вольна делать все что угодно и с кем угодно. Однако я должен сказать, что когда Хизер рассказала мне о вас с Райаном, я был ошеломлен. Я уверен что она сложила два и два, не из-за того что ты ей сказала, а когда она увидела выражение моего лица. Мысль о том, как ты целовалась с ним и одному Богу известно, что еще делала... — Том замолчал и покачал головой, когда он посмотрел на меня, на его лице я увидела смесь гнева и разочарования.

Из неоткуда на меня нахлынула волна уверенности. Если это конец, подумала я, пусть будет так. Он узнает, что именно произошло и почему. Я не собиралась сдаваться без боя. Я посмотрела на Тома, прямо встречаясь с его обиженными карими глазами.

— Что ж теперь ты испытываешь одну десятую ревности, которую испытываю я, — бросила я. — И ты расстроен и тебе это не нравится? Что ж добро пожаловать в мой мир! Ты думаешь, мне нравятся мысли о том, как вы с женой отправляетесь в поход? Или идете в кино вместе? Или лежите вместе в постели? Мне не нравится ничто из перечисленного, но я справляюсь с этим даже не пытаюсь заставить тебя почувствовать себя виноватым!

Я была удивлена уверенности в своем голосе, когда я подскочила.

— Дело в том, что я должна дать себе возможность иметь нормальные отношения с парнями моего возраста. В любом случае ты забыл, что из нас двоих женат только ты один! Я та кто вынуждена жить дальше одна!

Последовала недолгая пауза.

— Изабель, я всегда был очень честен с тобой, и я ничего от тебя не скрываю, — наконец сказал Том, более сдержанным тоном. — Но ты не делаешь того же. Ты очень сдержана в своих мыслях и чувствах и большую часть времени ты делаешь все для моего же блага. Я ценю это. Но хотел бы я, чтобы ты была достаточно честна, чтобы сказать мне, что встречалась с Райаном потому что ты чувствовала что должна была... чтобы увидеть на что похожи нормальные подростковые отношения. Жаль, что я услышал обо всем этом от Хизер. Ты представить себе не можешь, какая это была сложная для меня ситуация.

— Послушай, это не то, что я хотела сделать, — утверждала я. — Это что-то что просто произошло. А, правда в том, что поцелуи с Райаном только напомнили мне о том, как я скучаю по тебе и как люблю тебя.

Том подошел туда, где стояла я. Он осторожно потянулся к моей руке и потом без каких-либо чувств кроме нежности обнял меня. Он взял мое лицо в свои руки, его глаза смотрели в мои.

— Ты знаешь, как я люблю тебя, и меня ранят такие откровения... ты моя возлюбленная, Изабель, сказал он мне. — Я не хочу причинять тебе боль, никогда. Просто давай научимся, с этого момента, быть честными друг с другом, будь то что-то хорошее или плохое. Хорошо? — Я кивнула в знак согласия, когда губы Тома встретились с моими, и мы помирились долгим и нежным поцелуем.

Поход Тома, кажется, повлиял на меня больше чем те две недели, что я провела в Европе, так как это заняло время, которое мы могли проводить вместе. На этот раз он был в отъезде, а я осталась позади. Что было еще хуже так это то, что у меня не было возможности с ним связаться. Очевидно, у него не было возможности вырваться на несколько минут и сделать телефонный звонок. Он был на семейном отдыхе, и я не была частью его семьи.

Я истязала себя мыслями о том, как Том играет со своими маленькими дочерьми в лагере полном листьев, а его жена готовит завтрак на костре. В течение дня они купаются в озерах и речках и путешествуют по лесу вместе; а ночью Том и его жена укладывают детей в

постель и лежат вместе под звездным небом. Том будет заниматься любовью со своей женой и когда они закончат она поудобнее устроится у него на груди.

Будет ли он думать обо мне? Вспомнит ли меня, когда будет заниматься любовью со своей женой? Пожелает ли чтобы на ее месте была я? Если бы он думал обо мне, конечно же, он бы нашел способ позвонить. Тем не менее, после недели ожидания и надежды на телефонный звонок от Тома, мучительный ответ был совершенно ясен: нет никакого шанса. Он забыл обо мне, и проводил время со своей семьей, а не со мной.

— Я просто не могу в это поверить, — свирепствовала я, когда мы с Лиз сели у нее на заднем дворе в тени большого дуба. — Я имею ввиду, все о чем он когда-либо говорил это то, как сильно он меня любит, сколько думает обо мне и как сильно я ему нужна. Ой, да ладно! По крайней мере, теперь я знаю какие у нас мотивы. Если быть точной, я знаю его мотивы. Он просто хочет со мной поразвлечься, вот и все.

Если бы он действительно любил меня и скучал по мне, он бы нашел способ позвонить, не так ли? Я звонила ему с другой части планеты из Европы просто, чтобы сказать привет и что я по нему соскучилась. Моя мама чуть не убила меня, когда получила счет за телефон! Она потребовала, чтобы я сказала, кому я звонила.

Я думала, что попалась, потому что она даже хотела позвонить в телефонную компанию и узнать, кому принадлежит этот номер. Я была вынуждена соврать и сказать, что я звонила тебе, чтобы сказать как проходит поездка. Я рисковала ради него, понимаешь? Я звонила, потому что действительно по нему скучала. Почему ты улыбаешься, Лиз? Ты считаешь, что это смешно?

Лиз выдохнула так, как будто это был единственный способ избавиться от улыбки на ее лице.

— О, Иззи, почему бы тебе тогда просто не забыть о нем? — спросила она так, будто это была самая простая вещь в мире, которую я могла сделать. — Слишком много драмы. Ты хорошенькая штучка, а он женатый мужчина.

Честно говоря, я беспокоилась о том что, в конце концов, он причинит тебе боль, но я даже представить себе не могла, что ты так сильно в него влюбишься. Почему бы тебе просто не найти кого-нибудь другого? Я знаю, ты думаешь, что влюблена в него, но вероятно это только потому, что он первый с кем ты зашла так далеко.

Я крутила свои белые резиновые шлепанцы на кончиках пальцев, пока размышляла над ее словами.

— По крайней мере, ты не занималась с ним сексом, иначе сейчас ты бы чувствовала себя довольно паршиво, — продолжила Лиз. — Трудно сказать какое ему с этого дело, но его оправдывает, то, что он хотя бы не использовал тебя для секса. И ты уезжаешь через три недели, так что вероятно он просто держится от тебя подальше, чтобы сделать проще, понимаешь?

Послушай, тебе нужно делать то, что будет лучше для тебя. И это не должно включать в себя сидение здесь и чувствовать себя такой несчастной это твои последние несколько недель в стране. Перестань о нем думать. Он сделал свой выбор, и выбрал он не тебя.

— Я знаю. Не думаю, что смогу справиться с этим еще дольше, — призналась я. — Я думала, что люблю его, но нужно быть честной. Я не должна сидеть здесь и думать о том, чем взрослый мужчина занимается со своей женой и как это влияет на меня. Кажется, он не заботится обо мне и его не волнует, что я уезжаю через несколько недель.

— Если бы я была тобой, Изабель, я бы просто наслаждалась собой и проводила время с

друзьями прежде чем уехать навсегда. Он просто собирается разрушить твои последние несколько недель здесь. Ты хочешь грустить, когда уедешь? Ты хочешь, превратить это в трагедию? Ты не можешь сохранять отношения, находясь в Чили. Он женат и больше чем вдвое старше тебя. Просто отпусти его.

Лиз была права; Я думала о том же самом, а она просто подтвердила это; настало время забыть обо всем, что связано с Томом и сосредоточиться на отъезде из Соединенных Штатов и на том, чтобы начать новую жизнь в Чили.

Он обидел меня своей нотацией обо мне и Райане, когда я вернулась домой из Европы он пытался заставить меня почувствовать себя виноватой из-за того что я связалась с Райаном, и сейчас его молчание прояснилось — он решил думать о своей семье и о себе, а не обо мне. Настало время и мне сделать то же самое.

Спустя несколько дней после моего прозрения, Том вернулся домой и попытался со мной связаться, это была первая попытка из многих. Его усилия были тщетны; я приняла решение пока его не было, и сейчас я не собиралась его менять. Я перестала отвечать на его звонки и позволила автоответчику поработать, точно зная, что он никогда не оставит сообщение.

Я сказала своей семье, что если будет звонить “Джон”, я занята или меня нет дома. Мой отец естественно приветствовал это, хотя он понятия не имел кто такой Джон. С другой стороны, моя мама стала меня расспрашивать.

— Почему ты не берешь трубку, когда тебе звонит этот мальчик, Изабель?

— Мам, не беспокойся об этом, — сказала я, прислонившись к кухонному столу, наблюдая за тем, как она готовит свои знаменитые блинчики с мясом. — Я просто не хочу с ним разговаривать, вот и все. Я говорила ему, но он явно одержим.

— Моя мама посмотрела на меня сквозь свои очки без оправы. Она пожала плечами и продолжила набивать круглые кусочки теста начинкой из говяжьего мяса, но она со мной не закончила.

— Изабель, ты не должна относиться к людям таким образом. Это некрасиво. На самом деле, это очень грубо. Если ты не хочешь с ним разговаривать, и хочешь чтобы он перестал звонить ты просто должна быть честна с ним и сказать ему об этом. Не хорошо вводить мальчиков в заблуждение. Тебе бы не понравилось, если бы кто-то не принимал твои звонки, не так ли? Ты не обязана отвечать на этот вопрос.

Если бы только моя милая, добрая мать знала, что она защищала мужчину, который изменял своей жене и был больше чем в два раза старше меня. Она бы скорее убила его, чем стала его защищать. А потом, конечно же, она бы убила меня.

— Хорошо. После того как мы уедем я не буду просить тебя чтобы ты врала кому-либо кто звонит мне, — пообещала я.

Блинчики с мясом скоро будут готовы отправиться в печь, так что я взяла четыре тарелки отделанные узором из плюща и поставила их на кухонный стол и положила салфетку рядом с каждой тарелкой.

— Но пока что просто говори ему, что меня нет дома. Он надоедает мне, и я действительно не хочу с ним разговаривать. Хорошо?

Том звонил мне домой каждый день на протяжении последних трех недель, когда я была в стране. Я чувствовала себя виноватой из-за того что так резко прервала наши отношения, и я задавалась вопросом может мне стоило по крайней мере сказать ему что случилось. Но мое чувство вины быстро превратилось в гнев и обиду.

Вероятно, Том звонил просто потому, что хотел отправиться в последнее “путешествие” со мной. Он знал, что я уезжаю, так что может быть он хотел получить последний поцелуй или пошалить, убеждала я себя. Его поход и невозможность связаться со мной на протяжении тех двух недель сильно меня ранили, так что я решила, что больше не хочу его видеть никогда.

Прощаться с друзьями было тяжело; и все же они больше желали мне счастливого пути, чем прощались со мной. Родители пообещали Тони и мне что мы сможем приезжать в Соединенные Штаты один раз в год на каникулы, так что я знала, что смогу снова увидеться с друзьями в недалеком будущем.

Тем не менее, Тони чувствовал себя опустошенно, потому что он был вынужден покинуть свою девушку Эми и, хотя я и пыталась воспринимать переезд как положительное явление, я скрывала свои истинные чувства ради своих родителей.

Я оглянулась еще раз, когда мы отъезжали от нашего дома. Это был дом, в который я приехала, дом который я знала и любила на протяжении многих лет — любила один единственный этаж, эту ярко-желтую краску, даже массивный клен на заднем дворе. Я буду скучать по всему этому и по моей жизни здесь.

Мои мысли переключились на Тома, в последний раз, и на глаза навернулись слезы которые, казалось, исходили из самой глубины моего сердца. Поступила ли я правильно? Будет ли он скучать по мне? Я подумала, что может быть спустя какое-то время пребывания в Чили, я напишу ему и извинюсь за внезапное окончание отношений, которые я так хранила.

Глава 10. Больше никаких "Я люблю тебя".

Когда мы приехали в Сантьяго, в южном полушарии в самом разгаре была весна, когда всюду цвели сентябрьские дикорастущие цветы и зеленела густая листва, ведь времена года здесь отличались от времен года северного полушария.

Мой отец, который вернулся в Чили раньше нас на месяц, чтобы заранее все обустроить, ожидал нас в аэропорту с нашими, как выяснилось, многочисленными родственниками. Весь день передо мной мелькали едва знакомые лица из детства: тети, дяди, двоюродные братья и сестры, друзья семьи, соседи, дедушки и бабушки и даже бывшая няня.

Наш дом располагался в небольшом живописном пригороде Сантьяго. В отличие от Соединенных Штатов, в Чили не было такого вида кредитования, как ипотека. Людям приходилось копить деньги годами, может быть даже всю жизнь, чтобы купить дом, оплатив всю сумму наличными сразу. В основном, именно по этой причине мои родители иммигрировали в Соединенные Штаты.

Они хотели иметь свой собственный дом в Сантьяго, дом, который они могли оставить своим детям, как это принято в Чили. Им пришлось стараться изо всех сил и приносить себя в жертву в США, чтобы скопить денег на дом. Теперь, когда они осуществили свои мечты, мы вернулись.

В первый же день я влюбилась в дом. Хотя наш дом в Калифорнии был большим и комфортабельным, он был одноэтажным домом для семьи со спальнями вдоль длинного, прямого коридора. У этого же дома было два этажа и преимущество двухуровневого дома.

— Наш первый двухэтажный дом, — вздохнула я, стоя рядом с Тони и в восхищении оглядываясь вокруг. Я повернулась к лестнице и начала подниматься по ней. — Представляешь, как было бы здорово, если бы у нас в детстве была лестница.

Тони засмеялся, идя за мной.

— Мы бы спихивали друг друга с лестницы, пока не убили. Я просто рад, что у нас теперь комнаты побольше.

— И больше личного пространства, — согласилась я. Мы прошли к концу зала, где рядом друг с другом находились наши комнаты. — Ах, какой вид! — воскликнула я, подбегая к окну своей комнаты. Передо мной расстилалась долина с беспорядочно разбросанными домиками по ней и наверху в горах.

Дома незначительно отличались друг от друга, имели одинаковые крыши и были окружены деревьями. Это было потрясающее буйство красок и природы, во мне проснулась надежда, на то, что мы не зря вернулись на родину.

— Насколько я тебя знаю, ты больше времени будешь сидеть за книгами, чем смотреть в это окно, — подразнил Том. Он оказался ближе, чем я ожидала и я подпрыгнула, увидев его в дверном проеме моей новой комнаты. Мне придется быть внимательной, подумала я — я не привыкла, что наши комнаты находились так близко друг от друга и мне нужно быть готовой к тому, что он будет околачиваться поблизости.

Хотя, сейчас мы дружили. Мы оба были взволнованы тем, что приехали назад в Чили и снова встретились с нашими родственниками.

Но эйфория длилась недолго. Через несколько дней после приезда, мой отец собрал нас поговорить о школе. Мы сели за кухонный стол и он пододвинул ко мне стопку бумаг. — Школьный год здесь закончился, — сказал он нам на испанском. И у большинства детей ближайшие несколько месяцев будут летние каникулы.

Но это не значит, что вы будете отдыхать шесть месяцев. Школьная система в Чили более жесткая, чем в Соединенных Штатах. Исходя из ваших документов об образовании, вам придется учиться в государственной школе на два класса младше. Тони, может быть даже на три, потому что школьная система в Чили не признает дипломы об окончании школы Соединенных Штатов.

Таким образом, у вас есть два варианта. Вы можете заниматься с репетиторами несколько месяцев, чтобы сдать экзамены к новому учебному году или мы можем найти платную британскую или американскую международную школу, которая примет вас в соответствующие классы.

Мое сердце упало, Тони около меня простонал. Какой удар. Я буду самой жалкой ученицей в школе, потому что всю свою жизнь я обучалась в государственных школах США! Другой проблемой был наш уровень знания Испанского языка.

У Тони было несомненное преимущество передо мной, потому что он ходил в школу в Чили до третьего класса, и он обучался чтению и письму на испанском. Мне же было всего пять лет, когда мы покинули Чили. Мое знание испанского я использовала только на уроках начальной школы и дома, для общения с родителями.

— Я не хочу здесь получать еще один диплом об окончании школы. — Решительно заявил Тони.

— Я закончил школу в Соединенных Штатах. У меня уже есть диплом, и если здесь его не признают, это не моя проблема.

Я не собираюсь надрываться в школе и стремиться к тому, что я уже получил в другой стране.

— У тебя нет выбора, Тони, — сухо ответил отец. — Если ты не подтвердишь свой диплом, ты не поступишь в Чилийский университет и у тебя не будет будущего.

Тони закатил глаза и пожал плечами.

— Тогда я не пойду в здешний университет, — продолжил он. — Я уеду обратно в Калифорнию, где мой диплом об окончании школы действителен, найду работу и заработаю себе на жизнь и образование. Мне восемнадцать и по закону я имею право делать то, что хочу.

Мой отец так и взвился от бешенства.

— Ты думаешь так только потому, что у тебя осталась там девчонка. Ты можешь делать, все что захочешь? — Он закричал на Тони, напугав меня и брата. Я отступила назад, нахмурившись. Мой отец был отстраненным и угрюмым человеком, и редко кричал. — Хотелось бы посмотреть как ты вернешься в эту страну и будешь пахать так, как пахали там я и твоя мать!

Духу не хватит, ты еще мальчишка! Езжай, если хочешь что-то доказать себе. Езжай, выпендрись перед своей подружкой! Твоя мать и я работали как проклятые, чтобы привезти вас обратно домой и дать вам хорошее образование. Если ты уедешь сейчас, не думай, что потом тебя будут рады видеть здесь.

Прошли недели, на смену весне пришла яркая и солнечная летняя погода. Большую часть дня Тони и я оставались дома, единственные кого мы видели были наши кузены и их друзья, и то мы их знали не очень хорошо. Было тяжело сдружиться с кем-то вне школы, поэтому мы проводили время друг с другом, жалуясь на нашу судьбу.

— Итак, решено, — однажды сказал Тони. — Мы не будем делать то, что хочет отец. Мы не будем готовиться к сдаче этих экзаменов.

Я кивнула, с хмурым видом уставившись в ноутбук.

Я писала письмо Лиз, что было не так-то легко, так как за время моего пребывания в Чили, здесь не произошло ничего такого, о чем стоило бы писать.

— Согласна, — тихо отозвалась я.

— Какой смысл? Мы не догоним своих сверстников, и даже если сдадим экзамены и начнем учиться, выяснится, что мы не справляемся с учебой. — Я замолчала. Мы продумывали план действий снова и снова и еще никак не могли прийти к какому-то решению. — Меня бесит, что мы так много занимались в школе в США, и все зря.

— Меня бесит, что отец ждет, когда мы уступим, только потому что он и мама хотят жить здесь, а не в США, — пробормотал Тони. Атмосфера в доме стала тяжелой, из-за того, что он больше не разговаривал с отцом.

Я все еще разговаривала с отцом, но поскольку было ясно, что я поддерживаю Тони, мой отец часто игнорировал меня, когда я приветствовала его в течение дня.

Как он и обещал, Тони каждый день писал своей подружке. Она училась в последнем классе школы в «Королевских Дубах». Они разговаривали каждую неделю и я знала, что Тони обещал вернуться в США и жениться на ней. У них был своего рода план, но он не рассказывал мне о нем, считая, что я могу проболтаться родителям.

С другой стороны, я проводила много времени за просмотром CNN на большом экране телевизора, сидя в зале на первом этаже. Канал CNN был моей единственной связью с Соединенными Штатами, и я на полную катушку использовала преимущество 24 часового вещания.

Однажды, Тони повесил трубку и спустился вниз, чтобы составить мне компанию в зале. Он бы не пришел, будь отец здесь, но в середине дня я была одна.

— Снова CNN, а? — заметил он. — Подумываешь стать политическим консультантом или что-то в этом роде? Может быть военным корреспондентом? Или специализироваться в

международных отношениях?

Я пожалала плечами, будучи не в настроении шутить.

— Это напоминает мне о США. В США я больше чувствую себя дома, чем здесь. Чем больше я смотрю, тем больше я вспоминаю, и тем больше я скучаю.

— Тебе не нравится здесь, — тихо сказал он. Он произнес это без вопросительной интонации, и я знала что он не спрашивает. Мы обсуждали это несколько раз и он уже знал ответ.

— Я думала, что мне понравится здесь, — призналась я уже в десятый раз. — Я думала мы приедем сюда и все станет на свои места. У меня нет здесь друзей, и я скучаю по своим друзьям дома. Мне нравится наш дом, но отец не разговаривает с тобой и почти не разговаривает со мной. Мама мечется между нами и отцом. Никто не знает, когда мы пойдем и пойдем ли вообще в школу в следующем учебном году. — Я замолчала и на мгновение задумалась о положении дел, но все еще не видела выхода.

— Нет, мне не нравится здесь, — просто закончила я. — Но что я могу сделать? Я не могу просто взять и уехать.

Тони кивнул, но ничего не сказал, я знала что у него есть план по возвращению домой, хотя я не знала о его масштабах. Но, если бы он поехал...

— Тони, сказала я, решившись воспользоваться шансом. — Когда ты уедешь, надеюсь ты возьмешь меня с собой.

Он смотрел на меня мгновение, но не ответил. Его рот скривился в ухмылке, и я знала, что если он сможет, то он возьмет меня.

Дождливым днем в октябре, после месяцев безделья и хандры, и попыток чем-то занять свой ум, я в конце концов сдалась. Я взяла свой блокнот, спустилась на первый этаж и с ручкой в руке уселась на диван.

Я так много написала писем Тому в прошлом, но уже прошло четыре месяца, с тех пор как я в последний раз выражала свои мысли и чувства на бумаге. Я не чувствовала себя свободно и уютно, как когда-то и я даже не знала о чем писать.

Но я скрывала все свои эмоции с момента приезда в Сантьяго, и я знала, что это неправильно. Настало время дать волю своим эмоциям и либо проститься с ним, либо попросить прощение за то, что вычеркнула его из своей жизни.

18 Октября, 1993

«Дорогой Том,

Может быть ты никогда не прочитаешь это письмо, но если прочтешь, знай, что я о многом хочу сказать тебе. Я вела себя как трусиха. Я сознаю это. Ты всегда обращался со мной с уважением, а я не смогла ответить тем же. Я позволила своей ревности взять над собой вверх. Когда ты уехал, я убедила себя в том, что ты для меня больше враг, чем любимый человек.

Я так резко вычеркнула тебя из жизни потому, что во время своего похода ты ни разу не позвонил мне. Мое воображение разыгралось и я решила, что ты не любишь меня по настоящему. Я убедила себя в том, что наши отношения были для тебя игрой и что ты вновь полюбил свою жену.

У меня было четыре месяца подумать над этим и сейчас я понимаю, что ты на самом деле скучал по мне. Пожалуй, мне не стоило ждать твоего звонка, когда рядом с тобой были жена и дети. Я понимаю это. Думаю, я не отвечала на твои звонки, из-за того, что боялась попрощаться с тобой.

Для меня, в то время, это был единственный способ отпустить тебя. Если бы я злилась, то я не скучала бы по тебе. В последние несколько недель в Калифорнии я потеряла голову и срывала всю злость на тебя.

Моя жизнь в Чили оказалась намного труднее, чем я представляла. Кажется, что моя семья распадается. Мой брат не разговаривает с отцом. Мой отец держит дистанцию со мной и моя мама мечется между нами.

Этот переезд дался нам тяжело, но я не унываю, или по крайней мере стараюсь не унывать. Я слишком много сплю и ем. Все очень сложно и я не хочу говорить об этом сейчас. Я скучаю по тем отношениям, когда я могла поделиться с тобой любой проблемой и по чувству защищенности, которое я испытывала рядом с тобой.

Хотя нас и разделяют тысячи миль, не было и дня, чтоб я не думала о тебе. Ты не представляешь как сильно мне хочется прямо сейчас оказаться в твоих объятиях. Я так скучаю по твоей нежности и ласке. Ты снишься мне почти каждую ночь. Я знаю, что причинила тебе много боли, и надеюсь, что ты простишь меня.

Не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь снова, но если нет, знай, что ты всегда будешь занимать особое место в моем сердце. Я люблю тебя.

Целую,
Изабель»

Глава 11. Я поддержу тебя.

В четырех кварталах от нашего дома в маленьком кирпичном здании находилась местная почта, куда я часто ходила отправлять письма друзьям в Калифорнию. Каждую неделю я отправляла Лиз по одному письму и столько же получала в ответ вместе с фотографиями, открытками и даже подарками от друзей из «Королевских Дубов».

Я любила бывать на почте и всегда с удовольствием ходила туда, ведь она приносила мне частичку дома. Но у меня так и не хватило смелости отправить письмо, которое я написала Тому. Я знала, что письмо нельзя отсылать на его домашний адрес, так как оно могло попасть в руки жены.

Это было слишком рискованно. Когда я была в Европе, я отправляла открытки в школу, адресовав их мистеру Стивенсу, и он получал их без проблем. Я могла бы попытаться счастья и отправить письмо в «Королевские Дубы» и сейчас.

Но что-то останавливало меня, и мое письмо, запечатанное, подписанное и с марками на конверте, так и осталось лежать в ящике стола. Готовое к отправке.

Я писала другим своим друзьям и с нетерпением ждала их ответы. Они были единственной отрадой в моей чилийской жизни. Мысленно я следила за учебным процессом в США — в конце ноября начнутся экзамены, поэтому сейчас все занимаются и готовятся. После экзаменов мы бы наслаждались спокойными деньками и готовились к Дню благодарения, а потом начались бы Рождественские каникулы.

Я с ужасом осознала, что уже пропустила первый семестр третьего курса старшей школы. Хуже всего было то, что я не понимала, что ждет меня впереди. Насколько я знаю, отец не собирался отправлять нас в частную школу и настаивал на обучении в государственной школе.

Закончится все тем, что я потеряю целый год. Переезд в Чили лишил меня самого дорогого в жизни: школы, друзей и конечно, Тома.

В один унылый ноябрьский день, мой послеобеденный сон прервал настойчивый телефонный звонок. Это не могла быть Эми, поскольку она знала, что мой брат проводит

выходные дни в теннисном лагере.

Звонок становился все громче и я, наконец, нашла в себе силы встать и пойти к телефону в спальню родителей. Кровать в спальне была застелена и комната, как обычно, была в идеальном порядке. Я уселась на жесткий матрас и подняла тяжелую трубку старинного телефона. — Ола? — сказала я на испанском с американским акцентом.

— Здравствуйте, а Изабель дома? Это Лиз. — Я слышала, что она говорит, но не понимала ее. Лиз? С момента приезда в Чили, ко мне еще ни разу не звонил кто-то из друзей. Это было слишком дорого. Мы договорились, что будем звонить друг другу только в случае крайней необходимости или чтобы поделиться чем-то действительно важным. Я закрыла рот и тяжело сглотнула.

— Лиз, это я.

— Иззи! Я не узнала тебя. У вас одинаковые с мамой голоса.

— Да, многие так говорят, поэтому я перестала брать трубку, когда ее нет дома. Все же, что происходит? Что-то случилось? У вас с Брэдом наконец...ну, ты понимаешь?

Я почувствовала некоторое замешательство в голосе Лиз. Повисла неловкая тишина, прежде чем она продолжила.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, Изабель, — серьезным тоном произнесла она. — Я не хотела делать этого, но думаю тебе лучше знать о том, что происходит у нас.

Боже мой, Лиз собирается сказать что-то ужасное, и я не уверена, что в своем нынешнем подавленном состоянии справлюсь с этим.

— Что такое, Лиз? — встревожилась я. — Что происходит?

— Слушай, я просто скажу, хорошо? — Лиз прочистила горло. — Твой секрет раскрыт. Все знают о тебе и мистере Стивенсе. Его вызвали в полицию и допрашивали там. Полиция здесь в школе — в пятницу они вызвали меня с уроков и долго расспрашивали про тебя и мистера Стивенса.

— Лиз, ты же ничего им не сказала? — Я прервала ее, мое сердце бешено стучало. — Скажи, что ты не выдала меня и все отрицала?

— Иззи, ты же знаешь я буду последней, кто предаст тебя. Я ничего им не сказала. Уверяла, что у вас были дружеские отношения, так как он был твоим тренером по плаванию. — Она замолчала.

— Но они все знают, Изабель. О письмах, которые ты писала ему, о твоих поездках в горы... все! Они хотели знать смогу ли я подтвердить...как же они сказали? Не помню. Они хотели, чтобы ученики и учителя в школе дали показания и они наседали, Изабель. Похоже они не спустят это дело...

Я ахнула. — Что произошло? Как полиция узнала обо мне и Томе? Мое сердце бешено стучало и по металлическому привкусу во рту я поняла, что в кровь ударил адреналин. — Я ничего никому не говорила о нас с Томом. Единственные, кому я рассказывала были ты и Сара. Как это случилось?

— В полиции сказали, что Сара написала письмо миссис Дрейк, в котором рассказала что вы делали с мистером Стивенсом. — медленно произнесла Лиз. — Сара написала, что всегда просила тебя не связываться с мистером Стивенсом, но ты ее не послушала. Она пожаловалась, что ей было отвратительно читать письма, которые ты писала мистеру Стивенсу, поэтому решила, что администрация должна узнать о вас.

— Полицейские не показали мне письмо, но они размахали им и говорили, что в нем все описано и кажется, они не поверили мне. У каждого из них копия сариного письма и я

заметила что там, что-то зачеркнуто черным маркером, имена или что-то в этом роде.

Я чувствовала себя так, будто кто-то всадил мне в спину нож. Кто-то, кому я абсолютно доверяла и кто предал меня. Теперь я поняла почему Сара не ответила ни на одно мое письмо и даже не прислала поздравительной открытки на день рождения. Вот причина — она предала меня и не хотела говорить об этом.

— О боже, — тихо выдохнула я. Сара была в курсе всего.

Я рассказывала ей все что происходило со мной и даже давала почитать ей письма. Как я могла быть такой глупой? Том взял с меня обещание держать все в секрете, а я взяла и все разболтала, как если бы поделилась с одной из подруг интересными историями!

Это несправедливо, напомнила я себе. Я рассказывала Саре о нас с Томом, чтобы доказать, что он неплохой парень, что мы не делаем ничего дурного, что мы действительно любим друг друга. Это не оправдание, поняла я; это все-равно злоупотребление доверием и предательство.

И теперь Том платит за мою глупость.

— Иззи, ты меня слушаешь? — спросила Лиз.

— Что мне делать? — прошептала я. У меня так сильно разболелась грудь, что я едва могла дышать. — Как Том, он в порядке? Он все еще в школе? Что они с ним сделали? Они же ничего не смогут сделать, пока у них нет доказательств, правильно? Им нужна я, чтобы получить их, ведь так?

— Еще одно, Изабель, — добавила Лиз.

— Директор Уоррен попросил у меня твой чилийский номер телефона. И сказал, что полиция хочет поговорить с тобой. Я пыталась уверить, что у меня его нет, но он предупредил, что они так или иначе узнают твой номер.

Я подумала, что тебе лучше выяснить все самой, поэтому дала его им. Но я решила позвонить сначала тебе и предупредить, чтобы для тебе это не было неожиданностью. Мне так жаль, Изабель. Я надеюсь, ты не сердишься на меня.

— Конечно, я не злюсь на тебя. — С замиранием сердца, произнесла я. Внезапно, я почувствовала себя уставшей, выжатой. — Рано или поздно они все равно узнают мой номер. Сара обещала, что сохранит секрет. Она обещала не судить меня. Поклянись мне — поклянись — ты не сделаешь то же самое. Обещай, что будешь придерживаться прежних показаний, неважно как? Обещаешь мне?

— Конечно, Иззи, я не поменяю показания, — уверила меня Лиз. — Я не Сара. Просто придерживайся своей версии, если полицейские позвонят... когда они позвонят. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо, Лиз. Созвонимся...надеюсь.

— Да, созвонимся. Пока, Изабель.-

Я положила трубку, мой мозг лихорадочно работал. Нужно ли сказать родителям? Нужно ли их предупредить, до того как позвонит полиция? Или не говорить, просто на случай если полиция закроет дело и не позвонит? Что же с Томом? Что они с ним сделали?

Арестовала ли его полиция? Может ли полиция арестовать его? Преподает ли он? Когда его допрашивали, рассказал ли он правду? Его допросили или посадили в тюрьму? Я слышала о том, как обращаются с подозреваемыми в сексуальных преступлениях и от этих мыслей у меня по спине пробежал холодок. Мне невыносима была мысль, что Том пройдет через это.

Следующие три дня я провела около телефона, каждый раз вздрагивая, когда звонил телефон. Звонок, которого я так боялась, раздался в конце недели, в самое неподходящее

время. Это было в субботу, мы только что закончили обедать. Моя мама мыла тарелки, а отец сидел за кухонным столом. Тони не было дома, я как раз направлялась к себе в спальню. День сменил утро, я не знала чем себя занять и все еще ходила в пижаме.

Услышав телефонный звонок, я застыла. Прошло несколько минут, прежде чем меня окликнула мама.

— Изабель!

В мамином обычно приятном голосе появились резкие нотки, что подтвердило мои худшие опасения. Я бросилась вниз, мой мозг лихорадочно работал. Вот оно. Что же я скажу? Что мне сказать родителям? Моя мать с нахмуренным лицом стояла на кухне с трубкой в руке.

— Изабель, тебя спрашивает полицейский с отдела полиции Хиллсайда, — строго произнесла она. — Он попросил разрешения задать тебе вопросы об учителе из «Королевских Дубов». Пожалуйста, ответь на все его вопросы.

Во рту у меня все пересохло и я сглотнула, пытаясь совладать с голосом. Я взяла трубку из маминых рук, еще раз судорожно сглотнув, и произнесла.

— Алло?

— Добрый день. Я говорю с Изабель Круз? — произнес мужской голос на другом конце провода.

— Да, — не сводя глаз с мамы, ответила я. Она посмотрела на меня, нахмурившись, и пошла к раковине, домыывать посуду.

— Это офицер Джеффри Грей из отдела полиции Хиллсайда. Я звоню по поводу мистера Томаса Стивенса, преподавателя из старшей школы «Королевских Дубов». Он сейчас находится под следствием.

Я прикинулась удивленной.

— Неужели?

— Да, он является подозреваемым, в отношении него ведется расследование. Мисс Круз, вы когда-нибудь оставались наедине с мистером Стивенсом в его классе или еще где-нибудь?

— Да, несколько раз, — ответила я. Он был моим тренером по плаванию; Он никогда не преподавал у меня, но у нас были с ним дружеские отношения, — Я заметила, что мой отец встал из-за стола и прошел в зал.

— Мистер Стивенс вел с вами разговоры сексуального характера?

— Нет, никогда.

— Мистер Стивенс дотрагивался до вас неподобающе, в сексуальном плане?

— Нет офицер.

— Мистер Стивенс пытался вас когда-нибудь поцеловать?

— Нет, конечно, нет.

— Послушайте, мисс Круз, против мистера Стивенса выдвинуты серьезные обвинения сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Нужно, чтобы вы были абсолютно честны с нами, чтоб мы могли докопаться до истины. Вам понятно?

— Да, понятно. Эти обвинения касаются нескольких несовершеннолетних? То есть почему вы звоните мне? — Я старалась казаться наивной, пытаясь, выудить из него побольше информации. Я была потрясена, расстроена и беспокоилась за Тома, но мне было интересно сколько человек фигурирует в деле.

Касаются ли обвинения других девочек? Часть меня всегда задавалась этим вопросом?

— Я не вправе обсуждать детали дела, — ответил офицер Грей.

— Но могу сказать, что вы одна из студенток в списке по обвинению мистера Стивенса.

Вы можете сказать, что разговоры мистера Стивенса со студентками или прикосновения к ним носили сексуальный характер?

— Нет, никогда.

— Мистер Стивенс увозил вас с территории школы на своем транспорте?

— Да, несколько раз мистер Стивенс подвозил меня домой после тренировок. Но знайте, что он подвозил половину команды после тренировок и встреч. Он всегда был добр к нам.

Итак, вы утверждаете, что между вами не было физических отношений?

— Нет, никаких. Мистер Стивенс хороший человек. Он любил заигрывать, но это был невинный флирт. Может быть некоторые девочки, те кто обвиняют его, неправильно восприняли флирт.

— Позвольте уточнить мисс Круз. Я спрашиваю состояли ли вы в физических отношениях с мистером Стивенсом, это может быть поцелуи, касание, объятия. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

— Нет, между нами ничего подобного никогда не было, — уверенно произнесла я. Как много они знают? Что ему грозит? Если я единственная в этом деле, и если я откажусь сотрудничать...

— Хорошо, Если это правда, спасибо за то, что уделили время.

— Конечно, офицер. — Услышав щелчок и гудок, я положила трубку на рычаг.

Моя мать смотрела на меня, стоя у раковины.

— Что хотел полицейский? Ты рассказала обо всем, что он хотел узнать?

— Да, мам, я ответила на все его вопросы, — подтвердила я. Я пошла на кухню помочь ей высушить посуду, молясь, чтоб она не уловила лживые нотки в моем голосе. Я не смотрела на нее, зная, что она сможет прочесть обман в моих глазах.

Они раздули из мухи слона, это касается моего тренера по плаванию. Он хороший парень, но думаю, его оговорили, и теперь его считают плохим человеком.

Это все, что мы с мамой сказали друг другу по поводу этого случая. Она быстро закрыла эту тему, как не очень приятную для обсуждения. Мой отец, напротив, оказался более обеспокоенным и заинтересованным этими подозрениями. Позже вечером, не постучавшись в дверь, он зашел ко мне в комнату. Я притворилась, что сплю, так как была не в настроении общаться с ним, но он протянул свою шершавую руку и положил ее мне на голову.

— Изабель, вставай-, сказал он на испанском. — Мне нужно кое о чем поговорить с тобой.

— Я осторожно села, — Что такое, пап?

Он окинул меня хмурым взглядом.

— Изабель, я надеюсь, ты была честна сегодня с офицером, — спросил он.

— Я не знаю о чем он тебя спрашивал и какие задавал вопросы, но твоя мать сказала, что он расспрашивал о твоём тренере по плаванию. Это не про того мужчину, который приходил к нам однажды? Между вами что-нибудь было? Он когда-нибудь дотрагивался до тебя?

Одно дело — врать по телефону, а другое врать своему отцу, когда он сидит прямо перед тобой. Но у меня не было другого выхода. Я должна гнуть свою линию до конца. Ради Тома. Значит для всех должна быть одна версия. Правду знали только Том и Лиз. Мне

оставалось только надеяться, что мы говорим одно и то же.

— Нет, папа, — ответила я, глядя в его обеспокоенные глаза. — Я уже сказала маме и полиции, что он хороший и что он дружит с девочками. Должно быть, кто-то видел как он подвозил нас, неверно истолковал это или сделал неправильные выводы, или одна из девочек приняла его заигрывание слишком серьезно. Может влюбилась в него и обиделась, что он отверг ее. Вот и все. Между нами ничего не было.

Отец посмотрел на свои огрубевшие руки. Затем поднял глаза, выражение его лица исказилось, как будто тяжелая, невидимая ноша давила ему плечи.

— Изабель, ты моя дочь и я люблю тебя, — сказал он, встретившись со мной взглядом. — И я верю тебе, даже если полиция нет. Но если выяснится, что ты врешь мне... это разобьет мне сердце.

С этими словами отец встал и вышел из моей спальни. Я смотрела как он уходит, и задавалась вопросом, что же он ожидал услышать от меня.

Я знала, что он, в отличие от меня, многое повидал в этой жизни, но я также знала, что люблю Тома и сделаю все, чтобы защитить его. Пожертвую ли я Томом и своей любовью ради спокойствия отца? Я знала, что нет. Риски были неравные. И для каждого из них последствия будут совершенно разные.

Когда мой отец ушел, я спросила себя, поймет ли он когда-нибудь это. Будет ли у него время выслушать мою историю. Сердцем я чувствовала, что он уже сделал свои выводы и посчитал, что я и Том виновны. Я надеялась, что полиция не будет общаться с ним по поводу этого дела.

Глава 12. Как можно скорее домой.

Я никак не могла забыть телефонный разговор с офицером Греем. Особенно меня мучила и не давала спать по ночам одна мысль: выступили ли с обвинениями другие девочки, на что намекал офицер Грей.

Или это было только тактической уловкой полиции заставить меня расколоться? Было ли у Тома что-то с другими девочками? Не врал ли он мне все это время, утверждая, что я единственная с кем у него отношения.

Я посмотрела в свой дневник, где я вела записи и придвинула прикроватную лампу. Сейчас была глубокая ночь и за окном стояла кромешная тьма. Комната за пределами освещения выглядела мутновато-серой, но даже в ее темных углах я не могла спрятаться от навязчивых мыслей.

Было ощущение, что мне негде укрыться или обрести покой. Что еще хуже я не могла помочь Тому — я оставила его одного разбираться с проблемой, которую сама же и создала. А он даже не знает, о моих истинных чувствах к нему.

Я склонилась над дневником и продолжила составлять список вопросов. С недавних пор, я избавлялась от мучающих меня вопросов и засыпала благодаря тому, что записывала их на бумагу. Сейчас я взглянула на список и ужаснулась. Вопросов было много, а ответов на них ничтожно мало.

Будут ли сняты обвинения с Тома, если я не давала обвинительных показаний? Поверил ли мне офицер Грей? Я и мои друзья часто ввали своим родителям по разным поводам, но врать полиции совсем не тоже самое.

Что если мне не поверили, ведь мои показания так сильно отличаются от показаний других студентов? Попросят ли меня пройти проверку на детекторе лжи?

Если были другие девочки, дали ли они показания против Тома? Что если уже слишком

поздно?

Прошел ноябрь, из-за напряженной обстановки в доме праздники пришли без особых торжеств. Мне, наконец-то, исполнилось шестнадцать лет.

Мой отец устроил небольшую вечеринку и мама купила красивый праздничный торт, но три месяца, проведенных в Чили, отбило у меня все настроение отмечать день рождения. В моих мыслях, снах и даже молитвах постоянно присутствовал Том.

Знает ли он, что мне исполнилось шестнадцать? Не все ли ему равно? Ненавидит ли он меня за то, что я разболтала про него подругам? Не думает ли он, что я рассказала полиции лишнее о наших отношениях? Потерял ли он работу в Королевских Дубах?

Эти вопросы не давали мне покоя и я поняла, что мне трудно сконцентрироваться на чем-то другом. Мысли о Томе и проблемы с учебой привели к тому, что я стала терять в весе и будучи всегда худышкой, похудела еще больше.

В конце концов, прожив в Чили пять месяцев, мой отец собрал нас в зале на семейный совет. Он попросил меня и Тома сесть на наш бархатисто-зеленый диван, в то время как мама стояла рядом с ним.

— Что ж, у нас сложное положение, — сказал он печальным тоном. Если вы двое продолжите в том же духе, ваша жизнь здесь не будет иметь никакого смысла. У нас пока нет возможности отправить вас обоих в частную американскую или британскую школу, поэтому сделать мы можем немного.

— У нас остается только один вариант: вернуться в Соединенные Штаты, чтобы Тони мог поступить в колледж, а Изабель окончить старшую школу. Вы не оставили мне выбора, хотя я считаю ваши поступки эгоистичными и незрелыми. Если вы не сдадите экзамены в следующем месяце, к которым вы оба отказались готовиться, мы будем вынуждены вернуться и... — вдруг отец резко замолчал, какое-то мгновение он беспомощно смотрел на деревянный пол, затем схватился за грудь и упал на колени, хватая ртом воздух. Первым среагировал Тони. Он спрыгнул с дивана и поймал отца прежде, чем тот упал на пол. Моя мать склонилась над ним на коленях, истерично выкрикивая его имя, пытаясь приобнять его. Я вскочила с дивана и вызвала скорую помощь.

Позже в больнице, доктор сообщил, что у отца был не сердечный приступ, как думали мы. Это был нервный срыв.

— Это стресс, — сообщила нам мама, когда мы вышли из отцовской палаты. — Он мечтал начать здесь новую жизнь, а сейчас он не может, потому что собственные дети не позволяют ему этого. Почему вы оба не можете пойти на уступки? Неужели мы так много просим? Ваш отец не вынесет больше этого.

Когда она вернулась к отцу в палату, Тони и я обменялись виноватыми взглядами. Я чувствовала себя ужасно. Мы так были заиклены на своих желаниях, что не задумывались о том, как наш выбор повлияет на отца. Мы оба были причиной стресса, который привел его к нервному срыву.

— Но как насчет того, что хотим мы? — тихо произнес Тони. — Нас не спрашивали, нужна ли нам новая жизнь. Нас не спрашивали, хотим ли мы ехать сюда, бросить всех друзей, потерять все, что у нас было дома...

Его голос затих и он взглянул на меня, нахмутив брови.

Я покачала головой, в молчаливом согласии. Я не знала, что сказать ему или как ответить на это самой себе.

Я чувствовала вину за то, что произошло с моим отцом, но я согласна с Тони; нас никто

не спрашивал о переезде, а ведь мы, вправе принимать какие-то решения самостоятельно. Дано ли нам право претворять свои мечты в жизнь?

После того как отец вернулся из больницы, обстановка в доме стала еще более гнетущей. Казалось, никто не хотел разговаривать друг с другом, из-за страха услышать что-то неприятное и дом больше стал похож на зону военных действий.

Каждый раз после молчаливой трапезы, Тони и я спешили вернуться в свои комнаты, чтобы побыстрее избавиться от чувства неловкости и выходили оттуда только, когда родители на следующее утро уходили по делам. Мы, как никогда раньше, проводили больше времени друг с другом, стараясь найти решение проблемы, но безуспешно. Однажды поздним ноябрьским утром, мой отец зашел в зал, где я с братом смотрела CNN.

— Вот ваши билеты на самолет, — отрывисто произнес отец, бросая конверт на диван между мной и братом. — Через неделю вы с матерью летите обратно в Калифорнию.

Тони посмотрел на отца.

— А как же ты, папа? Ты поедешь с нами?

— Я? Можете забыть про меня на время, — резко ответил отец. — Здесь то место, где мне хочется жить. Я остаюсь тут. Можете начинать собирать чемоданы. Взять все вещи не получится, возьмите только то, что поместится в два чемодана.

Прежде чем кто-то из нас смог произнести хоть слово, отец повернулся и вышел из комнаты. Мы с Тони, не ожидавшие такого поворота дела, переглянулись. Мы вернемся в Соединенные Штаты? Этот вариант никогда не рассматривался. С мамой, но без него?

— Он покидает нашу семью? — смущенно спросила я. — Зачем он это делает? Почему он отправляет нас домой?

— Он расстроен, потому что не хочет, чтоб мы уезжали. — Наконец высказался Тони. — Мы все ему испортили ... может нам стоит остаться, как ты думаешь?

Как же Эми? — спросила я. — Ты не скучаешь без нее? Ты разве не хочешь вернуться к ней?

— Конечно, я скучаю. — не раздумывая, ответил Тони. — Но я много думал с тех пор, как папа попал в больницу, и думаю, что наша семья важнее любой подруги.

Я устала сидеть на конверте, лежащий на диване и подумала о возвращении в Калифорнию и прежней нормальной жизни. Я ужасно скучала по друзьям, своей жизни там, но больше всего по Тому. Но это вовсе не означало, что именно таким образом нам стоит ехать назад. Было бы правильно, чтобы родители были вместе и семья была полной и счастливой.

Я, наконец, вздохнула и покачала головой.

— Тони, папа уже купил нам билеты. Ты знаешь какой он, когда что-то решит. — прошептала я, глядя на него. — не думаю, что у нас есть выбор. Думаю, нам просто надо ехать.

Тони ничего не ответил, но позже ночью мы оба вытащили свои чемоданы и начали складывать туда свои вещи. Отец некоторое время стоял в дверном проеме, наблюдая за нами, так и не сказав ни слова.

Наш дядя вызвался подвезти нас в аэропорт и приехал к нам рано утром. Мой отец безмолвно стоял на крыльце и смотрел, так и не тронулся с места, чтобы помочь нам с сумками. Он игнорировал нас с тех пор, как отдал нам билеты на самолет и вел себя так, будто нас уже не было дома.

Сегодня он разговаривал только с мамой, которая держалась за его руку, словно утопающий за соломинку. Когда приехал мой дядя, он загрузил наши сумки в кузов машины.

Отец все это время смотрел на нас, затем подошел к маме и крепко обнял ее, смахивая слезы со своих глаз.

Когда настала очередь прощаться с нами, он повернулся к нам и холодно произнес.

— До свидания, — и отвернулся. Не было никаких объятий или поцелуев и никаких проявлений того, что он огорчен нашим отъездом. Как только мы сели в машину, он зашел в дом и больше не появлялся.

Все дорогу до аэропорта у меня в горле стоял огромный комок. Настроение было паршивое, еще больше подливал масла в огонь мой дядя, бросая язвительные замечания по поводу того, что мы с Тони ведем себя как эгоистичные дети и разрушаем жизнь отца.

Международный аэропорт Сантьяго казался более заброшенным, чем в тот раз, когда мы впервые прилетели сюда. Было больше праздно шатающихся туристов, но место выглядело серым и унылым, мы уже без радости ожидали изменения в своей жизни.

Я села рядом с Тони в углу зала ожидания около нашего выхода. Моя мама, сидела одна, через несколько мест от нас, и казалась одинокой, печальной и отчаявшейся. Она ничего не говорила, но охватившее ее уныние было написано на лице.

Первые дни в Калифорнии были очень трудными. Находясь в Чили, я не задумывалась, каким будет наше возвращение в Калифорнию. Где мы будем жить?

Мы будем жить в том же районе? Как мама одна, без отца, сможет оплачивать счета? Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Раньше я попросту думала, что по возвращении нас ждет «обычная» жизнь.

В действительности жизнь еще долго не войдет в обычное русло. Нам пришлось остаться в мрачной, захудалой гостинице на то время, пока мы не снимем дом. Тони практически переехал в дом Эми, оставив меня в темном и жалком гостиничном номере наедине с мамой, пребывающей в депрессии.

Теперь мы целыми днями не видели Тони и я не могла себе позволить уйти с друзьями и оставить маму одну. Я оставалась с ней, делая все, чтобы она не впадала в еще большее уныние.

Ни разу за всю жизнь я не видела, чтобы мама была в таком подавленном состоянии.

Она всегда была стержнем нашей семьи, которая спланировала нас всех вместе. Без нее мой отец был беспомощным, и мы всегда обращались к ней с проблемами и радостями. Она была нашей силой. Сейчас мама перестала есть, не вставала с постели и не отвечала на мои вопросы.

Она пребывала в своем мире печали и горести и я никак не могла утешить ее или облегчить ее состояние. Я не могла оставить ее. Я боялась, что если я оставлю ее одну, она совершит что-то безумное, например, сведет счеты с жизнью.

В то же время, беспокоясь о здоровье и душевном состоянии мамы, меня преследовали мысли о Томе. Как мне теперь связаться с ним? Стоит ли мне позвонить ему? Полиция закрыла дело или нет? Он все еще в «Королевских Дубах»? Захочет ли он поговорить со мной? В моей голове царил беспорядок, у меня болела грудь от тех эмоциональных американских горок, в которые превратилась моя жизнь.

— Изабель, что мы здесь делаем? — однажды спросила меня мама, когда мы вместе лежали на громадной кровати. — Мы должны быть с отцом, в Сантьяго. Мы оставили его, и сейчас он совсем один. Ты же знаешь, что ему нельзя быть одному.

Он семейный человек и теперь лишен семьи по нашей вине.

— Мама не расстраивайся, — прошептала я и нежно погладила ее растрепанные

волосы, стараясь избавиться ее от беспокойных мыслей. — Папа к нам скоро вернется. Сейчас он зол и обижен на нас, но когда он остынет, то поймет, как скучает без нас. Он вернется. Ты же знаешь, он не может долго без нас. А сейчас тебе нужно одеться, чтоб мы смогли подыскать дом. Те ведь не хочешь, чтобы папа, вернувшись сюда, застал нас в гостинице?

Я поняла, что это единственное, что может заставить маму встряхнуться; каждый раз, когда я упоминала отца, она как-то реагировала.

Она уже чувствовала вину за то, что огорчила и оставила его, и не хотела еще больше ухудшить положение. Я научилась пользоваться этим, чтобы расшевелить ее и надеялась с помощью этого подыскать дом. У моей мамы были чилийский друзья в Хиллсайде и они пообещали помочь мне привести маму в прежнее состояние.

Мы часто ели у них дома, они поддерживали нас и предлагали маме выйти на работу. Через несколько недель я, наконец-то, убедила маму связаться с ее бывшими клиентами.

Будучи финансовым консультантом, она была очень успешна в Калифорнии, и я была уверена, что ее клиенты будут рады ее возвращению. Работа была для нее полезна, потому что отвлекала ее от мыслей об отце, оставшемся в одиночестве.

Это помогло ей вернуться в прежнюю жизнь, и она приободрилась, приступив к работе. Начав достаточно зарабатывать, для того, чтобы оплатить все счета, мы перестали волноваться и сняли дом с тремя спальнями недалеко от Королевских Дубов. Тони переехал к нам от Эми и наша семья воссоединилась. Хотя место отца до сих пор пустовало и нам сильно не хватало его.

Глава 13. Поверь.

Жизнь не стала полностью прежней до тех пор, пока я снова не начала посещать школу. Это было тем, что я больше всего пропускала, когда была в Чили, и я представила свое возвращение к общественной деятельности и учебе. Возникли некоторые препятствия; меня не было в течение первых трех месяцев учебного года, и я пропустила первый школьный семестр, так что я не могла вернуться в свою прежнюю школу.

Для того чтобы вернуться в обычную среднюю школу и начать занятия в феврале когда начнется новый семестр, мне нужно было поступить в продленную школу — где проблемные студенты получают свои равнозначные школьные степени — чтобы наверстать материалы курса которые я упустила.

Я была полна решимости пройти через это и у меня не было большого выбора того чем можно было заняться, так что я много работала. Спустя три недели после того как я поступила в продленную школу я сделала все необходимые курсовые работы. У меня даже осталось две недели перед началом второго семестра. Моя мама была в восторге от моих успехов, и хотела поговорить о том, что будет дальше.

— Что ж, Изабель, мы должны вернуть тебя в Роял Окс и записать тебя на второй семестр, — сказала она когда отвозила меня домой в последний день занятий в продленной школе. — Мы должны сделать это на этой неделе, так как занятия начинаются в следующем месяце.

Я медлила с ответом. Я была так рада видеть, что обратила на себя мамино внимание и что она водит машину, я не хотела ее расстраивать, но я уже решила этот вопрос.

— Мамуль, я тут подумала, может мне не стоит снова посещать Роял Окс, — осторожно сказала я. — Может быть вместо этого я могла бы поступить в среднюю школу Вест Энда. Это всего лишь несколькими кварталами дальше от дома, но Вест Энд гораздо лучше академически. И если я хочу пойти в хороший колледж, я должна пойти в лучшую школу.

— Но я думала, что ты любишь Роял Окс, — удивленно ответила моя мама. — Разве не там учатся все твои друзья? Разве ты не хочешь снова плавать и играть в баскетбол? Тебе осталось учиться всего полтора года, разве ты не хочешь окончить школу со своими друзьями?

— Да, но я также хочу больше академических испытаний, — быстро ответила я, пытаюсь придумать как можно больше причин. — Если я буду учиться в Вест Энд, у меня будет больше шансов поступить в хороший колледж. Мне нужно подумать о посещении подготовительных курсов для колледжа, и я слышала, что у Вест Энд замечательный учебный план подготовительных курсов для колледжа. Все мои друзья из Роял Окс живут рядом, так что я все еще смогу выбираться с ними куда-нибудь, когда захочу.

Моя мама нахмурилась, не убежденная.

— Что ж, я полагаю, это твой выбор, — ответила она и я вздохнула с облегчением. — Мы съездим в Вест Энд завтра утром и посмотрим, что можно сделать, чтобы тебя зарегистрировали.

Однако Лиз была в ужасе от моего решения поступить в Вест Энд. Я встретила с ней на следующий день, чтобы поговорить об этом лично.

— Изабель, ты сошла с ума? Ты действительно хочешь пойти в новую среднюю школу на этом этапе? Мы в десятом классе. Иззи, мы окончим школу в следующем году! Разве ты не хочешь окончить школу со всеми нами, со всеми своими старыми друзьями? Ты же знаешь, что не заведешь таких друзей как мы в Вест Энд, ты слишком поздно присоединишься к игре!

— Но после всего, что случилось с Томом, как я смогу показаться там снова? — спросила я. Я думала об этом совсем немного, и пришла к решению, что для меня будет лучше избегать свое прошлое настолько насколько это возможно. — Это будет так неудобно, и я буду чувствовать себя так неловко. Будет так много сплетен. Все будут наблюдать за мной из-за углов, и шептаться.

— Эй, разве это не та девчонка, которая спала с Мистером Стивенсом? Разве это не та, из-за которой у него были проблемы? Что она здесь делает? — или — Посмотрите, это та девчонка, с которой начались все проблемы Мистера Стивенса. Должно быть она настоящая шлюха. — И что если полиция решит возобновить дело, потому что я вернулась в город?

Несмотря на то, что переезд в Чили был настоящим кошмаром, я была убеждена в том, что это косвенно уберегло Тома от тюрьмы и меня от проблем. Я думала, что Сара приняла свое решение. Она бы отправила это письмо, несмотря на то была бы я здесь или нет.

Если бы полиция получила письмо в то время, когда я все еще была в городе, они бы стали преследовать обоих Тома и меня. Они бы вели наблюдение за всей горой, за всеми кого я знаю, и приставили бы копов под прикрытием в среднюю школу. В конце концов нас бы поймали и Тома бы обвинили, осудили и посадили в тюрьму на долгое долгое время.

Но этого не случилось, потому что меня здесь не было, и я была полна решимости сохранить это расстояние — и обеспечить безопасность Тома — независимо от того как это повлияло на мою социальную жизнь и мои эмоции.

— Изабель, несмотря на то, что произошло, никто не сможет препятствовать твоему поступлению в Роял Окс, — сказала Лиз, разочарованным голосом. — Даже директор Уоррен не сможет этого сделать. Ты не сделала ничего плохого. В любом случае, никто об этом действительно больше не говорит. Это старые новости. Мистер Стивенс снова преподает в школе, так что дело должно быть закрыто.

Я вздохнула, Лиз была права; я провела небольшое расследование, когда вернулась в город, и узнала, что полиция не смогла найти никаких прямых улик против Тома. Я отказалась сотрудничать, и я была единственной ученицей, которая была вовлечена в это. Они не могли преследовать человека, опираясь на рукописное письмо одной из учениц, не важно, каким изобличающим оно было.

Его жена свидетельствовала о том, что ничего не изменилось, и что летом у них был двух недельный поход с семьей. Полиция была вынуждена выпустить Тома и снять обвинения. Хотя его репутация восстановилась, я была уверена в том, что многие родители не хотели, чтобы он возвращался в школу и снова стал преподавать.

Хотя я и была в ужасе от встречи с ним, я беспокоилась о его реакции, когда он снова увидит меня на территории кампуса. Я боялась, что он будет на меня злиться, возможно, он даже думает что это я все это начала.

Он мог верить в то, что я вернулась расстроенная, с намерением свести с ним счеты. Хуже того, он мог верить в то, что я вернулась в Калифорнию, чтобы помочь полиции в уголовном расследовании против него. Я так и не послала то письмо, которое ему написала, где я объяснила свое внезапное исчезновение из его жизни, и вероятно задавался вопросом о том, что происходит в моей голове или, что я к нему чувствую.

Ему бы не потребовалось много времени на то чтобы среагировать на мое присутствие с гневом или предательством. Ради меня и Тома, казалось лучшим, если бы я стала посещать другую школу, где никто не знал моего имени или, что более важно, моего прошлого.

— Я не знаю, Лиз, — сказала я, смотря на свой новый ковер, покрывающий пол моей новой спальни. — Это просто опасно, я думаю. Все будут сплетничать обо мне, и я буду чувствовать себя так неловко. Я имею в виду, действительно ли мне это сейчас нужно? И что насчет Тома? Как он отреагирует? Думаешь, я была бы эгоисткой, если бы не стала считаться с его чувствами? Возможно, он не хочет меня там видеть.

Лиз заворчала в отчаянии. — Изабель, не позволяй тому, что случилось разрушить твою жизнь. Просто оставь это в прошлом, где это и должно остаться и двигайся дальше. Роял Окс это то место где ты должна быть. Даже если некоторые люди об этом сплетничают и задают глупые вопросы, просто отрицай все и ни о чем не беспокойся.

Она потянулась ко мне и взяла за руку, ее пальцы были холодными на моем теплом рукаве свитера.

— Я обещаю тебе, что будет неловко только первые день или два, а дальше все будет как обычно. И я буду с тобой. Твои друзья о тебе позаботятся.

Я посмотрела на нее, в противоречии. Просто было столько всего, о чем нужно было подумать. Конечно, я хотела вернуться в Роял Окс, быть со своими старыми друзьями, и наслаждаться этим последним годом с половиной, но ноющий голос в моей голове говорил мне снова и снова что это плохая идея. Может я слишком бурно реагировала? Стала параноиком? Лиз была так уверена, что все будет в порядке...

— Что ж я предполагаю, что для меня будет иметь смысл возвращение в Роял Окс, — наконец спокойно ответила я. — Это гораздо ближе к моему дому и было бы здорово вернуться в знакомое место, с моими друзьями. Но если я буду чувствовать себя там очень странно после первой недели, ты знаешь, если люди будут говорить разные вещи и разговаривать за моей спиной, я уйду.

— Если все выйдет из под контроля, я вмешаюсь и поддержу тебя, — пообещала Лиз. — Ты знаешь, что я знаю почти всех в школе. И все твои остальные друзья сделают то же самое,

я это знаю. Поверь мне, ты будешь в порядке. Просто возвращайся, Изабель.

Непоколебимое давление Лиз убедило меня вернуться в Роял Окс, и моя мама перезаписала меня на следующий день. Судьба — или убеждение Лиз — привело меня обратно в эту школу, и неизбежно привело меня обратно к Тому.

Глава 14. Почему моё сердце болит?

Пройдя по открытой местности, бетонным коридорам «Королевских Дубов» в свой первый день нового семестра я поняла, как чувствует себя новый заключенный, проходя через дворик тюрьмы.

Я держалась настороженно и чувствовала себя уязвимой и каждую минуту ждала подвоха. Коридоры были украшены знакомыми плакатами, приклеенными серебристым скотчем к кирпичным стенам. На этот раз там было написано ярко фиолетовым цветом, что вскоре состоятся танцы в День Святого Валентина. Я видела те же здания, что и раньше, знакомые лица повсюду; людей, которых я знала уже много лет.

Но все казалось мне неприветливым.

Я была подавлена и мой живот скрутило от волнения, рядом со мной была Лиз, но я знала, что ей вскоре придется пойти на первый урок. У нас были отдельные уроки, а это означало, что через пять минут я останусь одна, и мне придется самой позаботиться о себе.

Я смотрела как учащиеся проносятся мимо меня и мне стало интересно, что они думают обо мне; никто из них не смотрел в мою сторону и я удивилась, действительно ли меня никто не замечает. Не был ли мучающий меня страх плодом моей чересчур буйной фантазии? Неужели все забылось, как и сказала Лиз.

Мои старые друзья подходили и с радостью приветствовали меня, я снова успокоилась. Никто и словом не обмолвился о Томе. Никто не глазел на меня. На самом деле, на меня не обращали никакого внимания.

Может быть, полиция кроме узкого круга друзей, никого не посвятила в то, что я и есть та студентка «по делу». Возможно, Лиз была права и все будет хорошо. Я рассталась с Лиз и пошла на свой первый урок, впервые за несколько месяцев чувствуя себя уверенно.

Но ничто не могло подготовить меня ко встрече с Томом, хотя рано или поздно это должно было произойти. Наши пути пересеклись после обеда, рядом с его классом. Я торопилась на следующий урок, и даже не поняла что прохожу мимо его класса.

Он стоял с учебником в руке у двери и смотрел за проходящими мимо учениками. Когда я заметила его, он разговаривал с одной из своих учениц, посмеиваясь над тем, что она говорила. Я застыла, словно олень в ночи в ярком свете фар, затем отшатнулась и быстро развернулась. Я знала, что у меня покраснели щеки, сердце учащенно билось в груди. Я не могла повернуться и посмотреть в лицо Тому, не сейчас и не перед всеми.

Краем глаза я заметила, что Том посмотрел на меня и отвернулся. Казалось, он не был удивлен или взволнован тем, что я здесь. Когда я повернулась, он уже исчез из вида, зайдя в свой класс.

В феврале, сразу после того, как я пошла в «Королевские Дубы», отец вернулся к нам. Мы знали, что он не сможет оставаться один в Сантьяго, и никто не удивился его возвращению. Дело было не в том, что он не мог постирать или приготовить еду. По сути, он был семейным человеком и просто скучал без нас.

В конечном счете, мы провели в Калифорнии без отца чуть более двух месяцев.

Это время стало для Тони началом пути во взрослую жизнь, он упорно трудился, совмещая занятия в колледже с работой. Несмотря на загруженность в учебе, он устроился

на работу в местный ресторан быстрого питания, и сам оплачивал свои расходы на автомобильную страховку и бензин.

— Тони, ты убьешь себя, — однажды сказала мама. Он забежал позавтракать со мной, и один только взгляд на его лицо вызывал беспокойство. Он был бледнее обычного, с темными кругами под опухшими глазами.

Он покачал головой.

— Я никогда так не уставал, но ни о чем не жалею. Отец должен знать, что я в состоянии обеспечить на себя. Он должен знать, что я повзрослел и могу принимать собственные решения. — Он сделал паузу. — Я не хочу, чтоб он думал, что мы зря приехали сюда. Хочу, чтобы он знал, что это стоило того и мы ценим это.

Я нахмурилась.

— Знаешь, Тони, тебе просто нужно сказать ему об этом. Не нужно надрываться, чтобы доказать это.

Он ухмыльнулся мне.

— Это будет не так весело, кроме того сказать можно и неправду. То что это правда я должен доказать делом.

Он ушел, и я задумалась над его словами. На самом деле, он был прав. Он учился в местном колледже, после которого он мог поступить в университет на четырехгодичный курс, а в ресторане он уже получил место менеджера.

Мой отец был так впечатлен успехами и новыми обязательствами Тони, что он удивил всех, подарив Тони поддержанный фольксваген гольф. Радовал тот факт, что они опять начали разговаривать, и учитывая события прошлого года, гордость отца была вдвойне ценна для Тони.

Что касается отца, то он со временем смягчился. Он сильно скучал без нас после нашего отъезда из Чили и вернулся в США с оттаявшим сердцем. Все вместе мы обсудили ситуацию и согласились, что каждый был в чем-то неправ.

Мы также решили, что лучше всего продолжить жить семьей, принимая во внимание интересы каждого. Это было совершенно новое отношение со стороны отца, который всегда придерживался патриархальных взглядов, и эти изменения произошли благодаря Тони и мне.

По новому соглашению, отец решил, что мне пора учиться вождению. Придерживаясь старомодных взглядов, он настоял на том, чтоб я обучалась на пикапе с ручной коробкой передач

— Поверь мне, если ты будешь водить машину на ручнике, то станешь более ответственным и классным водителем. — процедил он, указывая мне на место водителя.

— Не уверена, что мне хочется быть такой. — пошутила я, глядя из-за руля на ручник и нажимая на сцепление и тормоза. Конечно, люди водят машины, но я никогда не думала, что так скоро смогу научиться этому. Мы всегда планировали вернуться в Чили до того, как мне исполнится шестнадцать, поэтому я считала, что скорее выучусь там, нежели здесь.

Сейчас все поменялось. Я и отец ближайшие три недели были заняты обучением. Я никак не могла согласовать действия сцепления и тормозов и каждый раз подъезжая к остановке или пригорку, машина глохла.

Однажды я даже умудрилась заглохнуть на магистрали, из-за чего отцу в спешке пришлось пересест, сгоняя меня с водительского места и поскорее уехать оттуда. После этого, мы ездили по небольшим улицам жилых районов, пока я не стала ездить достаточно

уверенно.

Но это стоило того. Через несколько недель после того как я получила водительские права, мы с отцом поехали покупать машину. Он объявил, мило улыбаясь.

— Это запоздалый подарок к твоему дню рождения, и думаю, от меня ты бы не приняла ничего другого.

Я улыбнулась, удивляясь произошедшей перемене и оглянулась вокруг. Мы были на стоянке машин, — «посматривая, что тут есть» как сказал отец. Мы посмотрели парочку машин из ряда, затем увидели маленькую спортивную серую Хонду Цивик.

У нее был люк на крыше и, конечно же, механическая коробка передач. Мы осмотрели машину, затем посмотрели друг на друга и кивнули. Отец вынул из кармана деньги, заплатил дилеру на месте, и я повела машину домой. В кругу друзей я стала первой у кого появилась своя машина и единственной из класса шестнадцатилетней, кто самостоятельно приезжал на машине в школу. Мне для счастья большего и не надо.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Машина придала мне новый статус и я без труда могла поехать куда-нибудь, пользуясь возможностью свободного передвижения. Теперь я сама отвечала за свои поездки, и больше не нужно было кого-то просить подвезти меня. Я просто садилась в машину, чтобы попасть в нужное место в нужное время.

На второй неделе занятий в школе я начала пристальнее следить за Томом и его передвижениями и изучила его новое расписание. Я точно знала о его местонахождении на переменах и куда он ходит до и после школы.

Я ничего не могла с собой сделать. Я знала, что это нехорошо, но ужасно скучала по нему, и хотела знать как у него дела. Я очень хотела поговорить с ним, но убедила себя, что меня никто и никогда не увидит рядом с ним.

Я вела себя осторожно, и ходила по территории кампуса так, чтобы случайно не столкнуться с ним. Я всегда сворачивала, если видела, что он идет в мою сторону. Я поняла, что все учителя в кампусе знали меня и задавалась вопросом предупредили ли их о том, что нужно держаться подальше от меня.

Я была уверена, что они наблюдают за мной, и ждут когда я оступлюсь и окажусь рядом с Томом. В свою очередь я твердо решила выждать и держаться подальше от Тома. Последнее, что я хотела это чтобы преподаватели или студенты видели меня на расстоянии ближе пяти шагов от Тома.

Правда заключалась в том, что мне до боли хотелось подбежать к Тому и спрятаться в его объятьях, уткнуться лицом в его грудь и вдыхать такой знакомый свежий запах. В наших прежних отношениях было сделано так много ошибок, но я чувствовала, будь мы вместе, мы бы все исправили.

По крайней мере, с ним я чувствовала бы себя в безопасности. Прошло столько времени, а я до сих пор была влюблена в него и очень сильно скучала по нему. Из-за сложившейся ситуации, мне оставалось только ловить моменты, когда он заходит и выходит из класса. Я старался не часто смотреть на него в кампусе, но я нашла способ делать это из укрытия, сидя в своей машине.

Каждое утро я забирала из дома Лиз и отвозила ее в школу. Меня поздно внесли в списки занятий и первые два урока мне приходилось заниматься в классе по розничной продаже. Фактически до третьего урока мне не нужно было быть в кампусе, так как занятия и практика по розничной продаже проходили в универмаге местного торгового центра.

Несмотря на это, по утрам я забирала Лиз из дома, подвозила ее к кампусу, ненадолго задерживаясь на парковке и уезжала в торговый центр на практику.

— Здорово, что ты меня подводишь в школу, — в первый день пробормотала Лиз. — Хотя думаю, что это всего лишь предлог, чтобы поводить новую машину.

Я рассмеялась вместе с ней, но притихла, подъезжая к школьной парковке. Лиза также как и я знала, почему я подвозила ее. Заезжать за Лиз было мне не по пути, и чтобы доехать до школы к первому уроку нужно было потратить дополнительно двадцать минут на утренний маршрут.

Хотя я нисколько не жалела. Я подъехала к стоянке, чтоб высадить ее и быстро осмотрела парковку.

— Ищешь кого-нибудь? — тихо подразнила она и наклонилась за сумкой.

— Да, ты же знаешь, — улыбнулась я в ответ. — Он еще не подъехал.

Лиз рассмеялась, качая головой. Два раза из трех мы приезжали как раз вовремя, чтобы застать момент когда Том подъезжал к стоянке и уходил в школу. Мне удобнее было наблюдать за ним из машины, так как у меня были затемненные стекла, сразу же после того как он уходил я уезжала из школы.

Когда я припарковалась, дожидаясь когда Лиз соберет свои вещи и пойдет на занятия, я увидела его издали, рассмотрела, что на нем надето, какая у него стрижка и старалась угадать его настроение. Мне не нужно было беспокоиться о том кто нас окружает или что кто-то видит как я слежу за ним, так как это было маловероятно.

— Знаешь, это плохая идея. — сказала Лиз, став серьезной. — Конечно, я хочу, чтоб ты была счастлива, но вас уже были неприятности. Если я могу разглядеть тебя снаружи машины, тогда это сможет сделать любой. Включая мистера Стивенса. Ты хочешь, чтоб тебя снова застукали?

— Тсс, — прервала я, понимая, что она права. Я играю с огнем, и последнее, что я хочу это чтобы меня застукали. Но ничего не могла поделать с собой. Это была единственная возможность. Я должна была видеть его, даже если между нами ничего нет. — Может мне хочется, чтобы он знал, что я слежу за ним.

Я до сих пор не имела понятия как он относится ко мне после того как все раскрылось. Думал ли он, что я знаю о письме, которое Сара написала миссис Дрейк? Думал ли он о том, что я имею к этому отношение? Я надеялась, что нет. Я надеялась, что он больше доверял мне и что он поверит, искренне поверит, что случившееся просто вышло из под контроля.

Я чувствовала себя ужасно, сознавая какую роль я сыграла в этом — из-за своей беспечности и слепой веры друзьям. Я хотела и нуждалась в том, чтоб Том понял, что я не хотела навредить ему. Чтобы не случилось, я никогда не хотела причинить ему боль, особенно таким образом. Я надеялась, что при встрече смогу поговорить с ним рано или поздно и все объяснить.

Если быть честной, я также надеялась, что у нас будет шанс поговорить о том остались ли у нас чувства друг к другу.

— Что ж, я не могу больше оставаться. — Прервала мои мысли Лиз. — Сегодня я должна быть пораньше в классе, чтобы подготовиться к экзамену.

Она повернулась в кресле, вытягивая шею, чтоб посмотреть на стоянку позади нас.

— О — произнесла она. — Он здесь. Внимание. — Она повернулась ко мне с серьезным и слегка хмурым лицом. — Пожалуйста, Иззи, будь осторожна. Не разговаривай с ним. По крайней мере, старайся не привлекать внимание. Здесь вокруг учителя. И они высматривают

что-нибудь подозрительное.

— Я знаю, Лиз, знаю. — быстро ответила я. — Я просто хочу проверить, посмотрит он на меня или нет. Хочу знать, не злиться ли он на меня.

Лиз пожалала плечами, открыла дверь и вышла из машины. Не сказав больше ни слова, она захлопнула дверь. Я повернулась к зеркалу, чтобы посмотреть на проходящего мимо Тома.

Сегодня он был одет в классические брюки и темную рубашку. Он выглядел потрясающе. Он прошел ближе к машине, чем обычно. Я нахмурилась. Он ускорил шаг, как будто пытался догнать Лиз, но вдруг повернулся к моей машине.

Я не ожидала, что он окажется так близко от меня и не знала что мне делать. Я могла пригнуться, он стоял совсем рядом с машиной и спрятаться было негде.

Вдруг он оказался возле моего окна, а его лицо на одном уровне с моим. Его светло-карие глаза омраченные, казалось, годами волнений и переживаний, смотрели, как никогда, с нежностью. Огромный комок встал у меня в горле и мое сердце тревожно забилося. О чем он думал? Он что сошел с ума? Ему нельзя просто так взять и подойти ко мне. Что скажут люди? Он захотел попасть в тюрьму?

Он протянул руку и постучал в окошко. Уголки его рта приподнялись в скромной улыбке. Я нащупала кнопку и опустила окно, вопросительно посмотрев на него. Он облокотился на дверь и посмотрел мне в глаза.

— Что такое, Изабель? — спросил он обычным тоном.

— Я вижу, ты каждый день останавливаешься здесь. Тебе что-то нужно?

— Ты сошел с ума? — прошипела я. — Тебе нельзя так подходить ко мне. Что если нас кто-то увидит? — Неожиданно, Том улыбнулся, обнажив идеально ровные зубы.

Его борода была все также ухожена, но русые волосы слегка подросли и на висках появилось больше седины, придавая ему более суровый и необычный вид. Он никогда не выглядел лучше чем сейчас, отметила я.

— Изабель, мне не предъявили никаких обвинений. — ответил он, как будто речь шла о пустяковом деле, вроде штрафа за превышение скорости или за неправильную парковку. — Кроме того, не думаю, что разговаривать с тобой это преступление. Наверяд-ли меня можно наказать за то, что я пытаюсь помочь ученице.

— Не хочу показаться грубой, — прошептала я, нервничая. — Но не думаю, что ты поступаешь умно. Может тебя и не обвинили ни в чем, но думаю, полиция сможет сделать выводы. Особенно, если увидят как мы разговариваем.

Том рассмеялся.

— Изабель, мне ничего не грозит, пока ты не сдашь меня, — ответил он. — Все просто. Поскольку мы коснулись этой темы — и наконец-то заговорили — хочу поблагодарить тебя за то, что встала на мою защиту. Твои показания помогли мне остаться в школе и избежать суда. Спасибо за то, что хранила молчание. Ты не представляешь, что это значит для меня. — Он нервничал, произнося это, хотя и пытался казаться легкомысленным.

Я почувствовала как кровь приливает к лицу, и опустила глаза, смущенная и озадаченная. — Пожалуйста, — с горящими щеками произнесла я. — Надеюсь, ты знаешь, что я не сделала бы ничего, что могло навредить тебе. Надеюсь, ты знаешь, что это не я сдала тебя. — Вдруг я заметила, как один из учителей подъехал с другого конца стоянки и запаниковала. — Послушай, мне надо ехать. Мы можем вызвать подозрения, и я не хочу навлекать на тебя еще неприятности.

Том отступил назад.

— Хорошо, ты не хочешь опоздать на занятия, — выпрямившись, сказал он. Я нащупала кнопку и подняла окно, но остановилась, когда он добавил — Изабель?

Я вскинула голову вверх, встретившись с ним глазами. Он смотрел, удерживая мой взгляд.

— Я рад, что ты вернулась, — произнес он, наградив меня своей широкой и искренней улыбкой. Она была такой заразительной, что невозможно было устоять и не улыбнуться в ответ.

Глава 15. Теряя веру.

Все оставшееся утро я провела словно в трансе. Джеймс, старший смены на занятиях по розничным продажам остановил меня, когда я в подвале снимала с товара защитную пленку.

— Изабель? — позвал он меня тихо, — Ты сейчас здесь со мной?

— Я моргнула, посмотрев на него. — Что такое, Джеймс? Я делаю что-то не так?

Нахмурившись, он покачал головой.

— Нет, ты все делаешь правильно, но я вижу, что сегодня у тебя тяжелый день. Что случилось? С тобой все в порядке? Как будто ты сегодня на автопилоте.

Я выдавила улыбку и посмотрела на одежду, лежащую передо мной на столе. Джеймсу было двадцать два года и он был самым молодым куратором у нас. У него были ямочки на щеках и крепкое мускулистое телосложение, большинство девочек на моем курсе запали на него. Ростом 6 футов, он обладал телом футболиста и карими глазами, в обрамлении черных, изогнутых ресниц. Девчонки из нашего класса жутко бы заревновали, увидев, что он обращает на меня пристальное внимание.

— Спасибо, Джеймс. Я в порядке. Просто задумалась, вот и все. Все же спасибо, что спросил.

— Именно это мне и нравится в тебе. — Джеймс чуть переместился, чтобы помочь мне с тяжелой одеждой на стеллаже. Он подошел ближе ко мне. Я была рада помощи. — Ты молода, но не витаешь в облаках. Ты ведешь себя совсем не как девчонки твоего возраста. Уверен я не первый заметил, что ты не только красива, но и умна.

Я в удивлении посмотрела на него. Было странно от Тома слышать такие речи; он был помолвлен с одной женщиной из универмага, и обычно вел себя очень профессионально. Внимание, которое он мне оказывал, льстило и я поняла, что нравлюсь ему.

— На самом деле, не знаю — засмеялась я, стараясь отбросить эту мысль. — Люди не подходят ко мне и не говорят, что они находят меня умной и привлекательной. Знаешь, это не совсем обычно.

Джеймс криво улыбнулся.

— Думал, ты заметила, что я всегда прихожу на твои утренние занятия по понедельникам, в дни когда ты не работаешь на первом этаже. — Он задел меня плечом, когда потянулся за товаром, я почувствовала прикосновение мягких волосков его тела к своей голой руке. Джеймс прошептал, — А я думал, что это слишком бросается в глаза.

Я уставилась на него, застигнутая врасплох его словами. Я почувствовала как румянец разливается по моим щекам, и улыбнулась, открывая свои недавно выпрямленные, без брекетов зубы.

— Даже не знаю, что сказать. Я, в общем-то, удивлена. Никогда не замечала, что ты обращаешь на меня больше внимания чем на других, — скромно ответила я, раскладывая одежду на демонстрационный стеллаж.

Ситуация была совершенно недопустимая, не только потому, что он был моим куратором, но и потому что был помолвлен с женщиной, которая работала в этом же здании и которая в данный момент находилась в помещении.

— Джеймс, не стоит говорить об этом здесь, — быстро проговорила я, отступая от него и стеллажа. — Здесь много учеников, и они могут заинтересоваться, о чем мы тут шепчемся.

Перед тем как мы встретились взглядами, глаза Джеймса вспыхнули, оглядывая мою светло-зеленую блузку, застегнутую на все пуговицы, из под которой отчетливо вырисовывалось очертание моего тела. Я поднесла руку к своей груди, чувствуя себя обнаженной, задаваясь вопросом: о чем я только думала, надевая эту блузку. Он была слишком облегающей.

— Да, давай поговорим после твоей смены, не в магазине, — тихо произнес он, нагибаясь ко мне. — У тебя остается еще месяц здесь, а потом твой курс по продажам окончится, так? Может после этого мы сможем встретиться?

Я в удивлении уставилась в его темные глаза. Его взгляд скользнул по моему телу сверху донизу, и обратно, я выдавила из себя улыбку. Я не могла отвести взгляд от его карих глаз в обрамлении темных ресниц.

— Да, примерно так, остался месяц, — уверенно произнесла я. Увеличивая расстояние между нами, я сделала еще один шаг назад. — Может мы вернемся к этому разговору после школьных уроков, — сказала я небрежно, в ужасе от слов, сорвавшихся с губ. О чем я думала? Джеймс был симпатичный и милый парень, но как я могла оказаться еще в одной компрометирующей ситуации? От волнения у меня все еще пылали щеки.

Полные губы Джеймса растянулись в улыбке, демонстрируя две идеальные ямочки на щеках.

— Хорошо, Изабель. Я возьму твой номер телефона, когда мы закончим здесь и сможем что-нибудь придумать. — сказал он, зашагав уверенной походкой прочь. — Работай хорошо, — он в шутку крикнул издали, одаривая меня своей лучезарной улыбкой, прежде чем завернуть за угол и исчезнуть.

Вики начала приставать ко мне с уговорами вернуться в команду по плаванию. Когда в начале января началось зачисление; я готова была вернуться в команду, лишь бы она от меня отстала. Первые два занятия были скучными, неинтересными, раньше я получала удовольствие от общения с Томом, но больше ему не разрешалось тренировать команду пловцов. Вместо него у нас была новая тренерша.

— Почему мистер Стивенс не может больше тренировать? — однажды спросила я у Вики, когда мы в раздевалке обсыхали после тренировки.

Она посмотрела на меня в изумлении — Ты шутишь? Ты не знаешь почему он не тренирует?

— Кое-что я слышала, Вики, но в начале учебного года меня не было в стране, помнишь? Я не в курсе слухов.

Она посмотрела на меня, и небрежно пожала плечами.

— Ну, мистер Стивенс не может тренировать, потому что его подозревали в незаконных отношениях с ученицами, некоторые из которых в прошлом году были в команде пловцов, — ответила она, прямо глядя на меня. — Уверена, ты знаешь об этом, так как ты была одна из тех учениц.

Пожав плечами, я напустила на себя безразличный вид.

— Да, но ничего же не доказали. Я разговаривала с полицией и сообщила, что ничего не

было. Ему не предъявили обвинений, и если он преподает в школе, почему ему нельзя тренировать? Я не совсем понимаю.

Вики отмахнулась рукой.

— Да, ему не предъявили обвинений, но теперь многие думают, что он виновен. Директор Уоррен следит за ним, поэтому он был отстранен от тренировок в бассейне.

— Интересно, — процедила я сквозь зубы. — Вот вам и не виновен, пока не доказано обратное, да?

Я пришла в ярость от мысли, что Тому запретили тренировать пловцов, я знала как ему нравилось работать с плавательной командой и знала, что его отстранение — моя вина. Это был невысказанный обвинительный вердикт и доказывало то, что все поверили подозрениям полиции. Неудивительно, что все учителя так смотрели на меня. Чудо, что Том все еще преподавал в Королевских Дубах, он должно быть знал, что думали о нем коллеги, и ловил на себе осуждающие взгляды других учителей. Оставшийся плавательный сезон у меня не было ни мотивации, ни желания, ни интереса заниматься плаванием. Мое тело толкало меня вперед, но в душе не осталось рвения заниматься спортом. Том иногда приходил на соревнования помогать с судейством и это были единственные волнующие моменты в плавании.

Так как я не виделась с Томом на тренировках, я придумала другие способы сделать это. Ситуация с Джеймсом беспокоила меня, но привела меня к одному очень важному заключению. Джеймсу было двадцать два года — почти мой ровесник и он подходил по возрасту для свиданий со мной, но рядом с ним я чувствовала себя вещью, будто у меня не было права голоса, чего я никогда не испытывала с Томом. Глаза Джеймса выдавали его непристойные мысли, и я много раз уходила пораньше из универмага чтобы заскочить домой, быстро принять душ и пойти в школу на третий урок. Я также убедилась, что в моих анкетных данных не указан мой домашний телефон, я не хотела, чтоб он добрался до меня за пределами универмага. С этих пор я держалась подальше от него во время первых двух уроков и как могла избегала встреч с ним.

Том, напротив, всегда был добрым, великодушным, и заботливым. Он был намного старше Джеймса и меня, но обращался со мной с уважением и обожанием и как с равной себе. Он никогда не запугивал меня и в его присутствии я всегда чувствовала себя комфортно и в безопасности. Общение с Джеймсом и вызванные этим эмоции подтолкнули меня к решению заново найти взаимопонимание с Томом.

Первым шагом к развитию нашего с Томом секретного общения, было то, что я по утрам стала приезжать на школьную парковку. Каждый раз появляясь там, я знала, что Том пытается заговорить со мной, пытается дать мне знать, что я не безразлична ему и самое главное, что его сердце стремится ко мне.

Во время наших финальных домашних соревнований сезона Том был официальным судьей. Вместо того, чтобы незаметно уйти после соревнований, он задержался. Я смотрела на него, гадая, что он задумал. На бетонной площадке перед бассейном оставалось несколько человек и я среди них. Я с Натали задержались у бетонных скамеек, окружающих бассейн, медленно собирая свои вещи и обсуждая куда нам пойти после соревнования. Я делала все, чтобы задержаться, было ясно, что Том пытается привлечь мое внимание.

— Давай, Изабель, ты готова? — Наконец, спросила Натали. Она надела сланцы и перекинула плавательную сумку через плечо.

Я скользнула взглядом по направлению к Тому; он стоял прямо за главными воротами

бассейна, недалеко от раздевалки для девочек.

— Конечно, — отозвалась я. — Идем.

Мы зашагали к воротам, на нас до сих пор были мокрые купальники и парки, на ходу вытирая волосы полотенцем. Я уже решила, что поеду прямо домой и приму душ там, я болтала с Натали, приглашая ее к себе домой, когда она заметила стоящего у ворот Тома.

— Ой, мистер Стивенс, как дела? — улыбаясь, обратилась она к нему. Когда Том был нашим тренером, все пловцы обожали его, но отреклись, когда началось расследование. Натали была одной из немногих девочек, кто не говорил о нем как о преступнике. — Знаете, в этом году у нас в команде пловцов обстановка хуже некуда. Вы вернетесь к нам? Теперь плавать за эту команду совсем неинтересно.

Том криво улыбнулся.

— Уверен, что все не так уж плохо, Натали. У вас есть парни, чтобы составить компанию и развеселить вас. Уверен, ты и Изабель хорошо проводите время.

Я непроизвольно улыбнулась, услышав свое имя, Том обратил свой взгляд на меня. Его глаза горели ярче обычного, от солнца его зрачки сузились, превратившись в крошечные черные точки, поглощенные морем зеленовато-коричневого спокойствия.

— Ну что? — произнес он, — как соревнование, Изабель?

Поняв, что Том проявляет интерес больше ко мне, чем к ней, Натали зашагала к раздевалке, помахав нам обоим

— Я приму душ, Из. — крикнула она, войдя внутрь. — Встретимся позже.

Мы с Томом стояли и смотрели, как она исчезает за дверью главного входа кирпичного здания. Когда она ушла, я повернулась к нему.

— Вижу твоя подружка поняла намек. — произнес Том, ближе подходя ко мне. — Натали что-то знает, или она просто торопится куда-то?

— Нет, она ничего не знает. Я покончила с привычкой делиться секретами с подругами, можешь быть уверен в этом. — Я почувствовала, как мое тело жаждет оказаться ближе к Тому, как будто сверхсильный магнит тянет меня к нему, пока, наконец, не остановилась в шаге от него. — И что ты здесь делаешь? С нашей стороны не очень-то умно разговаривать так.

Поведение Тома изменилось, он вдруг стал совершенно серьезным. Он нахмурил брови.

— Ты права, но я устал, я не могу прятаться от тебя. Я устал — месяцами — не замечать тебя. Как всегда, тебе удается это лучше чем мне. Ты так убедительно игнорируешь меня и продолжаешь жить своей жизнью. И так в этом преуспела, что мне становится плохо. Знаю, это к лучшему, но я так не могу. — В ожидании ответа, он посмотрел на меня в надежде, что я пойму его.

Я сглотнула, не зная что сказать. Слова Тома напугали меня, но в глубине души я понимала их правоту. Еще немного и могли возникнуть неприятности, ему грозила тюрьма, но когда он был поблизости, я не могла всерьез задуматься об этом. Я снова хотела вдыхать его знакомый запах, чувствовать его руки на своем теле, прижиматься щекой к волосам и ощущать прикосновение его бородки к своей коже. Это были неправильные мысли и я хорошо сознавала, что на нас смотрят.

Я прочистила горло и устала на свои худые ноги в черных сланцах.

— Я тоже соскучилась по нашему общению. — призналась я. — Я хотела написать тебе письмо, но так и не решилась. Слушай, может ты позвонишь мне домой —.

— Нет, лучше общаться с глазу на глаз, — прервал меня Том. — Ты сможешь завтра

прийти ко мне в класс перед третьим уроком? На пять минут.

Мое сердце учащенно забилося.

— Это небезопасно? Стоит ли заходить к тебе в кабинет? Что подумают люди?

— Изабель, расслабься — по голосу было ясно, что он немного расстроен. — Ничего не случится, если бы будем осторожны. У меня нет третьего урока, поэтому в классе не будет учеников. Просто зайдешь на несколько минут перед третьим уроком, сделаешь это ради меня?

Конечно, я могла это сделать ради него, ради себя, ради нас, подумала я, стараюсь убедить себя в том, что все будет в порядке. Внутренний голос кричал об опасности, но я подавила его, затем кивнула.

— Хорошо, — наконец ответила я. — Я зайду завтра.

— Здорово. — Том улыбнулся с облегчением. — Сейчас тебе лучше идти. Уверен, твои друзья ждут, когда ты отвезешь их по домам, маленький таксист. Увидимся завтра.

— Я улыбнулась в ответ и опустив голову, направилась к раздевалке.

Этой ночью мои мысли не давали мне покоя и я не сомкнула глаз, ворочаясь в кровати, в ожидании утра. Десятки вопросов роились у меня в голове: о чем таком важном хотел поговорить со мной Том, что предпочитает сделать это с глазу на глаз, а не по телефону? Не думал ли он что его телефон прослушивают? Могут ли прослушивать мой телефон? Может ли отдел полиции пойти на такие меры для того чтобы выяснить правду? Можно ли заново открыть уже закрытое дело, только потому что потерпевшая вернулась в страну? Что если полиция, с разрешения школьной администрации, установила записывающие устройства в классе Тома, так что они знают кто выходил и заходил в класс и о чем там говорили?

По спине пробежала дрожь при мысли о том, что мои самые сокровенные разговоры с Томом, записанные на пленку станут известны полиции и всем остальным. Если нас с Томом разоблачат, сердце моего отца будет разбито. Он узнает, что я, глядя прямо ему в глаза, врала об отношениях с женатым учителем. Хуже того, Тому могут предъявить обвинение и посадить в тюрьму, и тогда я потеряю его навсегда. Может мне стоит быть осторожнее, думала я, и отказаться от встречи с ним. Мое сердце страстно желало остаться наедине с Томом, заново испытать моменты, когда мы вдвоем оставались в классе, и сказала себе, что все будет хорошо.

Большую часть своих практических занятий по продажам я готовилась к встрече с Томом перед третьим уроком. Я содрала целлофан с нового товара на складе, затем прошла в парфюмерный отдел. Универмаг был закрыт до десяти утра и парфюмерный отдел был пуст.

На полках я увидела бесконечное множество флаконов странной формы в качестве образцов в ожидании покупателей. Это были «пробники», они были уже открыты и готовы к использованию. Я просмотрела каждую полку, осторожно обнюхивая крышки флаконов, привлекая мое внимание. Понюхав несколько флаконов, я решила остановить свой выбор на изящном флаконе духов с ванильным запахом. Ванильный запах не был в числе моих любимых. Но я где-то читала, что мужчины постарше хорошо относятся к аромату ванили.

Я обильно побрызгала себя духами, давая время осесть им на волосах и затылке. Когда я закончила, от моих белых, облегающих джинсов и бежевой маечки, а также волос и кожи исходил легкий и приятный ванильный запах.

Я как раз шла обратно в комнату, в которой проходили занятия, чтобы забрать свои вещи, когда из-за стеллажа с одеждой вышел Джеймс.

— Эй, Изабель, постой, — крикнул он.

Первой мыслью была то, что он видел как я побрызгалась духами, я замедлила шаг и повернулась. Прежде чем я смогла что-то сказать, он схватил меня за руку и притянул к себе. Я затаила дыхание, пораженная таким проявлением собственнического отношения ко мне в общественном и потому небезопасном месте.

— Доброе утро, принцесса, — улыбнувшись сказал он. — выглядишь так, словно ты сегодня на задании. Еле догнал тебя. Куда идешь?

— Извини, Джеймс. У меня нет времени болтать с тобой. — заикаясь ответила я, мой мозг лихорадочно придумывал ответ, пока я окинула взглядом его мужественные черты. — У нас сегодня экзамен и я хочу подготовиться перед занятиями. Думаю, меня уже ждут.

Джеймс нахмурился и отпустил мою руку. — О, хорошо. Если тебя ждут, то тогда тебе лучше идти. Удачи на экзамене, Изабель, — подмигнул он мне, демонстрируя свои ямочки на щеках.

Я кивнула, озорно улыбнувшись и пошла к эскалатору. Через пять минут выйдут ученики с занятий и ко времени, когда они покинут универмаг я хотела быть уже в пути на своей машине. Я пролетела мимо класса, собрала свои вещи и побежала к машине на парковку. Покупатели начали подъезжать, поэтому я незаметно прошла через небольшую толпу, собравшуюся у главного входа. Я открыла дверь машины, запрыгнула в нее и поспешно выехала на встречу с Томом.

***

Я замедлила шаг, приближаясь к кампусу и постаралась пригладить свои волосы. Если я опоздаю в класс Тома, я меньше времени проведу с ним, а я не хочу терять ни секунды нашего с ним времени. И я никак не могла опоздать на третий урок. Из-за скандала каждый учитель теперь знал меня и мне не хотелось, чтобы кто-то из них допытывался о причине моего опоздания. Каждое опоздание может вызвать предположения, а предположения — вопросы, которые для меня и Тома могут вылиться в неприятности.

Я также не хотела, чтобы видели как я несусь по кампусу, это могло вызвать подозрения. Я балансировала на грани, помня о подстерегающей меня опасности с обеих сторон.

Моя нервы были на пределе когда я зашагала, как ни в чем не бывало, к классу Тома. Я шла быстрым беззаботным шагом, надеясь, что выгляжу как любая ученица старшей школы, идущая на третий урок. В вестибюле, как обычно, было полно народу, пока я не повернула направо. Я дошла до тяжелой металлической двери классного кабинета Тома, на секунду остановившись, чтоб подготовиться к тому, что ждало меня впереди и повернула ручку двери. Я приоткрыла дверь настолько, чтобы пройти в нее и юркнула внутрь. Я тихо закрыла за собой дверь.

К моему удивлению класс Тома был совершенно пуст. Я сделал несколько шагов в темноту комнаты и тихо позвала.

— Ау? Здесь есть кто-нибудь?

Нет ответа.

Я снова позвала уже погромче.

— Кто-нибудь? Ау?

Тишина.

Я судорожно сглотнула. Драгоценной время уходило. Том передумал? Это ловушка? Он ушел или у него неприятности? По моим подсчетам у меня оставалось четыре минуты, до того как мне необходимо будет пойти в другой конец кампуса на третий урок. Оставалось

немного времени и было только одно место, которое я еще не осмотрела. Я повернулась и смело зашагала в темноту, выставив вперед руки, продвигаясь в темноте.

Оказавшись внутри, в нос ударил знакомый запах химикатов и меня захлестнули эмоции. Темная каморка с ее запахом химикатов была особенно дорога для меня: здесь начались наши отношения с Томом и прошли первые романтические встречи. Именно здесь все началось, и этот запах всегда будет напоминать мне об этом.

Вдруг кто-то нежно обхватил мою руку. Застигнутая врасплох, испуганная, и не зная кто это я тихо охнула.

— Это я, Изабель. Не бойся. Мы совсем одни. Знакомый шепот Тома прозвучал нежно. Он протянул руки и близко притянул к себе, его сильные руки обвили мое тело, его лицо зарылось в мои волосы, его губы над моим ухом нежно целовали меня. Грудью я чувствовала биение его сердца, и трудно было понять чье сердце бьется быстрее. Я старалась, но была не в состоянии справиться с наплывом эмоций внутри себя, и слезы потекли по моему лицу.

Дрожащим голосом я прошептала в ухо Тому.

— Я все еще люблю тебя Том.

При этих словах Том сильнее сжал меня в объятиях. Затем он потянулся за моей правой рукой, которая обхватила его спину. Он осторожно притянул ее к груди и положил к себе на сердце, положив свою руку на мою. Я чувствовала ладонью биение его сердца.

Его теплое дыхание согревало мне ухо.

— Я знаю, дорогая, знаю. Все будет хорошо.

Том обхватил мое лицо руками и нежно меня поцеловал, его губы мягко скользили по моему рту. Мои губы тут же ответили, и я полностью сосредоточилась на ощущениях, которое вызывало во мне тело Тома. Я хотела, чтобы этот момент длился вечно. Это было словно во сне, во сне, от которого не хотелось просыпаться, и впервые с возвращения в Калифорнию, я почувствовала, что, наконец, вернулась домой.

Глава 16. Что бы ни случилось.

Спустя несколько дней, когда я стояла у нашего с Лиз шкафчика, Том подошел ко мне. У меня был четвертый урок и я спросила у учителя разрешение выйти из класса чтобы забрать домашнее задание, оставленное в шкафчике. Когда Том появился возле меня, я стояла одна в безлюдном коридоре, недалеко от класса.

— Привет, — скромно поприветствовал он.

— Привет, — ответила я, обыскивая шкафчик. — Я оставила свое задание здесь, а оно мне нужно на уроке.

— Тогда мне повезло.

Я не могла удержаться от улыбки. — Ты знаешь, что мы стоим прямо напротив кабинета директора?

— Да, знаю, поскольку мы упомянули директора Уоррена, угадай, что он сказал мне, когда узнал о твоём возвращении в Королевские Дубы?

— Нет, и что же он сказал?

— Сказал, что не хочет меня видеть ближе чем на 50 шагов от тебя — сказал он прозаично.

— Что? Ты серьезно? Почему ты раньше не сказал мне об этом? Хочешь, чтоб сейчас тебя застукали?

— Изабель, — терпеливо сказал Том, — Уоррен ничего не может сделать мне. Он просто хочет, чтоб я не расслаблялся. Так или иначе, меня не в чем обвинить, пока мы

просто разговариваем. Давай облегчим себе задачу. Ты мне дашь свой новый номер, и мы сможем общаться по телефону как раньше. Тебе не придется все время волноваться, а я перестану постоянно высматривать тебя из класса и придумывать поводы, чтобы выйти из кабинета и поговорить с тобой. И перестанем переживать, что нас застукают.

Я кивнула.

— Ты прав. Так будет лучше. — Я достала из шкафчика ручку и начала на клочке бумаге записывать свой номер.

— Нет. — остановил меня Том, вытянув руку. — Просто назови номер, я запомню. Не хочу, чтобы видели как ты мне что-то даешь.

— Хорошо, но ты запомнишь?

— Изабель, все что касается тебя врезается в мою память раз и навсегда.

Краснея, я выпалила свой номер.

— Запомнил?

Он кивнул.

— Сохранил в памяти. — Он искоса осмотрелся по сторонам. — Ничего, если я позвоню сегодня вечером?

— Конечно, — сказала я. — Звони в любое время, но придумай имя на случай, если на звонок ответят родители или брат. Только не Джон, ладно. Мама до сих пор переживает, что я отшила тебя.

— Разумно, леди. — сказал Том с улыбкой на лице.

Я закрыла свой шкафчик, держа задание в руке. — Мне нужно идти. Поговорим позже?

— Конечно, Изабель. Позвоню сегодня вечером.

Я поскакала назад в класс, не в состоянии сдерживать свое волнение. Казалось, вот оно нужное решение. В конце концов, мы хотим только поговорить, что в этом такого?

Том, как и обещал, позвонил мне домой этим вечером, в то время когда я после ужина шла к себе в спальню.

— Изабель! Изабель, тебе звонят, — крикнула мама их кухни.

Я побежала в зал и схватила радиотелефон.

— Мам, спасибо. — крикнула я в ответ, забегая в комнату. — Можешь положить трубку на кухне.

Я закрыла дверь спальни и поднесла трубку к уху, ожидая услышать щелчок параллельного телефона. Когда он прозвучал, я выдохнула и откашлялась.

— Алло? — сказала я, стараясь говорить обычным тоном.

— Привет, — услышала я глубокий голос на том конце провода. — Рад, что застал тебя. У меня есть примерно двадцать минут, пока не придет Даниель.

У меня тут же испортилось настроение при упоминании имени его жены. Том редко говорил о своей жене, но когда упоминал ее, моя жизнерадостная натура изменяла мне под натиском суровой действительности. Я напомнила себе, что ничего не происходит, мы просто разговариваем. Ничего похожего на то, что было раньше. Я делала все, чтобы преодолеть свою ревность, стараясь сосредоточиться на разговоре с Томом.

— Спасибо за то, что на днях зашла в мой класс. — начал он, понизив голос. — Было так здорово, снова чувствовать тебя в своих руках. Я забыл, как вкусно ты пахнешь, какие у тебя губы. Я не хотел отпускать тебя.

— Я знаю, — зашептала я. — Жаль, что не могу навсегда остаться в твоих объятиях. Но нам не стоит говорить об этом сейчас.

Повисла небольшая пауза, затем он спросил.

— Какие у тебя планы на выходные на День памяти?

— Мой дядя приезжает из Чили и родители берут его в Йосемити (национальный парк, расположенный в Калифорнии), ответила я — Они уезжают в пятницу и думаю, что приедут днем в понедельник.

Том засмеялся.

— Это либо совпадение, либо звезды благоволят нам. Даниель тоже берет детей в Йосемити на выходные. Она едет с нашими друзьями и их детьми. Они уезжают в четверг и возвращаются ночью в понедельник. Я сказал, что не смогу поехать, слишком много домашних заданий на проверку. Похоже, что мы могли бы вместе провести время.

Я села на кровать, отбрасывая прядь мокрых волос. Мысль что я проведу время наедине с Томом одновременно возбуждала и пугала меня. Не безумие ли это, невзирая на очевидный риск, так быстро вернуться к тому, что мы прервали. Я любила его и я знала, что хочу быть с ним. Но стоит ли подвергать себя опасности? Мы оба рисковали и ради чего?

— Том, я — начала я, решив положить этому конец, прежде чем что-то произойдет.

Он ждал, что я скажу. Когда я ничего не произнесла, он откашлялся и проговорил

— Да, Изабель?

Я глубоко вдохнула затем заговорила

— Думаю, хорошая ли это идея, вот и все. Мы так рискуем и мы...

— Изабель, я не могу жить без тебя, — поспешно оборвал он меня. — Не хочу жить без тебя. Я люблю тебя. И я готов рисковать, чтобы быть с тобой. Ну, вот и все. — Он на секунду замолчал, затем продолжил. — Хочешь ли ты рискнуть вместе со мной или я прошу слишком много?

Я сглотнула и в согласии молчаливо кивнула. Он готов рисковать всем ради меня. Самое меньшее, что я могу сделать, учитывая как сильно мы любим друг друга, это тоже рискнуть ради него.

— Я бы сделала все, чтобы быть с тобой. — прошептала я, вкладывая в слова душу и сердце.

— Хорошо, — сказал он, его голос смягчился. — Тогда договорились. Поскольку мы одни, скажи почему прошлым летом, после того как я вернулся из похода, ты перестала отвечать на мои звонки. — Его голос снова посерьезнел. — И почему ты даже не соизволила попрощаться со мной, когда уехала в Чили. Я думал ты ненавидишь меня и это разбило мне сердце.

— Том, это не потому, что ты сделал что-то не так. — сказала я. — Поверь мне. Я многое пережила до отъезда и эмоции не так повлияли на мою способность думать. Я даже написала тебе длинное письмо из Чили, все объясняя, но так и не отправила его. Я написала его незадолго до звонка полиции и решила, что это плохая идея отправить его тебе в школу после, ты знаешь, инцидента. Поэтому я его просто выкинула.

— При мысли что ты даже не попрощалась со мной, я сходил с ума. — сказал Том, таким голосом, что это напугало меня и согрело мое сердце. — В любом случае, мы можем поговорить об этом позже. Давай встретимся в субботу, скажем днем? Как тебе такой вариант?

— Конечно, — ответила я. — Будет здорово снова оказаться с тобой наедине. Сейчас с машиной мне будет легче сделать это. Где ты хочешь встретиться?

Повисла пауза.

— Если честно, я бы хотел, чтобы ты приехала ко мне. — сказал Том. — Здесь будет намного удобней, чем наверху в горах. Что думаешь?

При мысли, что я встречу с ним у него дома, в котором он жил с женой и детьми, кровь ударила мне в голову и у меня закружилась голова. Я не могла поверить, что он предлагает мне встретиться у него дома. Кроме того, это опасно.

— Ты действительно думаешь, это здравая мысль? — Спросила я, с волнением. — Это же твой дом. Что скажут соседи, если увидят как я захожу к тебе в дом, когда жены нет в городе?

Том хмыкнул. — Изабель, не волнуйся. Просто приезжай. Мы посидим, пару часов пообнимаемся на диване и наверху оставим упущенное. Вот и все. Ты слишком беспокоишься.

— Извини, ничего не могу поделать с этим. — Я сделала глубокий вдох и сказала. — Отлично. Я подъеду к тебе в субботу. А сейчас тебе лучше идти.

— Спокойной ночи, — прошептал Том.

— Спокойно ночи, — нежно ответила я. Я положила трубку и на моем лице расплылась широкая, довольная улыбка.

— Подожди минутку, — оборвала Лиз, в раздражении, поднимая руку вверх. — Так ты да или нет?

Я сидела в спальне Лиз на ее широкой кровати, обнимая ее большую подушку. Был вечер субботы, мое randevu с Томом только что закончилось. В том, что я была с мужчиной постарше было что-то волшебное, что-то возбуждающее и запретное. Рассказывая об этом Лиз, я поняла что произошедшее было даже более волнительным. И я сразу же примчалась сюда из его дома. Все волнения, сомнения и вину, которые я испытывала по поводу отношений с женатым мужчиной разбились и исчезли когда я рассказала об этом Лиз. Кроме того, пересказывая ей, я начинала верить в то, что это реальность, а не фантазия. Я могла бы все придумать, если б об этом знала только я. Если же об этом знает еще она, то тогда это становилось действительностью. Я знала, что мне не стоит рассказывать ей, но не могла остановиться.

Я сжала подушку в руках и приглушила смех облаком из перьев.

— Что? — хитро спросила я. Не можешь сказать?

Лиз подпрыгнула на кровати и выхватила подушку из моих рук.

— Давай, Изабель, скажи! Ты еще девственница или нет?

— Ну, трудно сказать, — призналась я. — На самом деле у нас не было секса. Но кое-что определенно произошло.

Лиз выглядела так, словно вот-вот лопнет от нетерпения.

— Хочу знать все с самого начала, — потребовала она. — Чем вы ребята занимались? Ты была у него в постели? Расскажи все сначала?

— Ладно. — Я замолчала, чтоб привести в порядок мысли. — Я припарковалась в квартале от его дома, не хотелось, чтоб его соседи увидели незнакомую машину рядом с его домом. Я подошла к крыльцу и постучала в дверь. Через несколько минут он мне открыл и пустил в дом. Он провел меня прямо к дивану в зале, и сразу же сказал то, во что я до сих пор не могу поверить... ну, не знаю, правда ли это...

— Что, Изабель? Что он сказал?

— Ну, ты знаешь, как я нервничаю по поводу потери девственности и как я боюсь заниматься сексом из-за боязни забеременеть и того, что родители убьют меня?

— Да и что? А кто нет?

— Судя по всему, несколько недель назад Том решил сделать вазэктомию. То есть своей жене он сказал, это из-за того, что не хочет больше иметь детей, но мне он сказал, что пошел на это ради меня.

(прим. Вазэктоми́я (лат. Vas — сосуд, проток + эктомия) — хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыносящих протоков (лат. Vas deferens) у мужчин (самцов). Эта операция приводит к стерильности (неспособности иметь потомство) при сохранении половых функций. У мужчины (самца) после вазэктомии сохраняется половое поведение: либидо, эрекция, эякуляция.).

Лиз начала смеяться.

— Ты шутить? Что это значит?

— Сказал, что не хочет, чтоб я так сильно волновалась. Я объяснила, что не хочу спать с ним пока не буду готова и пока не буду уверена, что это безопасно... ты понимаешь, буду знать что не забеременею. Ну, он воспринял это серьезно. Как бы то ни было, может он просто говорит так, может его заставила жена сделать это, чтобы самой не забеременеть. Ты знаешь, парни могут сказать все что угодно, лишь бы переспать и не знаешь наверняка, правда это или нет. Думаю, что он все-таки пошел на это, сделал операцию, правда не знаю по какой причине. В любом случае, какая разница? Это не важно.

— Ладно. Давай, выкладывай самое интересное — нетерпеливо произнесла Лиз.

— Затем Том отлучился на минутку, я воспользовалась возможностью осмотреться. У него красивый дом. Он небольшой, но уютный. Первое, что я хотела увидеть это его фотографии, фотографии его жены и детей. Веришь, их не было?

— Может он убрал их, зная что тебе будет неприятно, — предположила Лиз. — Или может быть они не держат их на виду.

— Я думала у него, по любому, должны быть фото. Он же ведет уроки фотографии. Ну, может ты права, наверное, он убрал их из-за меня. Разумеется, я не собиралась спрашивать почему нет ни одной фотографии. В любом случае, Том вернулся и мы вместе устроились на диване. Я чувствовала себя как-то странно, полностью в уединенной обстановке. Много раз, я думала, как кто-то может подъехать и увидеть нас голыми в грузовике или кто-то может открыть дверь, когда мы в классе или взять телефон, когда мы разговариваем. В этот раз, было похоже, что никто нам не сможет помешать. Ладно, на самом деле, я боялась, что его жена могла что-то забыть, вернуться домой и увидеть нас на диване.

Лиз захихикала.

— Было бы фигово. Наверное, Том думал о том же самом.

— На самом деле, казалось он совершенно спокоен. — ответила я. — Меня удивляет, что он так легко это воспринимает. Не знаю, как это объяснить. Впрочем, он всегда спокойный и невозмутимый. Такой он по характеру. Так или иначе, он сел на диван и казалось чувствовал себя вполне комфортно, держа меня в объятиях. Мы немного поговорили о тем о сем, и затем стали ласкать друг друга. Сначала мы целовались, сидя на диване, а потом я даже не поняла как, мы уже лежали голые на диване, и извивались...

— Что значит извивались? Он был наверху или ты? Давай, не упускай детали, Изабель!

Я замолчала, вспоминая события дня. Я знала, что многое утаила и рассказала ей только половину, но я не хотела рассказывать ей все. Часть меня хотела сохранить секрет, разделить любимые моменты только вдвоем с Томом. — Слушай, Лиз, мы многое делали и это было невероятно. Но это было в первый раз, и я не хочу вдаваться в детали. Хочу сохранить кое-что в секрете, понимаешь? Я посмотрела на нее, надеясь на ее понимание.

Глаза Лиз немного потускнели, а лицо помрачнело.

— Да, понимаю, — медленно ответила она. — Наверное, это не очень хорошая мысль посвящать меня во все. На случай, если полиция начнет пытаться меня, чтоб получить информацию! — Завизжала она и засмеялась, кинув в меня подушкой. — Я не верю, что у вас было что-то еще кроме поцелуев.

Я покачала головой в задумчивости.

— Если честно, у нас не зашло дальше этого. Мы пытались...знаешь... но не получилось. Он, наконец оставил попытки, и сказал, что я еще не готова. Ты не представляешь, как я была расстроена и смущена, Лиз. То есть умственно и психологически я была готова, я хотела этого, я хотела чтоб он был тем самым, ты понимаешь, но мое тело отвергло его. Клянусь, никогда не думала, что это будет так трудно заниматься сексом. Все же, я просила его попытаться еще раз и даже сказала, что это не так больно, но думаю, он все понял, прекратил попытки и просто удерживал меня в объятиях. Он сказал, что хочет, чтоб я была готова и что мы попытаемся в другой раз, он не хочет причинить мне боль.

— Это все? — Разочарованно спросила Лиз.

Я пожала плечами.

— Мы оделись и я сказала, что я должна ехать домой. Я была так смущена, я просто хотела уехать. Он хотел прижать к себе, целовать меня, держать в объятиях, но я так была расстроена, что хотела просто уйти. Похоже, мое тело подвело меня.

Лиз нахмурилась.

— Изабель, не суди себя строго. Не переживай. Спорим, в следующий раз будет легче. Помнишь, я рассказывала как было больно, когда у нас Брэдом первый раз был секс? Как нам пришлось пробовать несколько раз? В следующий раз все получится, вот увидишь. Скажи, когда ты встречаешься с ним?

— Он предложил провести следующую ночь с ним. — ответила я. — Это наша единственная возможность провести вместе ночь, так как мои родители и его жена возвращаются в понедельник. Мы хотим попробовать еще раз. Лиз я люблю его, и знаю, что не хочу терять девственность с кем-то другим. Надеюсь, что в следующий раз будет не так больно.

— Не беспокойся, Изабель. Тебе нужно расслабиться, хорошо? Когда завтра ночью будешь с ним, тебе нужно расслабить свое тело и не думать ни о чем. Тогда будет не так больно.

— Я просто скажу брату, что проведу ночь в твоём доме, — сказала я ей. — Ему все равно, у него полно своих дел. Просто в случае, если он позвонит, что навряд ли, просто ответь на звонок и скажи, что я в душе или что-нибудь в этом роде.

— Заметано, — отозвалась Лиз. Она схватила меня за руку и пристально посмотрела на меня. — Слушай, завтра это случится. Не переживай — тебе нужно просто расслабиться и освободить ум и тело.

Завтра будет моя ночь, я была уверена в этом. Я была готова на все, чтобы ночь оказалась не только приятной, но и запомин

Глава 17. Необыкновенная любовь

День воскресенья тянулся бесконечно долго. Весенние дни стали длиннее и солнце не садилось раньше восьми часов вечера. Я с осторожностью держала в руке бокал красного вина, которое мои родители оставили в открытой бутылке на кухонном столе. Вряд ли они заметят, что в бутылке стало чуть меньше вина. Как чилийка я с детства привыкла видеть

этот напиток за обеденным столом. Я начала пить вино с четырнадцати лет на каникулах или семейных торжествах. Я любила мягкое, терпкое вино за тепло, которое растекалось по телу. Я подумала, что вино поможет мне расслабиться.

Я осушила бокал, налила в него воды и затем села на диван. На мне была самая удобная одежда — серые спортивные штаны и старая футболка — за последние несколько недель я не чувствовала себя так расслабленно как сейчас. Скоро должен позвонить Том и дать знать, что можно ехать к нему домой, я была готова к наступлению ночи.

Как только зазвонил телефон, я схватила трубку.

— Алло?

— Ты занята? — услышала я глубокий голос на том конце провода.

— Не совсем, — ответила я, широко улыбаясь. — У тебя были планы?

— На самом деле, я подумал, может быть, ты сможешь заехать и провести ночь здесь — Шутливо произнес Том. — Что ты думаешь?

Том всегда получал удовольствие, заигрывая со мной. Вместо того чтобы сказать «Все в порядке, можешь приезжать» он вел себя так, будто ничего не было спланировано заранее. Ему нравилась думать, что мы действуем по обстановке, спонтанно.

— Ммм. Хорошая мысль. — тихо прошептала я в трубку. — Думаю, что готова к этому. Но должна предупредить, на мне спортивные штаны и футболка.

— Дорогая, приходи в чем есть.

— Хорошо, буду через десять минут.

Когда я положила трубку и встала, то почувствовала легкое головокружение. Я поняла, что если хочу добраться до Тома в целости и сохранности, мне, как минимум, нужно протрезветь. Я сходила на кухню за вторым стаканом воды, почистила зубы, побрызгалась духами, расчесала волосы, и нанесла немного вазелина на губы. Когда я была готова, я почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы проехать несколько миль по городу. Я взяла ключи, проверила все двери и направилась к своей машине.

Я доехала к Тому без каких-либо происшествий и в этот раз припарковалась прямо на его улице. Когда я подошла к передней двери Тома, я увидела, что весь дом, кроме крыльца, погружен в темноту. Я тихонько постучалась и стала ждать. Дул легкий ветерок, но ночь была теплая. В воздухе я уловила запах жасмина.

Пока я ждала, я осмотрела свою одежду. Штаны? Подумала я. Что со мной не так? Женщины в любовных романах не соблазняют мужчин в спортивных штанах и футболках! Я не придавала этому значение, когда уходила из дома, и даже если бы обратила внимание, то не смогла бы появиться перед дверью женатого мужчины в пеньюаре или нижнем белье от Victoria's Secret. Штаны вполне себе ничего, отметут любые подозрения, заверила я себя. Хотя я все еще переживала, что любопытные соседи могут увидеть меня на крыльце его дома. Я попыталась успокоиться и подумать о том, что ждет меня впереди, когда я войду в дом.

Дверь со скрипом открылась, и Том появился в слабом свете, который, по-видимому, отбрасывали мерцающие свечи. Он протянул мне руку.

— Давай, Изабель, пока никто не видит, — пробормотал он.

Держа меня за руку, Том проводил меня в слабо освещенный зал. Запах его свежесмытых волос напомнил мне о том, как мы первый раз обнимались и по моему телу пробежала дрожь. Он с тревогой посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты готова лечь в кровать?

— Конечно, — прошептала я, надеясь, что достаточно хорошо почистила зубы, чтобы заглушить запах вина в своем дыхании.

Том кивнул и повел меня к лестнице. Я удивилась, я думала, что мы продолжим на диване в зале. Я попыталась представить себя с Томом на кровати, на которой он спит с женой и не смогла. Я удивилась, что для него это было вполне приемлемо.

Когда мы, наконец, поднялись наверх по лестнице, покрытой ковровой дорожкой, из открытой спальни лился мерцающий свет, освещая маленький коридор. Еще свечи, отметила я. Слева от меня находилась дверь, на которой белыми гвоздиками были прибиты две яркие деревянные таблички с именами: Нелл и Эрин. Спальня его дочерей. Я оглянулась назад, ощущая первый укол вины.

Том повел меня в спальню, и я быстро огляделась вокруг. Единственным источником света в комнате была свеча, стоящая на комодике прямо напротив кровати. Не было никаких фотографий, сувениров, и даже картин на стенах. Убрал ли все это Том? В стене над кроватью находилось прямоугольное окно, прикрытое белой занавеской. Занавеска была приоткрыта, пропуская лучи мягкого света. Лунный свет окутывал кровать нежным романтическим светом.

— Я так рад, что ты здесь, Изабель, — зашептал Том. Он взял меня за руки и усадил рядом с собой. Я ничего не ответила и он медленно погладил мои волосы. — Не знаю, что случилось в Чили, но я счастлив, что ты снова здесь, в моих руках.

— На самом деле не очень хочется говорить о Чили, — сказала я, избегая его взгляда. Ладонью я чувствовала прохладу мятой простыни и заметила на ковре следы от пылесоса. — Ты должен знать, я вела себя неосмотрительно с друзьями, из-за этого вмешалась полиция, но я никогда, никогда не хотела, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это.

Том медленно потянулся ко мне, наши тела встретились и через мгновения мы уже лежали на кровати, прильнув друг к другу. Том будто впервые пробовал мои губы на вкус, его теплый язык скользил у меня во рту, нежно играя с моим языком. Том переместился с губ на шею, и когда настало время стащить футболку, он остановился.

— Изабель, уверена, что готова? — спросил он. — Ты действительно уверена, что хочешь этого? Мне нужно знать, что ты приняла решение не под давлением и это именно то, что ты хочешь.

— Я хочу этого больше всего на свете, — заверила я его. — Я полностью готова к этому. Я хочу быть с тобой. Никто на меня не давит, я делаю это, потому что хочу.

Этих слов было достаточно. Я потеряла счет времени, пока Том исследовал мое тело своим ртом и нежными пальцами. Почти половину времени он провел, занимаясь со мной любовью влажными губами и мокрым языком. Я жаждала чувствовать его тело на своем, готовая на все что он пожелает. Казалось, прошла вечность, прежде чем Том уселся на кровать и потянулся к небольшому ящику тумбочки. Я проследила за его движением, когда он достал белый тюбик. Открутив маленькую крышку, он выдавил небольшое количество прозрачного геля себе на указательный палец.

— Это смазка, — сказал Том, закрыл тюбик и положил его обратно в тумбочку, затем снова занял место рядом со мной на кровати. Указательным пальцем он осторожно втер гель там внизу. — Надеюсь, это чуть облегчит тебе боль. Меньше всего я хочу навредить тебе.

— Послушай, неважно как, но первый раз будет больно, — заговорила я. — Мне просто нужно вытерпеть это. Просто будь нежнее. После первого раза все будет замечательно. А

сейчас не беспокойся обо мне. Если будет слишком плохо, я дам тебе знать.

Том снова начал целовать меня, сначала нежно, затем более страстно. После нескольких минут страстных поцелуев я почувствовала, как Том трется об меня, уже скользкую от геля. Легкое давление его органа на мою кожу сводило меня с ума и он продолжал дразнить меня, до тех пор пока я не потеряла контроль. Мне необходимо ощутить его внутри себя, иначе я взорвусь от желания. Тело Тома начало медленно проникать в меня. Хотя я чувствовала знакомую боль, она была не такой уж острой. Мои внутренности все еще сжимались и пытались воспротивиться вторжению, но каждый толчок дарил мне приятное ощущение, которое постепенно вытеснило боль, которую я испытывала.

Я двигалась вместе с Томом, чувствуя, как он с каждым толчком продвигается внутрь и давление, похожее на то, что я ощущала вчера, стало нарастать. Затем я почувствовала как мои внутренности полностью разорвались, и давление сменилось на обжигающую боль, пока Том проникал в меня все глубже и глубже. Боль захлестнула меня и я прикусила губу, чтобы не крикнуть. Я молча терпела. Мне нужно испытать боль, чтоб потом испытать наслаждение, сейчас или никогда.

— Изабель, ты в порядке? Замедляя движения, спросил Том. — Мне остановиться? Тебе очень больно?

— Все хорошо. — Выдохнула я. Несмотря на боль я хотела, чтоб он наконец испытал оргазм, и мое тело смогло отдохнуть и оправиться. — Не останавливайся, продолжай дальше.

Выкрикивая мое имя, Том достиг разрядки, хотя мое тело было измучено от боли, и первого проникновения, я радовалась тому, что Том впервые со мной испытал оргазм. Теплая волна пробежала по моему телу и несмотря на то, что физически я не испытала оргазм, я испытала эмоциональное наслаждение, которого у меня никогда не было раньше.

Я нежно обняла Тома, лежащего на мне. Он нежно целовал меня и поглаживал мне волосы. В этот самый момент, я поняла, что хочу обнимать этого мужчину все жизнь. Я не хотела отпускать его, и хотела лежать так вечно. Это был самый дорогой, самый интимный момент, который я когда-либо делила с другим человеком, и хотя боль была неопишуемой, я пребывала в состоянии абсолютного блаженства.

Глава 18. Сладкое подчинение

Мой мирный сон прервал рассвет, о котором возвестила красивая, бледно-желтая заря. Не приснилось ли мне все это? Мое тело приятно побаливало, я поняла, что Том лежал рядом, прижавшись ко мне. Я не могла поверить в это. Здесь, лежа на супружеской кровати с женатым мужчиной, я с удовольствием вспоминала, как я потеряла девственность с мужчиной, которого люблю. Я обняла теплое тело Тома, наслаждаясь моментом и понимая что скоро нам придется расстаться. Пальцами я начала накручивать его русые локоны, в попытке разбудить его.

— Который час? — полусонный, прошептал он, — Мы не опаздываем в школу?

Посмотрев на старинные часы, висевшие на стене рядом с кроватью, я ответила.

— Сейчас только пять тридцать, у нас пока есть время.

Том крепко обнял меня.

— Изабель, жаль, что это не может длиться вечно. Хочу держать тебя в своих объятиях, до самой смерти.

Он начал страстно целовать меня; наши тела перекатились с одной стороны кровати на другую, и прежде чем я что-то поняла, мы уже занимались любовью второй раз. Мое

познавшее секс тело уже, казалось, откликалось на Тома менее болезненно, и с каждым толчком я чувствовала все меньше боли и больше удовольствия. Заниматься любовью было не совсем приятно, но мое тело испытывало что-то новое, что-то волнующее, чего я раньше не ощущала. Будто моя чувствительность сначала была отключена, а через несколько мгновений ее включили, и она громко о себе заявила, послав по телу вибрацию. Том продолжал вонзаться глубже, ускоряя темп, пока я не могла больше сдерживаться. Именно это Лиз имела в виду, когда говорила что секс это невероятно приятно?

Как только Том получил разрядку, я испытала абсолютное удовольствие, не только Том, занимаясь со мной любовью, испытал наслаждение, но и я позволила себе расслабиться и отдаться приятным ощущениям. Я была уверена, что следующие разы, занимаясь со мной любовью, Том доставит мне удовольствие так, как не сможет ни один другой мужчина.

После этого он остался лежать на мне, нежно целуя меня, губами лаская мои губы. Я согрелась от любви и страсти и чувствовала искреннюю, глубокую связь между нами. Том и я слились в одно целое и мы были им. Как только он приподнялся и скатился с меня чтобы встать с кровати, меня сразу же охватила грусть и одиночество. Настало время расстаться и ехать домой. Моя любовь была невозможной и могла существовать только вдали от людских глаз, как в романах Джоанны Линдсей.

Как только мы встали с постели и полностью оделись — я снова в спортивные штаны и футболку, Том в свои джинсы и темно-серую рубашку поло — он обнял меня на прощанье. Мы стояли вместе, готовясь встретиться с миром, я уткнулась лицом в грудь Тома.

— С тобой все в порядке? — зашептал Том мне в ухо.

То как он спросил меня о моем состоянии, заставило меня покраснеть и осознать то, что он всем сердцем волновался за меня. Пытаясь скрыть свой сонный голос я сказала,

— Да мне хорошо. Немножечко болит, но это того стоило.

Том хмыкнул.

— Это действительно твой первый раз?

Я отпрянула, чувствуя как во мне нарастает обида.

— Ты серьезно? На самом деле? Ты что думаешь, что я просто так сказала, что я девственница? Зачем мне это? Ты что не понял, что я девственница? Я не кричала от боли только потому, что не хотела пугать тебя и не хотела чтоб ты останавливался.

— Изабель, я не утверждаю, что ты врешь мне, — быстро проговорил Том. — Просто в это трудно поверить, что такая сексуальная и уверенная девушка как ты до сих пор девственница. Должно быть, к тебе выстроилась очередь из парней, желающих попытать счастья с тобой, а ты выбрала меня, чтоб я был первым? Не пойми меня неправильно, я польщен. Я надеюсь, тебе было приятно, потому что я как мог был осторожен.

— Если ты не был уверен на все сто процентов, что я девственница, то почему занимался со мной любовью без защиты? — Потребовала я, чувствуя себя преданной и смущенной. Ты сделал вазэктомию, поэтому я не забеременею, но как насчет заболеваний передающихся половым путем, таких как СПИД? Ты не думал об этом? Я охнула, внезапно понимая, что мне тоже следовало подумать об этом раньше. Я немного знала о венерических заболеваниях, но знала как легко он передаются, и кто знает, что делала его жена вне дома? Доверял ли он ей, если быть честной? Доверяла ли я ей, если быть честной? Не подвергла ли я себя опасности своей наивной доверчивостью? Я снова взглянула на Тома, задумываясь над тем, как я еще подвергла себя риску и надула губы.

Том протянул руки и обхватил меня, так что мог смотреть мне в глаза,

— Изабель, я доверяю тебе. Уверен, многие девчонки обманывают парней насчет своей девственности. Но знаешь, что? Я верю тебе, Изабель. Все что я делаю, с момента когда встретил тебя- это рискую. Рискую своею семьей, карьерой... Я все бросаю к твоим ногам. Прошлая ночь была огромным риском для нас обоих, но ничего не случится потому что мы доверяем друг другу. Ты тоже доверяешь мне, правда, Изабель? Ты веришь, что я сделал вазэктомию не так ли? Ты веришь, что ты в безопасности?

Как всегда, я смягчилась под воздействием гипнотических чар Тома. Он знал, что сказать и когда сказать. Я не могла удержаться от улыбки и мои плечи расслабились.

— Да, я верю, — ответила я. — С твоей стороны будет глупо, если ты наврал мне об этом, последнее что тебе нужно это шестнадцатилетняя девчонка, которая ждет от тебя ребенка. Я доверяю тебе.

Том обнял меня и зашептал в ухо,

— Изабель, не знаю как можно любить тебя больше, чем я люблю сейчас.

Я потянулась и поцеловала Тома в шею.

— Ты не представляешь как мне хотелось бы спать с тобой каждую ночь. Я всем сердцем люблю тебя Том.

Том и я поцеловались на прощание у двери, затем он быстро проводил меня к машине. Казалось, он целенаправленно переходит улицу. Я увидела как он что-то схватил из под дворников на лобовом стекле и засунул в свой карман.

— Что это было? Что ты положил себе в карман? — нервно спросила я.

— Ничего, Изабель, не беспокойся, — торопливо ответил он. — Это штраф за парковку. Здесь в районе нельзя оставлять машину на целую ночь. Не переживай, я позабочусь об этом.

— Почему ты не предупредил меня? Я бы припарковалась в другом месте. — ответила я. — Дай мне квитанцию. Я оплачу ее. Пожалуйста? Ты дашь мне квитанцию? Ты не должен оплачивать ее.

— Изабель, ты ничего не будешь платить, — твердо произнес Том. — Веди машину осторожно, хорошо? Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Я села в машину, не отводя взгляда от Тома в зеркале заднего вида. Оглянувшись на машину, он зашел в дом, на его лице играла довольная улыбка.

Глава 19. В искушении.

— Доброе утро, Изабель? Как настроение сегодня? — спросил меня Джеймс, когда я, опоздав на десять минут, проходила через главный вход универмага. После того как я уехала от Тома, я постаралась управиться быстрее, но задержалась в душе, позволив своему утомленному телу понежиться под струями горячей водой. Я невероятно устала и чувствовала себя так словно совсем не спала в эту ночь.

Когда я зашла в универмаг, я почувствовала себя неловко, будто каждый, находящийся здесь, человек откуда-то знал, что я больше не девственница, будто во мне что-то совершенно переменилось. Могут ли парни замечать такие вещи, глядя на девчонок?

— Привет, Джеймс. Замечательно, — тихим, уставшим голосом ответила я. — Мне сразу пойти вниз на склад? Где я тебе нужна?

— Пошли со мной, Изабель, — сказал Джеймс, положив руку мне на поясницу, слегка подталкивая вперед. — Пойдем в женский отдел, поможешь разобраться с новой партией одежды.

Мы шли, рядом Джеймс и я, вниз по вновь сверкающему мраморному коридору к концу

универмага, где находился женский отдел. Каждый шаг напоминал мне о ночи с Томом; мои внутренности все еще побаливали. Когда мы наконец дошли до павильона, где нам предстояло работать, я заметила, что вокруг нас никого нет.

— Джеймс? А где все? Нам что, никто не поможет?

Джеймс уже начал раскладывать одежду на демонстрационный стеллаж, за раз перекидывая своими сильными руками от десяти до пятнадцати платьев из складской тележки на стеллаж. Его мышцы бугрились под идеально облегающей рубашкой поло и его ноги передвигались под сильно облегающими синими джинсами, которые так хорошо подчеркивали его зад.

— Я всех отослал на склад вниз, вчера ночью прибыла партия товара. Они будут работать там все утро. А что? Ты хочешь, чтоб я поменял тебя на кого-то другого? — Спросил Джеймс, не отрываясь от работы.

— Нет, просто интересуюсь где все, только и всего.

Джеймс аккуратно держа маленькие черные коктейльные платья в руке, возвышался надо мной. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал,

— здесь никого нет, лучше если мне поможешь ты. Это даст мне возможность что-нибудь выведать и получше узнать тебя. В любом случае, эта работа полегче, подумал ты оценишь это.

— Ты, очень мил, Джеймс, спасибо, — нехотя отозвалась я, продолжая разбирать коктейльные платья, вытаскивая из тележки по два за раз, и укладывая их на блестящий стеллаж. — Я признательна тебе, я чувствую себя уставшей, и меньше всего мне сейчас хочется работать на складе.

Джеймс ускорил процесс, за раз хватая в охапку, наверное, по двадцать пять платьев. Работая, он не переставал проявлять любопытство и задавал различные вопросы, среди которых иногда проскальзывали и вопросы личного характера. Мы развешивали одежду и приводили в порядок стойки с вешалками где-то час, пока не подошла к концу моя смена, пришло время отметить время ухода с работы и ехать в школу на третий урок.

— Пора заканчивать, Изабель. Я отмечу тебя позже. Разреши проводить тебя до машины. — Джеймс толкнул обшарпанную складскую тележку в угол павильона и зашагал рядом со мной.

— Джеймс, ты уверен? — спросила я. — Я могу отметить и поехать на занятия. Тебе необязательно провожать меня до машины.-

— Ты пытаешься избавиться от меня? Я просто хочу поговорить с тобой минутку на улице, все в порядке? — Спросил Джеймс с выражением легкой озабоченности на лица.

Немного поколебавшись, я ответила

— Хорошо, но я тороплюсь.-

Как только мы дошли до моей машины, припаркованной у входа в универмаг, Джеймс открыл для меня дверцу автомобиля. Я почувствовала, как теплый ветерок сдувает волосы с моего лица. Как только я села на водительское место, Джеймс вытащил из кармана клочок бумаги и небрежно вручил его мне.

— Это мой номер, Изабель, позвони когда захочешь. Я не хотел давать его в магазине, ты же знаешь как быстро расходятся слухи среди детей старшей школы. Твоя практика закончится примерно через две недели, и я хочу быть уверен, что мы не прервем наше общение, после того как ты перестанешь появляться здесь по утрам. Почему бы тебе не написать свой номер, и я позвоню тебе? — робко спросил он, взмахивая своими густыми

ресницами.

Пытаясь быстрее покончить с неприятным разговором со своим куратором, я оторвала небольшой кусочек бумаги, который он мне только что дал, и записала на нем свой номер телефона. Я вручила ему белый клочок бумажки.

— Вот, Джеймс. А сейчас мне действительно пора, иначе я опоздаю на занятия.-

Джеймс осторожно закрыл дверь, я включила зажигание. Рукой он облокотился на дверцу с открытым окном, и уставился прямо в мои глаза.

— Я позвоню тебе, Изабель, может быть встретимся и сходим куда-нибудь. — Он был так близко от меня, что я чувствовала запах его одеколona «Аква де Джо». От него исходил свежий, мужской, тем не менее тонкий аромат — который сводил меня с ума.

— Ладно, звони когда захочешь. Увидимся завтра, Джеймс. — весело произнесла я и поехала в школу.

— Изабель! Тебя звонят! — Крикнула мама из своего кабинета.

Сидя с комфортом на кожаном диване и уставившись в телевизор, я крикнула во все горло,

— Кто это, мамуль?

— Некто по имени Джеймс! Можешь взять телефон, пожалуйста? Я очень занята и у меня нет времени работать твоим секретарем! — крикнула в ответ мама в раздражении на мою медлительность.

Услышав имя Джеймс из маминого кабинета, я тут же вскочила с дивана и схватила с углового столика радиотелефон, всего лишь в шаге от места, где я развалилась.

— Алло?

Неуверенный, но тем не менее глубокий голос отозвался

— Привет, Изабель? Как дела?

— Хорошо, просто смотрю телевизор. Что случилось?

Джеймс откашлялся,

— Ну, я просто подумал, раз обучение по продажам официально закончилось на прошлой неделе, нам теперь будет удобно общаться.

— Джеймс, ты ведь женишься примерно через две недели? — шутливо напомнила я ему.

Я услышала как Джеймс тихо усмехнулся.

— Да, у меня будет свадьба ровно через две недели, считая с субботы, поэтому хотел узнать можем ли мы встретиться до этого. Дело в том, что я думаю ты действительно классная девчонка. Я просто хочу провести время с тобой, пока у меня есть такая возможность. Ты готова к этому?

То, что Джеймс проявлял ко мне интерес льстило мне, потому что каждая девчонка на занятиях по розничным продажам хотела этого парня. Я каким-то образом вызвала его интерес к себе, и хотя Том полностью владел моим сердцем, я не была готова упустить такую возможность. В конце концов, я шестнадцатилетняя девушка, которая недавно открыла для себя силу женских чар.

— Да, конечно. Можем встретиться, если хочешь. Какие предложения?

Прошло несколько секунд, пока Джеймс прочистил горло и пробормотал неловко,

— Ну, вообще-то, я не знаю. Я не подумал об этом. Есть какие-нибудь мысли?

Не раздумывая, я выпалила,

— Что если мы встретимся завтра днем. Занятия заканчиваются в три, в шесть я иду на

церемонию вручения аттестатов, у меня есть друзья среди выпускников. Почему бы не встретиться в три тридцать в горах ненадолго?

— В горах? — спросил Джеймс. — Что ты имеешь в виду? В каких горах?

Мы с друзьями обычно гуляем и выпиваем там. Оно довольно секретное, почему бы не встретиться внизу у подножия и вместе поехать наверх?

— Как эти слова могли сорваться с моих губ. Я сошла с ума?

— Классно, — уверенно ответил он, — Просто скажи где тебя встретить и я буду там.-

Хотя я почувствовала угрызения совести, из-за того что предложила дорогое для меня место, где я с Томом пережила самые интимные моменты, но не смогла дать задний ход. Поэтому, объяснила дорогу Джеймсу.

— Хорошо, Изабель, я знаю где это. Тебе лучше не кидать меня, — насмешливо произнес Том.

В зал, где сидела я, неожиданно зашел отец, и в надежде быстрее завершить разговор я сказала,

— Не беспокойся, я буду там. Сейчас мне нужно бежать. Увидимся завтра, хорошо?

— Хорошо, сладких снов, Изабель!

— Спасибо, тебе тоже. Спокойной ночи.-

Уткнувшись головой в подушку, я так и не смогла сомкнуть глаз этой ночью. Снова и снова я терзалась из-за того, что предложила для встречи с Джеймсом заветное местечко. Если Том узнает на что я согласилась, и что собираюсь замутить с кем-то, его сердце будет разбито. Как я могла сделать это? Что не осталось других мест для встречи с Джеймсом? Еще больше волновал вопрос, почему я вообще согласилась встретиться с парнем, который вот-вот женится? Мне что мало своих тайных отношений с женатым учителем, который вдвое старше меня?

Всю эту бессонную ночь я думала только о предстоящей встрече с Джеймсом и моей неверности Тому. Меня стало охватывать отчаяние и я захотела отменить встречу с Джеймсом, потому что это не могло привести ни к чему хорошему, кроме как к большей безответственности с моей стороны. Меня захлестнуло чувство вины и за двадцать часов до того как вступить, во что-то похожее на адюльтер, я ужаснулась тому что может произойдет между мной и Джеймсом. Мое беспокойство было связано не только с невестой Джеймса, я чувствовала вину за возможную неверность Тому. Это будет не банальное randevu, какое у меня было с Райаном в Европе; многое поменялось с тех пор.

У нас с Томом были серьезные, взрослые отношения; мы регулярно занимались любовью, и более того мы доверяли друг другу. И все же, в этот момент, лежа без сна в своей двуспальной кровати и терзаемая мыслью о предстоящей измене, что-то прояснилось в голове и меня внезапно осенило. Том спал с другой женщиной на кровати, где я потеряла девственность! По сути, он был неверен мне, потому что спал со своей женой. Казалось, Тома никогда не беспокоил тот факт, что каждый раз, ложась с женой, он изменяет мне, так почему я должна мучиться из-за возможного поцелуя с другим парнем. Это было несправедливо.

Том, что перестал заниматься любовью со своей женой, из-за того что занимается любовью со мной? Конечно же нет! Я так сильно расстроилась, представив как Том, занимается любовью с другой женщиной, что убедила себя в том, что отношения с Джеймсом это абсолютно нормально. Мне необязательно чувствовать себя хорошо за то, что у меня возможно будет с ним, но не было никакой причины чувствовать за собой вину. В

мои намерения не входило причинить боль Тому, но я хотела, чтоб он испытал ту же ревность и боль что и я.

Когда я подъехала, Джеймс уже припарковался на пыльной стоянке. Меня задержал Том, остановившись у моего шкафчика, поговорить со мной. Он хотел убедиться, что увидится со мной позже на церемонии вручения аттестатов и более того, хотел знать смогу ли я после этого провести с ним еще тридцать минут. К сожалению, мне пришлось отказать Тому, потому что я уже запланировала погулять с Лиз после церемонии и переночевать у нее дома. Том был разочарован но заверил, что просто увидеть меня на церемонии будет достаточно чтобы пережить выходные.

В своих коротеньких, джинсовых шортиках и кремовой облегающей маечке с V-образным вырезом, которая слегка открывала мою развитую грудь тем, кто возвышался надо мной, я шла обычным шагом от своей машины к небольшой спортивной машине Джеймса. Джеймс ничем не походил на Тома, и он также не проявлял терпение Тома. Вместо того, чтобы ждать меня в своей машине, Джеймс расхаживал вокруг своей спортивной машины, когда я подъехала на пустую стоянку. Узнав мою машину, он остановился и подождал пока я припаркуюсь и подойду к нему. В облегающих джинсах, которые подчеркивали его идеальной формы зад, за который он был известен, он был похож на римского воина, сильного и гордого. Джеймс, казалось, всегда продуманно принимал позу и сегодня не было исключения.

— Привет, — улыбнулась я, подходя к нему.

Джеймс посмотрел на меня и улыбнулся, демонстрируя идеально ровные и белые зубы. — Ну, ты готова ехать, Изабель?

— Да, ты поведешь или я?-

Джеймс подошел к двери с пассажирской стороны и открыл ее для меня, дожидаясь пока я удобно устроюсь в глубоком кожаном сиденье чтобы закрыть дверь. Когда Джеймс прошел от моей двери к своей, я невольно задалась вопросом, когда его невеста сидела на этом месте в последний раз. Он подбросил ее до дома, а затем подъехал сюда на встречу со мной? Мои мысли перескакивали с невесты Джеймса к Тому. Что если Том проедет мимо и увидит мою припаркованную у подножия гор машину? О чем он подумает? Что он скажет? Нужно было мне вести машину. Том живет в минутах езды от дороги, ведущей к горам и возможно он будет ехать домой и проедет мимо парковки, так? Если это случится, Том узнает мою машину и поймет что к чему. От сознания того, что Том выяснит, что я буду в нашем заветном убежище в горах с другим парнем по моему телу побежали мурашки и я почувствовала что стала бледной как привидение.

Джеймс внезапно прервал мои мысли

— Ей, Изабель, Ты сегодня слышала о О. Джей. Симпсоне?

В голове у меня спутались все мысли.

— Не знаю, — ответила я с безразличием. — О чем ты говоришь?

Джеймс продолжил ехать по извилистой дороге, он вел резко и быстро будто хотел выиграть время. Время от времени, кидая на меня взгляды, он продолжил,

— О.Джей Симпсон. Это передавали сегодня по всем новостям. Прошлой ночью его бывшую жену и ее друга убили в Брентвуде. По-видимому, полицейские думают что их убил О.Джей в порыве гнева. С ума сойти!-

Я не понимала важности этих событий

— Кто такой О.Джей Симпсон? — Спросила я наивно.

Сделав резкий поворот, Джеймс недоверчиво посмотрел на меня

— Ты что шутишь? Ты не знаешь кто такой О. Джей? Он легенда футбола.

— О, я не слежу за спортом, — чувствуя себя не так глупо, я продолжила — хотя я знаю всех известных футболистов таких, как Пеле и Марадону.

— Нет, это не европейский футбол, я говорю об американском футболе. О.Джей был известным футбольным игроком. Он миллионер, — Джеймс сделал ударение на последнем слове.

Все еще невзволнованная новостью я сказала,

— О, хорошо. Это серьезное дело убить свою бывшую жену и ее друга. Думаю вот в чем дело. Я была в школе, поэтому еще не слышала об этом.

— Что ж, это будет громкое дело, уверен в этом. О.Джей довольно заметная фигура в мире спорта, а его жена из состоятельной семьи, они не успокоятся пока О.Джея не повесят за убийства.

Выступая в роли адвоката дьявола, я должна была спросить,

— Может это сделал не он. Ты знаешь, копы известны тем, что ложно обвиняют представителей меньшинств, особенно в Лос-Анджелесе.

Джеймс и я вели разговор еще примерно двадцать минут, пока он, наконец, не показал на смотровую площадку

— Итак, Изабель, нам остановиться там? Я не хочу ехать вечность, я же знаю тебе нужно будет уехать через час или около того.

Я кивнула, соглашаясь.

— Конечно, можем остановиться там. — Я с облегчением выдохнула, поняв, что мы проехали пыльную тропинку, которая вела в тенистое, зеленое местечко, где мы с Томом часами проводили время и наслаждались друг другом, занимаясь любовью. Джеймс остановился у традиционной смотровой площадки, которая была достаточно большой. Я первая открыла дверь, затем и Джеймс. Мы шли на расстоянии друг от друга по направлению к смотровой площадке. Джеймс и я стояли на краю, и смотрели на туманную долину, расстилающуюся внизу. Мы оба молчали и я догадывалась, что он также нервничал как и я. Поблизости шелестела зеленая листва на деревьях от теплого слабого ветерка. Запах земли и растений напомнил мне о Томе и времени, проведенном с ним в горах. Что я здесь делаю с этим парнем? Спросила я себя. Я до сих пор не совсем ясно представляла что будет дальше. Чувствуя неловкость, я спросила, — Который час, Джеймс?

Джеймс вместо того чтобы ответить, поднял руку чтобы показать время на часах на своей руке. Будто ведомая каким-то незнакомым агрессивным инстинктом, я схватила его за запястье и посмотрела на него. Должно быть, в устремленном на него взгляде он прочитал «Поцелуй меня прямо сейчас!» так как рот Джеймса впился в мои губы. Мысли завертелись вихрем в моей голове, когда я почувствовала, что его язык неуклюже исследует мой рот. Это происходит наяву?

Я что, действительно стою на края пропасти в объятиях этого парня, который является моим бывшим куратором и собирается скоро жениться? Дрожь, которая пробежала по моему телу подтвердила, что все эти невероятные события происходят в действительности. Джеймс целовал меня со страстью, но неуклюже. Его языку было не место у меня во рту, его губы были твердыми и жесткими, а не мягкими и расслабленными как у Тома. И его руки в напряжении исследовали все изгибы моего тела.

Я сразу же поняла, что мне не нравится происходящее у нас с Джеймсом, не хотелось ни

целоваться ни обниматься. Мои губы не столько подстраивались под его, сколько отвергали, мой язык не действовал в тандеме с его, а препятствовал вторжению, и мои руки непроизвольно не исследовали его тело с нежностью, а наоборот вяло и неподвижно веселили по бокам.

Джеймс должно быть заметил отсутствие интереса, потому что после попытки продолжить поцелуй, он медленно отстранился и посмотрел вниз на долину.

Я хотела как можно скорее покончить с этой ситуацией. — Нам нужно ехать, Джеймс. Мне нужно ехать домой и принять душ до церемонии вручения сегодня. Я не хочу опоздать. У меня много близких друзей, оканчивающих школу и после сегодняшнего вечера я могу их больше не увидеть.

— Я думал ты только в предпоследнем классе? — спросил Джеймс, озадаченный моим упорством прибыть на церемонию вовремя.

— Сегодня я не буду получать аттестат, мне еще год учиться, но у меня друзья выпускники и я хочу увидеть как им вручают аттестаты.

Джеймс ничего не ответил, он просто прошел к своей машине и завел машину. Я быстро последовала за ним и села рядом с ним. Я не знала, пострадало ли это Джеймса или у него было плохое настроение из-за того что он рассчитывал провести больше времени со мной, но с момента как мы сели в машину и до того как он высадил меня на стоянке, мы не обменялись ни словом. Вместо этого, Джеймс включил радио и слушал новости о деле О.Джея, которое абсолютно было неинтересно мне. У подножия горы я торопливо открыла дверь чтоб как можно скорее выйти из машины. Он грубо схватил меня за руку и сказал

— Как же поцелуй на прощанье?

Если это единственная возможность поскорее сбежать, пусть будет так. Перед тем как выйти из машины, я дотянулась до него, выдавила улыбку, затем прикоснулась губами к его губам. Джеймс не удовлетворился легким прикосновением, левой рукой он сильно обхватил меня за затылок и заставил открыть рот своим настойчивым языком. Я отчаянно толкнулась языком у него во рту затем с трудом высвободилась.

— Мне нужно идти. Увидимся позже. — Сказала я, поспешно, выпрыгивая из машины.

К счастью для меня, Джеймс не вышел из машины, а просто подождал когда я выберусь из нее. Отпустив окно с пассажирской стороны, он крикнул,

— Пока, Изабель! Позже я позвоню.

Джеймс сдержал свое обещание. В течение двух недель до дня свадьбы, он звонил ко мне домой почти каждый день, но я была недоступна Джеймсу, сказав маме, что я больше не отвечаю на его звонки. К моей радости, не было никакого совпадения в том, что начиная со дня свадьбы Джеймс перестал мне звонить.

Глава 20. Как в раю.

Вскоре Том и я вернулись к нашему обычному графику. Мы встречались в кафешке на южной дороге или в местной библиотеке, или на рынке на окраине, и вместе ехали к горам.

Я все больше и больше влюблялась в него, я сумела избавиться от чувства вины и беспокойства за ситуацию. Я также смогла поверить в то, что Том и его жена были просто соседями по дому, о чем я могла судить по его рассказам.

— Если честно, я не люблю ее больше, — сказал он мне однажды, когда мы ехали в гору. — Жаль, что она не даст мне развода, я просил, но она отказалась. Не знаю, что делать с этим. Если бы не девочки, я бы просто ушел.-

Я кивнула, стараясь не думать о том, что у него дома есть жена и дети. Мы старались не

говорить о них, так как это портило нам настроение, но Лиз расспрашивала о них достаточно часто. Если он так сильно любил и хотел меня, почему он до сих пор с ней? Почему они до сих пор спят в одной кровати? Почему он так усердно старается, чтоб она оставалась в неведении относительно его истинных чувств?

— Не думаешь, что было бы лучше, если бы ты поговорил с ней об этом? — Спросила я спокойно. — То есть сказать, что ты не любишь ее больше. Естественно, ей не захочется оставаться замужем за тем, кто не любит ее?-

Том подъехал к близлежащей парковке и заглушил мотор, повернувшись ко мне.

— Ты что, недовольна? — спокойно спросил он. — Тебя не устраивает, нынешнее положение дел? Ты же знаешь, что мы не можем быть вместе, Изабель, даже если бы я был не женат. Пока тебе не исполнится восемнадцать и даже тогда это будет вызывать осуждение. Тот факт, что я женат дает мне прикрытие, ты же понимаешь это. Это значит, что меня меньше подозревают. — Он замолчал и одарил меня одной из своих очаровательных улыбкой. — Я счастливо женат и у меня двое детей. С какой стати мне связываться с ученицей?

Я изобразила улыбку, зная что он хотел успокоить меня, но что-то в моем сердце дало трещину. Он шутил, но в шутке было слишком много правды, чтобы быть по настоящему смешной. Его шутка была слишком близка к реальности и я не видела ничего веселого в ней.

— Даниель не чуткая и нежная. Она совершенно другая... Она для меня как соседка по комнате. Изабель, для меня есть и была только ты. Ты же знаешь, что никого кроме тебя нет, — сказал Том спокойно, когда припарковался в нашем секретном месте, под навесом, вдали от основной извилистой дороги. Я кивнула, уповая на то, что он говорит правду и позволила усадить себя к нему на колени. В скором времени я забыла обо всем.

Предпоследний класс обучения закончился, и в начале лета я с облегчением вздохнула. Теперь у меня была возможность больше времени проводить с Томом, и меньше времени на людях. Однажды июньским днем, моя мама встретила меня на подъездной дорожке. Я возвращалась от дома Тома и еще издалека заметила ее у сада перед домом, так что она не застала меня врасплох. Но то что у нее было, вырвало меня из приятных грез.

В руках она держала пачку конвертов и, подскочив ко мне, прокричала чтоб я вылезала из машины. Она сердито смотрела на меня, ее грудь вздымалась под идеально сидевшем пиджаком.

— Что с тобой не так? У тебя есть чувство ответственности?

— Что такое, Ма? О чем ты говоришь? — спросила я, глядя на конверты в ее руках. Что она обнаружила? Я была невнимательна и забыла убрать некоторые письма? Мои глаза снова вернулись к ее лицу, испугавшись того, что могу увидеть там.

Мама помахала конвертом перед моим лицом.

— Ты собиралась сказать о штрафе за парковку, Изабель? Ты думала все само собой уладится? Скажи когда и где ты получила штраф?

Штраф за парковку! С той самой ночи у дома Тома! Том обещал решить этот вопрос. Он забыл?

Ложь с легкостью слетела с моего языка.

— Нет, мамуль, не сходи с ума, ничего страшного, я не хотела говорить потому что это всего лишь штраф за парковку. Когда вы уехали в Йосемити, я ночевала у Лиз и не знала, что нельзя парковаться на улице в ее районе. И когда приехала домой, то увидела штрафной талон на лобовом стекле. Я пошла на почту. Оплатила штраф и отправила квитанцию об

оплате вместе со штрафным талоном по почте. Клянусь. Я оплатила его. Не знаю, зачем они прислали извещение, если я уже оплатила его.

Моя мама дала мне сложенную бумагу с требованием об оплате.

— Нам бы не прислали это, если бы ты оплатила штраф. Сейчас тебя оштрафовали за неуплату. В следующий раз ты получишь на карманные расходы на пятьдесят долларов меньше, слышишь меня?

— Ладно, мамуль, хорошо. Обещаю, что буду ответственной. Может я неправильно оформила квитанцию об оплате. Я первый раз заполняла ее. Не знаю.-

Мама повернулась и зашагала к крыльцу. Она оглянулась и сказала,

— Изабель в следующий раз, когда получишь штраф, скажи мне!-

— Да, мамуль, — крикнула я, когда она исчезла за дверью.

Я слишком была смущена, чтобы звонить Тому и расспрашивать его о штрафном талоне, который месяц назад он выхватил с моего лобового стекла. Я просто почувствовала облегчение, что мама не вчитывалась в талон, и не обнаружила, что он был выписан в другой части города, далеко от того места где жила Лиз. Глубоко внутри, я почувствовала облегчение от того, что это был штраф за парковку, а не любовные письма от Тома.

Глава 21. По нашему мнению, это конец света.

После нескольких лет тайных встреч, вранья, измен, желания, ревности, близости за несколько недель до окончания школы, развязка моей тайной любовной связи с Томом была неожиданно жестокой.

— Изабель, мне нужно поговорить с тобой, — Нервно прошептал Том мне на ухо. Он стоял рядом со мной, пока я копалась в шкафчике. — Это Даниэль вчера ночью подняла трубку, когда мы с тобой разговаривали. Она заметила, что я среди ночи вышел в гараж с радиотелефоном, подняла трубку и услышала твой голос. Не знаю, услышала ли она больше того, в чем готова признаться, но было достаточно неприятно.

Тому не было необходимости разьяснять, что случилось, я сама пришла к такому выводу, после того, как прошлой ночью услышала щелчок во время телефонного разговора. Последний год обучения для нас прошел так гладко, без каких либо потрясений, слухов, тревог или помех. Никто в школе, кроме Лиз не знал о том, что происходит между мной и Томом. И мы без проблем продолжали видеться за пределами школы. Просто мы были очень осторожны. После того как мне исполнилось семнадцать, Том почувствовал себя более комфортно в наших отношениях. Он сказал, что я почти совершеннолетняя, и что вскоре ему не придется больше беспокоиться.

Он никогда не говорил о том, что уйдет от жены, но я перестала думать об этом и начала обдумывать варианты для себя. Мое тело за прошлый год созрело, мои изгибы стали более женственными. Мои бедра округлились, грудь стала полнее, а лицо более точеным. Я стала выщипывать брови пинцетом и даже осветлять пряди своих длинных каштановых волос в медовый цвет. В это время на меня стали заглядываться другие мужчины, у меня уже были планы этим летом поступить в колледж. Не то, чтобы я больше не любила его, но я поняла, что он, возможно, не последний мужчина в моей жизни. И я была не готова всю жизнь держаться за него, понимая, что ситуация дома навряд ли изменится.

Я, в какой-то степени, была рада тому, что его жена подняла трубку. Думаю, настало время поговорить и решить что делать дальше. Правда, не прямо сейчас, когда я шла на урок. Обсуждать с Томом в таком людном месте, как коридор школы, последствия наших неосмотрительных действий было последним что я хотела. На самом деле я решила, во

чтобы то ни стало, игнорировать его. Я поговорила с Лиз об этой ситуации и уже решила, что это будет переломным моментом. Он был прав; я почти совершеннолетняя, и не было причин больше скрывать от всех наши отношения. Это был подходящий случай, и для него настало время поступить по мужски. Я собиралась порвать с ним, и решила покончить с этим сегодня, если он не согласится уйти от жены и перейти на новый уровень в наших отношениях. Я не ждала, что ему легко дастся это решение, но я устала играть вторую скрипку и постоянно прятаться.

— Я действительно не могу, Том, — пробормотала я. — До окончания школы нужно многое сделать и я не хочу вмешиваться в твои дела с женой. — Я отступила от него на шаг. — Выглядит так, будто тебя застукали и теперь тебе нужно принять трудное решение. Это твой шанс воспользоваться случаем. — Я в ожидании посмотрела на него, чтобы до него дошел смысл моих слов.

— Изабель, пожалуйста, не отдаляйся от меня сейчас, — сказал он, шагнув ко мне. — Теперь, когда ты больше всего мне нужна.-

— Послушай, — начала я, — Тебе не нужно больше скрываться, также как и мне. Пришло время решить, что ты будешь делать дальше. Ты любишь меня или свою жену? Если ты беспокоишься о своем браке и хочешь сохранить его, то я не буду вмешиваться. Если ты больше заботишься обо мне, то мы можем поговорить. — Всю ночь я думала о сложившейся ситуации. Я не могла заснуть после того, как Том неожиданно повесил трубку и я знала, что это будет переломным моментом в наших отношениях.

Всю ночь я не сомкнула глаз и вспоминала все годы любви, боли, ревности, волнений, разочарований и надежды, что когда-нибудь мы будем вместе с Томом не скрываясь от людей. В течение нескольких лет, я наивно надеялась, что Том будет любить меня достаточно сильно, чтобы уйти от жены и взять обязательства за меня, возможно, после окончания школы. Но я начала думать, что этого никогда не случится, и то, как он скрывал наши отношения от жены, было тому доказательством. Почувствовав уверенность, я смогла, наконец, сказать то, что так долго держала в себе.

Том в изумлении уставился на меня. Морщинки вокруг глаз стали глубже, и его карие глаза уже не светились от радости, а потускнели от переживания и усталости. Уголки его губ опустились в разочаровании и замешательстве.

— Изабель, просто дай мне час, мне нужно поговорить с тобой наедине, — сказал он. — Пожалуйста. Это все о чем я прошу. Я не знаю что мне делать, я еще не думал об этом. Но я должен поговорить с тобой. — Его голос был расстроен и тревога в его глазах надрывала мне сердце. Он выглядел таким уставшим и отчаявшимся, его голос и манеры утратили присущее ему очарование. Мое сердце на минуту смягчилось, когда я попыталась вспомнить того мужчину, которого я любила. Я совершила ошибку? Я не могла понять. Не слишком ли резко я отреагировала?

Затем я вспомнила разговор с Лиз этим утром и решимость вернулась ко мне. Это то, что мне нужно сделать, напомнила я себе. Для меня это к лучшему. Прежде чем ответить, я сделала глубокий вдох, стараясь чтобы мой голос не дрожал.

— Нет, Том, говорить больше не о чем. Мне жаль, но я приняла решение. Вскоре я поступаю в колледж, твоя жена догадывается о тебе, и между нами все кончено. Либо ты что-то меняешь, либо нет, Если нет...

Я смолкла, но и так все было понятно, в конце концов, он будет со мной или с ней. Закрыв расшатавшуюся дверцу своего шкафчика, я повернулась спиной к мужчине, которого

любила и зашагала прочь так быстро как только могла. К тому времени когда я дошла до другого конца кампуса, слезы бесконтрольно катились по моим щекам. Комната отдыха для девочек в конце коридора будет моим укрытием; темная, холодная комната будет свидетелем моего отчаянного состояния.

Каким-то образом я умудрилась провести остаток дня в школе и не столкнуться с Томом. Затаившись, я ходила на все уроки, избегая его стороны кампуса. Я попросила Лиз, высматривать его, когда мы были вместе, и предупредить меня если тот окажется поблизости. Когда прозвенел последний звонок, я быстро прошла к своему шкафчику. Краем глаза я посматривала на него, когда рылась в своих вещах, и видела как он прощается со своими учениками. Когда он повернулся в мою сторону, я захлопнула шкафчик и практически побежала по заполненному коридору, через стоянку, к своей машине.

Машину я вела на автопилоте. Когда я остановилась у светофора, в квартале от своего дома, я заметала как большой грузовик, тащится за мной, я присмотрелась внимательнее. Сидя за рулем, я не обращала внимание на машины вокруг меня, и увидев машину Тома я чуть не съехала с дороги. Как я и предполагала, за рулем был он, и выглядел он невероятно расстроенным. Мое сердце учащенно забилося. Я не верила в то, что он случайно едет в моем направлении, Я знала, что домой ему надо ехать противоположном направлении и что в этой части города у него нет друзей.

Красная стрелка светофора поменялась на зеленый, я повернула и поехала по узкой улице. Позади меня, Том сделал поворот и вплотную поехал за мной. О чем он думал? Я запаниковала, поняв, что он собирается ехать за мной до дома. Я не могла допустить, чтоб он подъехал к моему дому, мои родители начнут задавать слишком много вопросов. Я надавила на акселератор и поехала вперед, пытаясь оторваться от Тома, но он продолжил меня преследовать.

Я снова бросила взгляд на зеркало заднего вида, обдумывая варианты. В своем стремлении поговорить, Том явно намеревался ехать за мной всю дорогу. Я не думала, что у меня большой выбор, он всем рисковал, чтоб поговорить со мной. Однажды он уже попался, и очевидно уже не боялся быть снова пойманным. Мне нужно играть по его правилам, по крайней мере сегодня днем. В груди громко стучало сердце, я, наконец, приняла решение и сбавила скорость, уезжая из своего района. Мне нужно найти нейтральную территорию, где Том сможет припарковаться и поговорить со мной.

Я поехала к соседнему городку, где встречалась с Томом, когда у нас не было времени встречаться у гор. Том, должно быть, понял куда я еду, потому что добавил газу и обогнал меня. К тому времени когда я вырулила на пустую аллею, он уже припарковал свой грузовик и ждал меня, прислонившись к пассажирской двери. Я взглянула на него, затем проехала по пустынной дороге. Когда-то я доверилась ему, но сегодняшнее поведение нервировало меня, и я не знала, что он задумал.

Я проехала вперед и остановилась, глядя как он быстро идет к пассажирской двери моей машины. Я никогда не видела, чтоб он так быстро передвигался или был так агрессивен. В его глазах горел яркий лихорадочный огонь. Он не выглядел как мужчина, которого я так долго любила. Он открыл дверь и запрыгнул на сиденье рядом со мной, заблокировав дверь. Как будто закрытой двери было недостаточно для того чтобы напугать меня, он протянул руку и заблокировал дверь с моей стороны. Я в замешательстве посмотрела на него. Он задумал удерживать меня в заложницах или что? Что вселилось в этого мужчину? За три года, что мы любили друг друга, он никогда физически не угрожал и

не запугивал меня. Но сегодня, в его глазах было отчаяние и его жесты, в первый раз, были дерганые и непривычные для меня.

Его слова подтвердили эту мысль.

— Изабель, пожалуйста, посмотри на меня. Ты не можешь это сделать! Ты не можешь просто решить, что все кончено! — Он замолчал и закрыл глаза, стараясь справиться со своим голосом — Так не делается. Ты моя жизнь и я не могу потерять тебя так.-

Его глаза выжгли дыру в моем сердце, мое тело затвердело. Я не могла ни говорить с ним, ни смотреть ему в лицо, и я не хотела видеть сожаление в его глазах. Я знала, что это причинит ему боль, но не думала что это будет так эмоционально. И не думала, что это также, причинит боль мне. Внезапно он потянулся к моему лицу и схватил меня за подбородок. Он поднял мое лицо так, что наши глаза встретились.

— Изабель, пожалуйста, посмотри на меня! — Я перевела дыхание, чтобы успокоиться и посмотрела на него. Я начала говорить медленно, надеясь, что он справится со своим гневом и услышит то, что я скажу.

— Том, тебе нужно успокоиться и выслушать меня. Так дальше не может продолжаться. Я не хочу быть больше на вторых ролях, и я не собираюсь разрушать твой брак. Это не моя проблема. Я больше не выдержу! Ты можешь это понять? Какие тебе еще нужны шансы? Твоя жена не знает? Как ты можешь продолжать врать ей, надеясь выйти сухим из воды? Ты думал, мы всегда будем вместе, что я всегда готова быть на заднем сиденье вашего брака? Я просто... Я не выдержу больше этого. Мне слишком больно. Мне жаль. — В его движениях что-то поменялось, он ослабил крепкую хватку на моем подбородке и во взгляде исчезло замешательство. Его голос приобрел очаровательные, обволакивающие нотки, которые я так хорошо знала.

— Я разговаривал с Даниэль сегодня и убедил ее в том, что ты одна из моих учениц, позвонившая по личной проблеме, — сказал Том. — Даниэль не услышала ничего криминального, она просто услышала женский голос и я повесил трубку. Поэтому у нее нет настоящих доказательств. Тебе не нужно беспокоиться. В любом случае, я убедил ее, что все невинно...что я просто пытаюсь помочь одной своей ученице. Поэтому не о чем беспокоиться, Изабель, ты ничего не разрушила! Верь мне. Все хорошо, уверяю тебя. Ты не можешь бросить меня сейчас. Пожалуйста, Изабель, ты для меня всё.

— Но этого недостаточно, — мой голос дрожал. — Это означает, что ты по-прежнему пытаешься уладить проблемы с ней, по-прежнему пытаешься скрыть меня от всех, я не вынесу этого больше. Может мне не приходило это в голову раньше, но после вчерашней ночи, у меня открылись глаза. Я не могу больше участвовать в этом, это несправедливо ко мне. — Я выпрямилась, надеясь не изменить своему намерению. Я все уже решила, напомнила я себе. Для меня это было правильно и я должна защитить себя. Я должна, наконец, сделать то, что правильно для Изабель, и не поддаться на его уговоры продолжить эти отношения.

— Изабель, мне нужно сказать тебе кое-что, — сказал Том напряженно, — Нужно, чтоб ты знала, почему я женился. Это не то о чем ты думаешь. Я никогда не говорил тебе. Потому что мне стыдно и я не хотел, чтоб ты думала обо мне хуже. Я сделал предложение Даниэль в ночь, которую даже не помню. В то время я принимал много алкоголя и наркотиков. Мы были так молоды и я был глуп, делая глупые вещи. Но я никогда не любил ее, и не люблю сейчас. Это было самым глупым поступком в моей жизни. Когда на следующий день я проснулся, у меня не хватило смелости отменить помолвку и свадьбу. Я струсил тогда, и

всегда сожалел об этом. Я не люблю ее, Изабель. Когда я говорю, что я люблю только тебя, я говорю это от чистого сердца. Я люблю тебя. Все просто. Ты та, кого я ждал всю свою жизнь и я не могу отпустить тебя, Изабель. Ты нужна мне.

В голове завертелись мысли. Я не знала что думать. Неужели он выдумал это, чтоб удержать меня? Он в таком отчаянье? Невозможно было представить, что он принимал наркотики или даже пил. Мысль о том, что Том принимал наркотики расстроила меня и это лишило меня решительности.

— Изабель, — зашептал Том, — ты единственная, кто придает смысл моей жизни. Я не хотел иметь детей. Я не хотел свадьбы, которая все-таки состоялась. Я несчастен и несвободен. Но я не знаю смогу ли я оставить ее или детей. Пожалуйста, ты должна понять как мне тяжело.

Я не уверена, увидел ли Том боль в моем взгляде, но печаль во мне сменилась на смятение. Я четко сказала, что ему нужно сделать чтобы остаться со мной, а он отказывался услышать это. Неужели он думал, что он может гнуть свою линию, игнорируя это. Уговаривать меня продолжить с ним отношения, которые зашли в тупик? Если он так думал, то он был неправ. Сейчас я была сильной, и после сегодняшнего дня, я чувствовала себя эмоционально сильнее его. Я начала отстраняться от него, пытаюсь найти способы выставить его из машины. Том продолжал говорить о том, что происходит у него браке, и как в юном возрасте одно взрослое решения привело к другому. Казалось, каждое слово причиняло еще большую боль и я не хотела больше слышать о его браке. Признание в том что он принимал наркотики и алкоголь это одно, но слышать как он пытается найти оправдание тому, что он остается со своей семьей, после того как я ясно дала понять, что не могу больше иметь такие отношения которые сейчас у нас...

— Остановись, — слова слетели с моих губ. — Я не могу больше терпеть это. Первое, это несправедливо к твоей семье. Сейчас, я должна подумать о себе, правда. У меня было много возможностей за последние пару лет — возможности встречаться с парнями, или посещать другие места, или вести нормальную жизнь. И знаешь что? Я не воспользовалась ими, потому что я чувствовала, что изменяю тебе. Я даже не насладились первым поцелуем с другим парнем, потому что была предана тебе.

Я не смогла путешествовать со своими друзьями, потому что знала, что ты будешь скучать без меня. Все старшие классы я пугалась учителей и учеников вокруг меня, только так я могла продолжать видеться с тобой. Я люблю тебя, но это несправедливо ко мне. Если ты любишь меня так, как говоришь, ты поймешь это. Неужели я о многом прошу, Том? — Ко времени, когда я закончила, было ощущение будто я кричала. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но рана был нанесена. Я была обижена и разочарована и моя решимость был тверже, чем когда-либо. Я бросаю его. Сейчас.

— Ты серьезно? Потребовал он, с недовольным выражением на лице. — Ты собираешься повернуться ко мне спиной, вот так? Изабель, пожалуйста! Подумай об этом, прежде чем принять опрометчивое решение. Никто не сможет полюбить тебя больше чем я, даже не знаю, возможно ли это. Пожалуйста, Изабель, я знаю, ты любишь меня!

Отчаянье Тома росло и я знала что мне нужно избавиться от него прежде чем произойдет что-то неожиданное. Мои родители ждали меня дома, и я боялась, что Том, который очевидно не слышит никаких доводов, может выкинуть какую-нибудь глупость.

— Хорошо, послушай, мне нужно ехать домой, — спокойно произнесла я. — Давай встретимся на выходных, хорошо? После того как у нас будет время все обдумать. У нас

будет больше времени на разговор, в твоём грузовике, наверху в горах. Мои родители ждут меня, я должна была приехать еще полчаса назад, и я не хочу вызывать подозрений. Пожалуйста?

Том склонился и притянул мое лицо близко к своему.

— Изабель, ты моя любимая. Ты для меня все. Ты знаешь это, не так ли?

Я смогла выдавить улыбку и ответить.

— Да, знаю.

Я осторожно подталкивая, выставила его из машины и уехала так быстро как только могла, слезы скатывались по моим щекам.

Глава 22. С тобой или без тебя.

Выходные прошли без романтического свидания, которое я обещала Тому. Последние два дня недели после школы я оставалась дома. Он звонил в четверг, в пятницу (дважды), и в субботу утром (четыре раза). Я попросила маму говорить всем парням, которые будут звонить, что меня нет дома.

— Почему ты так груба с мальчиками? — попыталась выяснить мама. — Однажды тебе действительно понравится мальчик, а он не будет отвечать на твои звонки. Посмотрим как тебе это понравится.-

Я закатила глаза. Сколько мама не ссорилась со мной из-за «грубости к мальчикам» она всегда выручала меня, она отвечала на звонки и говорила что меня нет дома. Может она думала, что таким образом защищает меня, и я позволяла ей это.

На выходных я решила также остаться дома. Я не знала, что придет в голову Тому, когда он поймет, что я избегаю его. Как бы ни было ему больно, я не думала, что он поступит глупо и появится перед дверью моего дома. Для него это будет слишком рискованно, поэтому дома я находилась в безопасности.

В воскресенье вечером мама вручила мне запечатанный конверт и сказала

— Вот Изабель, забыла дать тебе, это пришло с почтой вчера утром. — Это был белый, твердый конверт с аккуратным почерком.

— Спасибо, мамуль, — сказала я и взяла конверт с осторожностью. Мама вышла из комнаты также быстро как и зашла, не проявляя интереса к конверту. Я осторожно открыла его, проверив нет ли признаков вскрытия письма, но оно было нетронутым. Уверенная в том, что я первая кто прочитает его содержимое, я раскрыла письмо и тут же узнала почерк Тома.

14 Июля 1995

«Дорогая Изабель,

Изабель, я так понимаю ты снова решила игнорировать меня. Думаю, не нужно говорить как сильно это ранит мое сердце. Но с другой стороны, ты молода и ведешь себя как обычный подросток, как я могу из-за этого расстраиваться? Это твои первые взрослые отношения. Позже ты узнаешь что, взрослые не игнорируют друг друга, они не разрывают отношения ни с того ни с сего. Я разочарован и обижен. Почему сейчас? Почему так? Изабель, через неделю ты окончишь школу! После, я могу никогда не увидеть тебя. Ты любишь меня, ведь так? Если ты до сих пор любишь меня, почему бы тебе не проявить уважение ко мне и не положить всему конец при личной встрече? Позволь в последний раз обнять и поцеловать тебя.

Я думал, что наша любовь преодолет любые трудности и мы будем вместе, как это было последние три года. Не это ли ты говорила мне недавно ночью? Или ты не любишь больше меня? Может у тебя кто-то есть?

Надеюсь, ты примешь правильное решение и с уважением отнесешься к моей любви. Не забывай, я люблю тебя и если этому суждено случиться, все что я хочу это в последний раз сказать друг другу до свидания. Если ты хочешь порвать со мной, то дай мне, хотя бы, в последний раз обнять тебя... это все о чем я прошу.

Я хотел сказать, что принял решение относительно своей жены и нашего брака, но лучше я скажу тебе это при встрече. Пожалуйста, пожалуйста, давай встретимся, в последний раз.

Надеюсь, на ответ.

С любовью,

Том

P.S. Как и прежде, пожалуйста уничтожь письмо после прочтения.»

В понедельник я пошла в школу, пытаясь насладиться последней неделей в школе. Том под разными предлогами пытался оказаться ближе ко мне, но Лиза вела себя как настоящий телохранитель и на каждом шагу прикрывала меня. Она даже на переменах ходила со мной к нашему шкафчику, чтобы быть уверенной, что Том не подойдет ко мне. После школы, она уезжала домой со мной. Мы каждый день ездили домой не ко мне, а к ней и оставались там допоздна. Том постоянно следовал за нами, но ко времени, когда я в 6:00 или 7:00 часов вечера приезжала домой, он уезжал к себе, к своей семье. Я восприняла это как знак того, что он сделал свой выбор и укрепила во мнении игнорировать его. Я не собиралась давать ему «последний раз» о котором он просил. Что касается меня, все было кончено.

Я с ужасом ждала ночи вручения аттестатов, так как это означало конец добрым годам моих исследований и открытий, но церемония оказалась приятно торжественной. Я сидела на травянистой лужайке в белой мантии, в окружении друзей. Во время длинных и скучных речей мы делились шутками друг с другом, хихикали над ними и передавали записки. В какой-то момент я посмотрела на записку, которую Лиз написала мне, и пробежалась взглядом по ряду учителей и толпе. Я знала, что Том находится где-то в толпе. Может быть, он привел свою жену и детей на церемонию. Я подумала о боли которую причинила ему и не могла не спросить себя не слишком ли жестоко я обошлась с ним. Неважно сколько раз я думала об этом, но я не видела способа поступить иначе. Я точно знала, единственный способ положить конец всему, если я хочу этого, это уйти не прощаясь. Это сработало раньше и сработает снова, я была уверена в этом.

Лиз взглянула на меня, и увидев, что я уставилась на толпу, локтем ткнула меня в ребра.

— Хватит думать о нем, — нравоучительно произнесла она. — Ты сделала то, что должна была сделать. Двигайся вперед. Повзрослей. Живи своей жизнью.-

Я улыбнулась и кивнула, признавая, ее правоту. Я пыталась быть честной; даже использовала в качестве довода его любовь ко мне, чтобы он отпустил меня. Я просила его ради меня бросить жену, чтобы остаться с ним. Ничего не сработало. Он не хотел слушать доводы и он один был виноват в том, что я ушла от него и наших отношений. Мы в равной степени были виноваты за сами отношения, но по крайней мере, за разрыв я могла взять всю ответственность на себя.

После окончания церемонии, на поле хлынула толпа друзей и членов семей. В воздухе пахло свежесрезанными цветами и попкорном и выпускники разбежались в поисках своих семей. Издалека, это должно быть походило на рой разноцветных муравьев, идущих в поисках упавших хлебных крошек. Я потащила за собой Лиз, чтобы найти своих родителей, обещая, что после мы найдем и ее родителей. Мы сделали всего 10 шагов, когда я

почувствовала на себе чей-то взгляд. Я повернулась, оглядывая толпу и обнаружила, что Том пристально смотрит на меня, стоя за стульями. Он стоял с другими учителями. Они разговаривали, но он отошел в сторонку, чтоб посмотреть на меня когда я проходила мимо, в его глазах стояли невысказанные вопросы и боль.

Том застыл. Беготня людей вокруг отступила на второй план. Следующие пятнадцать секунд, существовали только я и Том. Затем сзади, к нему подошла его жена и положила на его руку свою. Как бы ни было больно вырвать его из своей жизни, в том момент я осознала, что если хочу жить нормальной жизнью, я должна уйти.

Оторвав взгляд, я опустила глаза и стала изучать траву у своих ног. Я с трудом сглотнула и почувствовала как Лиз успокаивающе сжимает мне руку в дружеской поддержке. Я снова посмотрела на Тома. Глазами я сказала ему "Все кончено".

Я повернулась, и прежде чем я что-то осознала, мои ноги уверенно понесли меня прочь от Тома, прочь от отношений, которые у нас были.

Глава 23. Пожалуйста, пожалуйста скажи почему?

На следующий день я начала собирать вещи. Я должна была уехать в августе, но хотела пораньше приступить к болезненной процедуре: привести в порядок свою жизнь и направить ее в нужное русло. Этим я и была занята. Несмотря на то, что я решила порвать с Томом, мое сердце было наполнено отчаянием, печалью, а также огромным чувством вины. Я повзрослела во многом благодаря этому мужчине, который в моей жизни три последних года играл роль сказочного принца, и я не была абсолютно уверена, что поступила правильно. Ночью я ставила под сомнение свое решение, свои действия и даже свой разум. Когда я проснулась, я решила, единственное, что остановит эти мысли это занять себя чем-нибудь.

Недели после окончания школы были самыми трудными для меня. Особенно ужасными были утренние часы. Каждую ночь меня одолевали мысли. В моих снах я снова была с Томом, как будто не расставалась с ним. Днем я видела его грузовик, но каждый раз разворачивалась и уходила. Действительность заключалась в том, что Тома больше не было в моей жизни. Он принял решение и остался со своей женой. Сердцем я знала, что обратной дороги нет. Том ни разу больше не позвонил.

В колледже я сразу же ушла с головой в учебу, чтобы отвлечься от Тома. Я избегала вечеринок, людей, интересных парней, и сосредоточилась на том чтобы стать первой в учебе. Многие пытались со мной подружиться и приглашали куда-нибудь, но мне было просто не интересно. Мое сердце было разбито — безжалостно — и я не собиралась снова подвергать его риску. По крайней мере, не сейчас. Я не верила, что смогу также сильно в кого-нибудь влюбиться, как я влюбилась в Тома и окончание этих отношений разорвало мое сердце на мелкие части. Мои книги и отметки были стабильны и зависли только от меня, они никогда не причинят мне боль, так как это могут сделать люди.

В конце первого года обучения в колледже, прежде чем отправиться на престижную летнюю практику в Вашингтон, я решила съездить домой. Я скучала по родителям и брату, и хотела снова повидать старых друзей. Мои родители переехали из Хиллсайда в более престижный район по соседству и сейчас у них был дом большего размера и больше земли. Я слышала о новом доме, но когда приехала, была удивлена, увидев его. Он был самым большим домом в квартале и у мамы теперь в распоряжении было больше комнат для успешного ведения бизнеса.

— Раньше мы бы убили за такой большой дом! — в шутку сказала я Тони, который

пришел повидать меня. Несколько месяцев назад Тони женился на Эми, хотя я не присутствовала на свадьбе, и жил в Хилсайде, доме, который раньше снимали родители. Я знала, что они часто виделись друг с другом и Тони стал особенно близок с отцом.

Он засмеялся, кивая, и потащил меня за дверь.

— Ты должна увидеть бассейн позади дома! Он бы тебе пригодился, когда ты занималась плаванием. — Я согласилась с этим и пошла за ним, шагая к большой, декоративной площадке у бассейна. Вид воды всколыхнул мои воспоминания и я ахнула. На восточном побережье не было погодных условий для плавания круглый год, и с момента окончания школы я ни разу не сходила в бассейн. Запах хлорки и вид яркой сверкающей воды тут же вернул меня в бассейн Королевских Дубов и вызвал различные эмоции, которые я старалась избегать целый год. Я почувствовала облегчение, когда мама позвала меня из дома.

— Изабель! Тебе звонят, — крикнула она, держа перед собой телефон.

Я зашла в дом и подошла к маме, которая протянула мне трубку.

— Кто вообще знает, что я дома? — Мама пожалала плечами. — Это Вики. — Я улыбнулась, удивившись и взяла телефон.

— Вики? Seriously? — Чемпионка по плаванию из моей школьной команды и дорогая подруга, засмеялась на другом конце провода.

— Привет, Изабель, Я слышала ты дома! Моя сестра в прошлые выходные встретила твоих родителей в торговом центре, они сказали что ты приедешь сюда. Давай сходим куда-нибудь, пока ты не уехала в Вашингтон! Мы не виделись сто лет. Теперь я новый главный тренер по плаванию в Королевских Дубах, и завтра утром у меня тренировка. Помнишь когда мы плавали у нас была миссис Роббинс, помощница тренера, которая люто ненавидела нас? Сейчас она моя помощница. Смешно, правда? В любом случае, у меня тренировка с десяти до середины дня, почему бы тебе не подойти в школу? Уверена, ты узнаешь некоторых пловцов, тех, кто на два, три года младше нас. После тренировки мы можем пойти куда-нибудь.

Я улыбнулась в телефон и стала слушать болтовню Вики. Я забыла, что она сама в основном ведет разговор, и ждет чтоб с ней только соглашались. Будет здорово увидеть ее. Правда, при мысли о том, что я снова появлюсь в кампусе, у меня скрутило живот. Королевские Дубы была моей романической площадкой и декорацией драмы и отчаяния. Каждый метр этого кампуса напоминал мне о Томе; как будто у меня не было других воспоминаний, связанных с этим местом. Я сглотнула при этой мысли, а вслух спросила можем ли мы встретиться в другом месте. Вики наотрез отказалась и настояла, чтобы я пришла к нашей утоптанной площадке у бассейна.

В ответ я вздохнула. Я не была готова увидеть Тома лицом к лицу; ради исцеленного сердца, я надеялась, что никогда не увижу его снова. Весь прошлый год я пыталась забыть его, заглушить боль в сердце. Будь я другим человеком, я бы приехала домой раньше и постаралась бы уладить с ним отношения. Но я приняла решение, и не думала, что у меня будет шанс возобновить их. Может быть это возможность отпустить то, что случилось, думала я, и доказать себе, что я наконец двигаюсь вперед. Сейчас я взрослая женщина, и мне нужно противостоять эмоциям, которые угнетают меня. Сколько раз мои друзья говорили, что я должна разобраться в проблеме, прежде чем двигаться вперед и преодолевать ее.

С бьющимся сердцем, я согласилась встретиться с Вики и повесила трубку. В конце концов, сейчас лето, подумала я. Какая вероятность того, что Том будет в кампусе?

Школа не изменилась. Кампус выглядел заброшенным и плохо ухоженным. Правда, здания выглядели меньше, чем раньше и стали более ветхими. Я вздохнула, радуясь что мне больше не нужно каждый день приходить сюда, и припарковала новую мамину машину БМВ с открытым верхом — которой она разрешила пользоваться — на стоянке возле бассейна. Как только я поставила машину, что-то привлекло мое внимание, и я взглянула туда. В дальнем конце парковки стоял приметный грузовик Тома.

Мысли завертелись в голове, а внутри все похолодело. Последовал шок, когда я поняла, что в этот момент Том находится здесь в кампусе. Эта мысль породила уйму вопросов. Том никогда не ставил свой грузовик на стоянке для учеников. Почему он сделал это сегодня? Неужели он знал, что я остановлюсь здесь? Кто ему сказал и почему? Конечно же не Вики. Почему грузовик припаркован на самом краю стоянки, около выезда? Том всегда парковал грузовик как можно ближе к своему классу, поэтому не понятно, что сегодня грузовик делает на самом краю?

Мой мозг остановился на последнем и самом важном вопросе. Где конкретно он сейчас находится? Безопасно ли выйти из машины, не столкнусь ли я с ним, как только заверну за угол?

Наконец, я уговорила себя поверить в то, что он в классе или занят чем-нибудь и выпрыгнула из машины. Было ощущение, что небольшая прогулка от машины к бассейну заняла часы, хотя фактически я чуть ли не бежала. Позади, в нескольких метрах от меня, стоял пугающего вида грузовик Тома, и были все шансы снова увидеть его. Когда я дошла до бассейна, я увидела улыбающееся лицо Вики. Я нырнула под ворота и, оказавшись за строением, выдохнула с облегчением.

— Привет, Я ждала тебя! — прокричала Вики, увидев как я перешагиваю ржавую цепь на воротах. Вики выглядела точно также как раньше, за исключением волос, которые стали длиннее и доходили почти до талии. — Слушай, Изабель, ты помнишь этих парней? Они были в команде, когда мы плавали два года назад, помнишь?

Я кивнула, взглянув на парней в бассейне.

— Как ты вообще стала главным тренером по плаванию? — Спросила я, подходя вместе с ней к таким знакомым бетонным скамейкам. Что случилось с мистером Стивенсом?

Вики нахмурилась и покачала головой.

— Директор выгнал его с этого места когда началось расследование, ты знаешь эту историю. Его больше не вернули на эту должность. — Она пожала плечами и улыбнулась. — Кроме того, я была звездой команды! Я стала лучшим тренером, чем он!

Вики ближе наклонилась ко мне, убедившись, что никто не сможет услышать то, что она собиралась сказать.

— На самом деле, я слышала как некоторые пловцы говорили, что мистер Стивенс взялся за старое. Знаешь, увлекся одной из учениц из своего класса. Как же ее зовут? Думаю Кристи или что-т в этом роде. Может быть Кристен, не знаю. Очевидно это блондинка из чирлидеров. Их все время видят вместе и они постоянно уходят вдвоем из кампуса. Можешь поверить в это? Директор Уоррен ничего не может сделать с этим, кто знает действительно ли это правда. Имею в виду тот случай, когда мистера Стивенс обвинили, смотри чем все кончилось. Нет доказательств, одни только слухи так говорят. Свидетелей не было и полиция против него ничего не нашла. Поди разберись. В любом случае, не думаю, что ему интересно дальше тренировать команду пловцов.

Не уверена, заметила ли Вики выражение моего лица, но я почувствовала как будто не

зажившую рану на сердце безжалостно вспороли. Том путался с другой ученицей? Уже? После того что нам пришлось пройти, и того что он говорил мне? Мне захотелось кричать, хотя я с трудом сглотнула и попыталась напустить на себя безразличный вид. Он говорил, что любит меня и что я единственная для него. Я отдала ему свое сердце и свою девственность. Было ощущение, что из меня выпустили весь воздух.

Пока Вики бубнила, я пыталась взять себя в руки. Изабель, прекрати сходить с ума! Это, вероятно, всего лишь слухи. Ты знаешь как это бывает у молодых людей, сплетничают по каждому поводу. Наверно кто-то из учеников видел, что он дружески общается с чирлидершей и сделал поспешные выводы. Вот так. Да, именно так. Он сейчас ни с кем не крутит роман.

Правда вмешался другой голос и сказал то, что я вовсе не хотела слышать. Что если это его стиль поведения? Что если он начинает отношения с девочками, продолжает их и затем, когда девочки уезжают в колледж, начинает по-новому?

Эта мысль вызвала другую, более болезненную догадку. Если я была не последней и он продолжил дальше... не значит ли это что я была и не первой?

— Изабель, ты слушаешь меня?-

— Ой, извини, Вики. Я просто задумалась о том, что мне нужно сделать до поездки в округ Коламбия, извини. Что ты сказала?

— Я только сказала, что могу пораньше закончить тренировку, и мы сходим на ланч. — Она встала со скамейки и повернулась ко мне. — Почему бы тебе не пойти в In N' Out, на случай если там очередь? Ты можешь занять столик. Я закончу здесь и мы встретимся минут через пятнадцать. Мне нужно выпроводить детей из бассейна и закрыть ворота.

Я кивнула, чувствуя что умираю с голода. В машине и кафе у меня будет время взять себя в руки и натянуть счастливое лицо.

— Договорились. Увидимся в In N' Out чуть позже. — Ничего так не желая, как побыстрее уйти, я вскочила и пошла к воротам. Подходя к маминной машине, я в раздумье смотрела на бетон под ногами, но что-то заставило меня взглянуть на парковку. Она была почти пустой, но в дальнем конце что-то двигалось. Едва видимое мне.

Около грузовика Тома была тень. Там было какое-то движение и что-то происходило. Я чуть пригнулась и быстрее пошла в БМВ, надеясь быть не узнанной. Последнее что мне нужно это внезапная встреча; я и так была взвинчена тем, что только что услышала, и от встречи с Томом станет еще хуже. Я запрыгнула в машину и закрыла за собой дверь, пригибаясь ниже, чтобы меня не было видно. Через некоторое время я выглянула из-за приборной доски.

Том находился внутри грузовика, того самого в котором мы провели немало часов занимаясь любовью. Рядом с ним сидела изящная блондинка, наполовину скрытая из вида. Казалось, блондинка ближе передвинулась к Тому, и затем, до того как я осознала это, грузовик стал выезжать.

Острая боль пронзила мне грудь, я не могла дышать. Увидев, как Том уезжает с новой девочкой, я не выдержала и расплакалась, полная отвращения и страдания. Каждый сантиметр моего тела чувствовал потерю. Я порвала отношения и то что я бросила его разбило мне сердце, но это было другое; я была инициатором разрыва. Ощущение что меня заменили разрывало мне сердце. Я была бессильна перед волной эмоций что накрыла меня.

Впервые за всю жизнь, я чувствовала себя абсолютно обманутой. Я знала, что до сих пор люблю Тома и скучаю по нему, но я не понимала как все еще сильна эта любовь. И

одним ударом, одним ужасным решением, Том вырвал любовь из моего сердца и скинул меня в глубокую бездну боли. Как он смог сделать это со мной? После того как я все отдала ему! Свою любовь, свою преданность, свою девственность! Лучшие годы своей жизни. Снова и снова в моей голове звучала только одна фраза: пожалуйста, пожалуйста скажи почему?

Глава 24. Ты предназначался мне.

Я пообедала с Вики, стараясь изо всех сил вести себя так, будто ничего не произошло. Мы болтали о школе и колледже, наших друзьях — новых и старых — и о своих планах на будущее. Я рассказала ей о своей стажировке в Вашингтоне, о карьере к которой я стремлюсь. К концу обеда у меня не осталось сил сохранять на лице маску радости и возбуждения. Я уехала из ресторана, пообещав пойти вместе в кино и записала ее телефон в ежедневник.

Когда я приехала домой, я сразу же помчалась мимо мамы в свою комнату, в которой я планировала пожить еще несколько недель и где я ранее распаковала свои вещи. В колледже я кое-что поняла про себя, я знала, что письма Тому разбудили во мне любовь к написанному слову и ощущению, что через слова я избавляюсь от негативных эмоций.

Я быстро подошла к своему столу, смахнула с него хлам, вытащила дневник и любимую ручку. Дневник открылся на последней исписанной странице и я уставилась на следующую, в голове была пустота. Наконец я поднесла ручку к бумаге, записала дату и стандартные вступительные слова. Мысли стали обретать форму слов и фраз, и не успела я опомниться, как уже настрочила пять страниц. Я перечитала написанное и поняла, во мне говорит чувство отверженности, шок и ужас от поступков Тома, неотвязное ощущение, что меня использовали, и разочарование в том, что любимый человек оказался хуже чем я о нем думала.

И причиной всему этому было разбитое сердце и понимание, что я, на самом деле, никогда не отпускала его. Склонившись, я написала последнюю фразу: «тогда я этого не понимала, но сейчас знаю, что приехала домой с целью помириться с ним.»- Изящная блондинка в его грузовике перечеркнула мои планы, подумала я, усаживаясь на стул.

Я повернулась посмотреть в окно, вниз на бассейн, раздумывая над тем что произошло и что меня ждет дальше. Выплеснув свои эмоции через письмо, я почувствовала что силы меня покинули, но на ум так и не приходил план. Я не знала, что мне предпринять. Но точно знала, что план нужен мне.

— Что собираешься делать — тихо спросила меня Лиз. Я поступила также как и раньше, когда ходила в школу: позвонила своей лучшей подруге. Она единственная знала о моих отношениях с Томом, и единственная кому я доверяла. Она также была единственным человеком, кто мог выслушать мою историю и дать искренний совет.

Я нахмурилась.

— Не уверена, Лиз, — ответила я. — Я мечусь между двумя вариантами. Часть меня хочет убежать с разбитым сердцем и все забыть. Я не хочу больше видеть его или думать о нем. — я замолчала, задумавшись.

— А другая? — спросила она.

Я подняла глаза, пожав плечами.

— Другая часть хочет поступить по- взрослому. Также как окружающие, будь они в курсе происходящего со мной в школе. Если он пользуется другой девочкой — если он делает, тоже что он делал со мной — кто-то должен сообщить об этом полиции. Или ее родителям. Сделать что-нибудь.

Лиз фыркнула от смеха.

— Предполагаю, то, что у него будут проблемы в виде ареста или пожизненного изгнания из школы, если ты сделаешь так, облегчит твои страдания. Совсем немного.

Я улыбнулась, не в состоянии противиться ее язвительной подколке и кивнула.

— пожалуй, в этом есть доля правды. — призналась я. — Хотя я просто не знаю, как сделать это. Не знаю смогу ли я решиться.

Лиз притянула к себе салфетку, и взяла шариковую ручку.

— Я понимаю это так, — пробормотала она — у тебя есть два варианта. Предположим ты собираешься кому-то сказать об этом. Первое и самое очевидное что нужно сделать это поговорить с девочкой. Посмотрим, сможешь ли ты образумить ее. Если это не сработает, ты сможешь пойти к ее родителям. Если и это не сработает — хотя не знаю с чего бы — ты сможешь обратиться в полицию. Либо расскажешь чем он занимается с девочкой, либо расскажешь, чем он занимался с тобой. — Она оторвалась от своих записей и поймала мой взгляд. — Уверена, у них до сих пор осталось дело на тебя. Знаешь, люди довольно пристально наблюдают за ним.

Я кивнула, размышляя. В моих силах было засадить Тома за решетку, если бы я захотела этого. Раньше такая мысль не приходила мне в голову, но мне было ненавистно думать о том, чем он занимается с другой девочкой. Если честно, я была убита горем и идея об отмщении намного перевешивала благородное стремление защитить кого-нибудь. Смогу ли я на самом деле пройти через это или нет — рассказать полиции, засадить его в тюрьму, возможно разрушить его жизнь...

— Тогда сначала девочка, — быстро сказала я, приняв решение. — Если она выслушает меня, она сама решит что делать, это уже будет ее проблема. Может быть, мне больше не нужно будет вмешиваться в это.

Всю ночь я придумывала план и как минимум сто раз передумывала. Все это время мое сердце учащенно билось; стоять лицом к лицу к девочке означало, что я услышу — лично от нее — что у нее отношения с Томом. Я не сомневалась, что он говорил ей те же слова, что и мне, что он любит ее, что она единственная для него, что он не любит свою жену, и что жить не может без нее. Также не сомневалась, что и она будет повторять те же самые слова мне. Я помню себя пятнадцатилетней и знала как она воспримет меня. Для нее я практически взрослая женщина, она подумает, что я понятия не имею о чем я говорю. Она будет уверена, что я не смогу понять ее чувства и что у нее с Томом.

Она не поверит, что у меня тоже были с ним отношения. Я подумала, что правда ранит больнее всего.

Мне нужно найти способ убедить ее, и использовать достаточно веские аргументы, чтобы она обратилась за помощью, а не закрывалась. Мне нужно сказать ей о моих с Томом отношениях, и использовать информацию о Томе, которой я ни с кем не делилась. Если она не станет слушать, мне придется сказать ей, что я пойду к ее родителям, и возможно в полицию.

Я с трудом сглотнула, спрашивая себя готова ли я сделать это. Я плакала несколько часов, мои глаза разболелись и опухли. Мое горло саднило от рыданий, и я думала, что у меня завтра пропадет голос. Мое сердце превратилось в темное, мрачное пристанище боли и сожаления. Но я не могла закрыть глаза на происходящее и я должна была признаться, что план дает мне некое успокоение. Я прислушалась к своему сердцу и поняла, что я делаю это, не для того, чтобы навредить Тому. Хотя, в моем подсознании засела мысль, что если он не

достанется мне, то не достанется никому.

К тому времени когда я пошла спать у меня был готов план.

На следующее утро до начала уроков я поехала в школу. План был прост: пройтись по кампусу, пока ученики будут идти на занятия, расспросить о девочке и выяснить кто она. Я поняла, что это может быть не так просто, но это была небольшая школа и я окончила ее всего год назад, здесь полно народу, который до сих пор помнит меня. Был летний семестр, так что учеников будет меньше, хотя я знала — судя по вчерашнему дню — что девочка, которую я ищу должна быть здесь.

Мое сердце учащенно билось, когда я припарковалась на ученической парковке. Вокруг меня кружились беззаботные ученики, и я подумала, что я вероятно хорошо смешиваюсь с ними.

Это не меняло того факта, что Том в это время тоже был в кампусе. Я знала, что он был здесь — я видела его грузовик на стоянке для преподавателей. Должно быть, он преподает летом, и с небольшим количеством учеников в кампусе...

Не думай об этом, сказала я себе. В конце концов, я знала где находится его класс — конечно у него был тот же класс — и я могла не ходить по его стороне кампуса. В любом случае, я не планировала идти на территорию преподавателей, и я могу спрятаться за здание, если увижу его. Все что мне нужно это найти место, откуда я могу наблюдать за проходящими учениками и найти девочку, которую я ищу.

Я побежала к скамейке у входа в школу и вытащила журнал, так чтоб выглядеть занятой. Я посмотрела вниз, читая последний абзац, и смотрела на проходящих учеников через солнцезащитные очки. Некоторых я знала, некоторых нет. Здесь были новые ученики, которые на мой новый зрелый взгляд, выглядели на десять лет старше. Я посмеялась про себя, в их возрасте, я смотрела на взрослого мужчину и хотела быть старше, чтобы встречаться с кем-то у кого была растительность на лице.

Когда я была в их возрасте, я начала строить план обольстить одного из тренеров, так чтобы я могла встречаться с кем-то таким взрослым и посмотрите во что это вылилось.

Я вернулась к своему журналу, глазами пробегая записи. Я должна как-то связаться с девочкой и образумить ее. Она должна узнать, через что я прошла, и что ждет ее, так чтобы ей не попасть в беду. Я знала, что у моего плана имеются более скрытые, эгоистичные причины — среди них желание избавить Тома от неприятностей, — но я избегала думать о них. На самом деле, я провела целую ночь, пытаясь не думать о самом Томе. Факт, что он встречается с кем-то еще, подвозит домой, отвозит в те места, куда ездили мы... Я не хотела чтобы он был с другой девочкой. Он клялся мне, что я единственная, и видеть его с кем-то было для меня невыносимо. Несколько минут мои мысли шли в этом направлении, и я отогнала их. Было слишком больно думать об этом и наваждение этой мыслью для меня прекратится.

Я затаила дыхание, понимая, что я витаю где-то далеко, и снова смотрю на дворик перед собой. Я потеряла по крайней мере пять минут в мыслях, и территория начала пустеть. Она уже прошла? Я пропустила ее? Она была так рано уже в кампусе? Я встала, осматривая двор, отчаянно ища светлую голову, но было пусто. Волна студентов превратилась в струйку, а затем вовсе закончилась, мои плечи поникли. Это был хороший план, и он единственный что у меня было. Я снова посмотрела через двор, надеясь увидеть кого-нибудь из опаздывающих, остановилась и медленно посмотрела туда, откуда появились ученики. Прямо напротив меня, там где начинались здания, через жалюзи одного из окон на меня

смотрела пара глаз.

Когда наблюдавший за мной заметил что я смотрю в его сторону, жалюзи закрылись.

Я нахмурилась, стараясь вспомнить учителя из этого класса. Я не посещала этот класс, но это ничего не значило. От этой мысли мне стало плохо. Это мог быть кто угодно. Я находилась в пустом дворе, на виду у всех, совсем одна.

Я повернулась и побежала к машине.

Возвращаться в кампус было одной из самых трудных задач для меня. Я понятия не имела, кто наблюдал за мной сквозь жалюзи в классе, и не думала, что осталась незамеченной. Учитывая мое прошлое в школе, я знала что многие заинтересуются моим присутствием здесь. Я не хотела обращать на себя внимание, и естественно не хотела проблем. Днем я опять поехала в кампус, пообещав себе, что это будет последняя попытка. Я сказала себе, если я не найду ее сегодня, то забуду о проблеме и вернусь на Восточное Побережье.

Я припарковалась в гуще машин и осмотрелась вокруг. Прежде всего я обратила внимание на большой синий грузовик на углу. Том был здесь, и возможно ждал свою новую девочку. Я сделала глубокий вдох и прикусила щеку. Как мне было неприятно, но лучше и проще всего было застать ее у грузовика. Я достала солнечные очки, большой журнал, и стала ждать.

Когда закончились уроки, парковка заполнилась учениками. Из под журнала, я взглянула на грузовик, выискивая изящную блондинку, которую я видела с Томом. Они проедут мимо меня, когда будут выезжать и я поняла, что при наличии времени я смогу достаточно легко узнать ее. Я надеялась, что она будет одна, и что она будет беззаботна. Раньше я знала, что мне нужно держаться подальше от грузовика Тома, но она, возможно, не понимала, что ей нужно поступать так же.

Я следила за грузовиком, стараясь быть незаметной и так увлеклась что почти пропустила девочку. Я чихнула, на мгновение опустив глаза, но тут же вернулась к наблюдению. Когда я выглянула из под приборной доски, чтоб посмотреть на двери школы, я увидела ее. Она была очень маленькой и очень хорошенькой, с красивыми, утонченными чертами, которые я ожидала бы увидеть у эльфа. Она выглядела очень юной.

Рядом с ней шла женщина с похожим лицом. Ее мать, подумала я, мое сердце ухнуло. Затем я распрямила плечи. Мне нужно действовать быстрее, чем я думала, ее матери нужно знать, что в школе есть учитель, которого нужно остерегаться. Я выпрыгнула из машины и быстро пошла к ним. Когда я подошла достаточно близко, я протянула руку для приветствия.

— Привет, — громко сказала я, надеясь что мой голос звучит искренне. — Меня зовут Изабель Круз. Раньше я ходила в эту школу, на днях я приходила сюда повидать старых друзей. — Я посмотрела на мать девочки, затем на саму девочку. Она была еще меньше, чем я ожидала и намного симпатичнее. Мое сердце тревожно билось и я судорожно сглотнула. Неужели Том посчитал ее привлекательнее меня? Ему понравились ее светлые волосы, и маленький размер эльфа? Он говорил ей что он единственная?

Он любил ее?

Женщина посмотрела на меня так, будто я сошла с ума, и я продолжила.

— Дело в том, — сказала я, чуть тише, — Я заметила, что ваша дочь садится в грузовик к Тому, и я...ну, я...

Женщина, нахмурившись посмотрела на меня, ее лицо ничего не выражало.

— Да? — тихо спросила она.

Я почувствовала как моя решимость покидает меня. Как я скажу ей это?

— Ну, я видела как она садилась в грузовик Тома, — повторила я, чуть заикаясь — И мне стало интересно насколько хорошо вы его знаете.

Женщина снова нахмурилась, но вмешалась ее дочь.

— Я знаю мистера Стивенса всю свою жизнь, — у нее был высокий и звонкий голос. — Он лучший друг моего папы. Он просто подвозит меня до дома, хотя вас это не касается. — Она одарила меня мрачным взглядом и я вспомнила себя в пятнадцать лет, когда я была влюблена. Вероятно, она считала себя самой важной персоной на земле.

— Да он друг семьи, — продолжила женщина, взглянув на дочь, а затем снова на меня. — Не знаю зачем вы спрашиваете, но моя дочь права — он один из лучших друзей моего мужа. Мы знаем друг друга много лет. У меня много работы и он подвозит мою дочь до дома, когда я не могу. Он с пониманием относится к этому и когда он потерял своих детей...-

— Что? Спросила я в шоке. Его детей? — Что с ними случилось?

Женщина внимательнее присмотрелась ко мне, и нахмурилась сильнее.

— Мисс Круз я не знаю, кто вы такая и что вас связывает с Томом — Я не уверена, что мне-

— Хорошо, это то о чем я как-раз хотела поговорить с вами, — Заговорила я, воспользовавшись моментом. Спрошу о детях Тома позже. — Знаете, думаю вам стоит быть осторожнее со своей дочкой, потому что-

— Изабель? — Звук моего имени, будто нож, рассек воздух и вонзился мне в сердце. Последние слова замерли у меня на губах и я медленно повернулась налево.

Том стоял в пяти метрах от нас. На его лице застыл шок и испуг. Его глаза, большие и темные, стали стеклянными от не пролитых слез. За печалью я увидела проблеск надежды.

— Том- выдохнула я. Я боялась этой встречи и понимала как это должно выглядеть со стороны. Я здесь, общаюсь с девочкой с которой у него начались отношения. Я должна представлять для него угрозу — возможно ему светит еще одно расследования и раскрытие. Он знал также как и я, что в любой момент я могу выдать его или рассказать о его прошлом его друзьями и знакомым. Наш последний разговор был таким неприятным, и я вела себя так грубо, что он должно быть подумал, вот почему я здесь. Я набрала в легкие воздуха, решая что же делать дальше.

За меня приняло решение мое тело. Я бросилась к нему и обвила его руками в надежде обрести поддержку и уют, которые он мне когда-то давал. Его руки в ответ обхватили меня и вместе с этим нахлынули воспоминания. Вот где мое место, сказала тело. Это мой дом, и самое надежное место в мире.

Правда, мой разум так не думал и я отстранилась. Этот мужчина связался с несовершеннолетней девочкой, говорил во мне здравый смысл и я должна защитить себя. Я не могу снова попасть в его сети. Он отпустил меня также быстро, как и обнял.

— Том, — произнесла я, мое сердце разрывалось, — Рада видеть тебя, но мне нужно поговорить с тобой. Эта девушка-

— О, ты познакомилась с Кристиной, — прервал он, обратив свой взор на девочку и ее мать. — Тогда, уверен, ты также познакомилась с ее мамой, Самантой. — он снова посмотрел на меня умоляющими глазами.

Я крепко сжала губы, готовясь произнести слова, которые необходимо было сказать.

— Да, я только что рассказывала им-

— Она говорит, что знала тебя когда ходила сюда в школу, Том, — прервала Саманта, ближе подходя к нам. Ее взгляд перемещался с Тома на меня и снова на Тома, молча спрашивая. Она приподняла бровь, глядя на него — Какие-то проблемы?

Том покачал головой и засмеялся.

— нет, нет никаких проблем. Саманта, позволь познакомить тебя с Изабель. Когда я был тренером, она была одной из звезд в моей команде пловцов. Уверен, она подошла просто поздороваться. Он снова взглянул на меня, приподнимая брови, я заметила недоверие в его глазах.

— Саманта и ее муж мои старые друзья, — сказал он, понизив голос — Я знаю их с колледжа. Я часто подвожу Кристин домой, когда Сэм не успевает вовремя.

Я повернулась к Саманте в поисках подтверждения его слов, она кивнула. Мое дыхание замедлилось, я тоже кивнула в ответ. Правда ли это? Неужели все так просто — он подвозит дочь своих друзей домой и ничего больше? Я взглянула на Тома, стараясь прочитать ответ в его глазах, как когда-то, и увидела, что его глаза проясняются и становятся дружелюбней. Должно быть, он увидел что я начинаю верить, так как уголки его рта дернулись вверх и он засмеялся.

— Извините, я должно быть напугала вас, подошла так, — сказала я, поворачиваясь к Саманте и ее дочери. — я увидела Кристин и Тома вместе, и я подумала что могу передать сообщение через вас. — Я замолчала, лихорадочно придумывая легкое оправдание. — Я не думала, что смогу увидеть его. Я приехала в город совсем ненадолго.

Когда я извинилась, лицо Саманты разгладилось, и она одарила меня блестящей улыбкой. — Ну в таком случае, предположу, что всем нам повезло. Он сейчас здесь, и вы можете сами переговорить с ним. — Она повернулась к Тому, пожимая плечами. — Правда боюсь, мы должны идти. У меня сейчас обед. Изабель, приятно было познакомиться. Том... позвони к нам сегодня вечером и скажи что все в порядке. — Она в последний раз взглянула на меня, затем отвернулась и направилась к припаркованной машине, ее дочь последовала за ней. Уходя, Кристина повернулась к нам, глядя прямо на меня и перевела взгляд на Тома.

— О мистер Стивенс... Я сегодня забыла у вас свое ожерелье после тренировки чирлидеров. Оно у вас? Том сделал шаг к Кристин, вынимая ожерелье из кармана. Кристин протянула руку и взяла у него ожерелье, в это время, я заметила как его рука задержалась на ее запястье, как мне показалось, непозволительно долго. Том заметил мой пронизывающий вопросительный взгляд и быстро одернул руку. Она отвела взгляд от Тома и с удовлетворенной улыбкой на лице посмотрела прямо на меня. Взмахнув своими волосами, собранными в хвост, она побежала вдогонку за матерью.

Я повернулась к Тому, интересно, что это было и как он, черт возьми, это объяснит.

Застав меня врасплох, отмахнувшись от того, чему я только что была свидетелем, Том с улыбкой на лице, мимоходом подразнил,

— итак, у тебя сообщение для меня? Что же это может быть такое? Его рука опустилась вдоль тела и согнулась, как будто он хотел снова дотронуться до меня, но не мог позволить себе сделать это.

Я посмотрела вниз, засмутившись.

— Ну, сообщение на самом деле было не для тебя. Вчера я видела тебя с Кристин, и я-

— Ты подумала, что я взялся за старое- завершил Том, принимая молчание за согласие.

Я жалко кивнула, ненавидя факт, что это значило так много, и увидев их вместе, чувствовала будто мои инстинкты были правы.

Внезапно, Том потянулся ко мне и я оказалась в его объятиях, прижатая к его телу, чувствуя биение его сердца.

— О, Изабель, ты действительно думала, что я сделаю это? — зашептал он мне в ухо, его слова звучали неискренне. — Тебя нельзя заменить. Ты всегда была для меня единственной.

Я прислонилась к нему, обретая силу в нем и умирая от желания поверить ему — Действительно похоже на то что ты действовал по старой схеме, в любом случае это не имеет значение, потому что ты до сих пор женат, у вас дети, мы не можем быть вместе, — промямлила я, слезы катились по моему лицу. Внезапно я осознала, что мы делаем — держим друг друга в объятиях, при свете дня, посреди школьной стоянки — и отстранилась.

— Не держи меня так, — сказала я, сдерживая слезы, у нас будут проблемы.

Он положил руки мне на плечи и так удержал меня, что мог смотреть мне в глаза,

— Изабель я ушел от жены. Я больше не мог быть с ней, узнав о себе и своих чувствах. Как раз это я и хотел рассказать в последнем письме, которое я написал тебе. Я сейчас разведен. Я мечтал о тебе год и молился чтоб ты вернулась ко мне, — его рот растянулся в улыбке, когда он замолчал, — пусть видят! Тебе сейчас девятнадцать, если я не ошибаюсь в расчетах, и я не нарушаю закон, обнимая тебя на парковке.

Я поняла, что опять попала под чары Тома, в голове вертелись миллионы мыслей.

— Но у меня до сих так много вопросов, и прошло столько времени.

Том поднял правую руку и прижал свой теплый палец к моим губам, заставляя меня замолчать.

— Обещаю ответить на все твои вопросы, я всегда говорил для меня ты одна, единственная. Просто скажи, что ты до сих пор любишь меня Изабель, это все что мне нужно знать.

Мое сердце остановилось и, казалось, остановилось время. Я посмотрела прямо в карие глаза Тома, полные желания, в этот момент я точно знала, какие слова мне нужно сказать.

Эпилог

Шокирующая правда заключается в том, что отношения между учениками и учителями существуют не только в США, но и во всем мире. Эти любовные отношения могут закончиться хорошо или стать трагедией, но всех их объединяет одно: когда о них узнает общество, они шокируют общественность. Мужчины и женщины реагируют с отвращением, удивлением, испугом, и даже гневом, воспринимая взрослого в этих отношениях манипулятором, а ученика наивной, невинной жертвой.

Эти незаконные связи находят такое же отношение в суде, где взрослую сторону обвиняют в различных преступлениях от сексуального растления до изнасилования, иногда лишают права на беспристрастных присяжных. Решения и приговоры выносятся задолго до дачи показаний и естественно не принимается во внимание ситуация и обстоятельства. Те учителя, кому посчастливилось избежать тюремного наказания должны отмечаться как лица, совершившее преступление на сексуальной почве, они теряют работу и репутацию. Их ждет безрадостное, мрачное существование без надежды на пересмотр дела.

Другая участь ждет учеников. С ними обращаются как можно деликатней, считают их жертвой преступления и советуют продолжать жить дальше. Им выписывают рецепты на антидепрессанты, помогающие «забыть» о случившемся. Им тоже приходится иметь дело с длительными последствиями отношений, несмотря осуждение в глазах окружающих, звездочки в учетных записях и многозначительные взгляды.

Как мы видим, общество уже подписало и вынесло приговор в подобных делах: виновен, не считаясь с фактами. В мире полно сексуальных преступников и взрослых, которые имеют связи с подростками после школьных занятий.

Но всегда ли так обстоят дела? Всегда ли эти отношения губительны и связаны с манипуляцией, где один насильник, а второй жертва? Или есть место для истинной любви в любых отношениях, несмотря на возраст, обстоятельства или саму ситуацию? «Сладкий запрет» пытается изучить этот самый вопрос — ученик и учитель могут влюбиться друг в друга, уважать друг друга, и даже построить вместе жизнь, несмотря на общественное предубеждение. Эта книга дает новый и смелый взгляд глазами ученицы и показывает, что основой этих отношений может быть любовь, а не манипуляция. Наконец, она дает надежду на то, что обе стороны могут продолжить свои жизни, и эти отношения не оставят шрамы в их душах. Маркес берет на себя смелость — для некоторых шокирующую — окунуться в область литературы и настоящей жизни, и представить необычные художественные воспоминания, в которых ученица и учитель показаны в мягком свете, и повествующие о том, что настоящая любовь может возникнуть на основе даже самой незаконной связи.

Больше книг на сайте — Knigolub.net